

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 2 (8)
2012

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

Зиннуров Ф.К. - ответственный редактор, к.пс.н., доцент;
Мионов С.Н. - заместитель ответственного редактора, к.и.н., доцент;
Хисамутдинов Ф.Р. - заместитель ответственного редактора, к.ю.н., доцент;
Кабиров Д.Э. - ответственный секретарь редакционной коллегии, к.и.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Р.Р., д.ю.н.;
Ахметзянова Г.Р., к.фил.н., доцент;
Валеев А.Б., к.филос.н., доцент;
Гарафутдинов М.Р., к.ю.н., доцент;
Згадзай О.Э., к.ф.-м.н., доцент;
Казанцев С.Я., д.пед.н., к.ю.н., профессор;
Клетнева Е.Г., к.ю.н., доцент;
Комлев Ю.Ю., д.с.н., профессор;
Марданов Д.Р., к.пед.н., доцент;
Муратова Н.Г., д.ю.н., профессор;
Синников В.Б., к.пед.н., доцент;
Сундуров Ф.Р., д.ю.н., профессор;
Талан М.В., д.ю.н., профессор;
Фаткуллин Ф.Ф., к.фил.н., доцент;
Шалагин А.Е., к.ю.н., доцент;
Шляхтин Е.П.

Выпускающий редактор
Хрусталева О.Н., к.пед.н., доцент

Подписано в печать 06.06.2012 г.
Формат 60x84 1/8
Усл.печ.л.11,0 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Цена свободная.

©Казанский юридический институт
МВД России
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
vestnikkui@mail.ru
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

РЕФОРМА МВД РОССИИ И ОБЩЕСТВО

Самошин В.А., Заманская В.В.

Гражданское общество России: между свободой и безопасностью 3

Зиннуров Ф.К.

Основные направления совершенствования подготовки кадров в Казанском юридическом институте МВД России в условиях реформирования органов внутренних дел..... 16

Комлев Ю.Ю.

Транзит от военной к социальной модели ОВД: дискурсивный анализ проблем полицейской реформы..... 19

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э.

О некоторых преступлениях, создающих угрозу здоровью населения и их предупреждении..... 26

Крылова Е.С.

Дифференциация уголовной ответственности за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств с учетом предмета преступления 32

Лабутин А.А.

Состояние преступности в сфере экономической деятельности, связанной с производством и реализацией товаров на потребительском рынке..... 38

Хафизова Л.С.

Уголовно-правовой анализ предложений пленума Верховного Суда РФ 5 апреля 2012 года о внесении изменений в уголовное законодательство о мошенничестве..... 47

Ефремова М.А.

Ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации по действующему уголовному законодательству..... 54

Шевко Н.Р.

Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности современного общества..... 57

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И ОРД

Гайнов И.Д.

Сравнительно-правовой анализ механизма реализации мер уголовно-процессуального принуждения, связанных с содержанием подозреваемого, обвиняемого под стражей, в некоторых зарубежных государствах..... 60

Рукавишников Г.А.

Об использования анонимной помощи граждан правоохранительными органами за рубежом государств..... 67

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Фаткуллин Ф.Ф.

К вопросу об изложении нормы права в нормативно-правовом акте..... 71

Березовская Е.В.

Международное и внутригосударственное правовое регулирование. Проблемы соотношения..... 76

Сабирова Л.Л.

Надлежащий ответчик в делах о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами..... 80

Маздогова З.З.

Парламентская партия как политико-правовой институт. 85

Абдрашитов Э.Е.

Исторические предпосылки принятия и правоприменительная практика Стокгольмских конвенций 1915 года 91

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Синников В.Б.

Комплексный подход к организации учебно-воспитательной работы в юридическом вузе МВД России на примере взаимодействия кафедр и учебно-строевых подразделений..... 95

Уразаева Г.И.

Стратегия психологической подготовки сотрудников полиции в процессе профессионального обучения 98

ТРИБУНА МОЛОДЫМ

Деккерт Д.В.

Особенности формирования коммуникативной составляющей как элемента профессиональной культуры сотрудников ГПС МЧС России 103

Рылов К.В.

Реформы в уголовном законодательстве: плюсы и минусы (на примере упразднения неоднократности преступлений)..... 105

Колбеева М.Ю.

Уведомление о подозрении в совершении преступления как альтернатива привлечению в качестве обвиняемого..... 108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Круглый стол «Полиция: предварительные итоги реформирования и перспективы (30 мая 2012 г.)..... 114

Научная деятельность - лучший путь к знанию..... 116

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 121

В.В.Заманская,
доктор филологических наук, профессор
(Московский психолого-социальный
университет)

В.А. Самошин,
участковый уполномоченный полиции
отдела МВД России по району
Западное Дегунино г.Москвы

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ: МЕЖДУ СВОБОДОЙ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ

С некоторых пор в нашем обществе модно стало рубить сук, на котором все мы сидим: критиковать и развенчивать силовые структуры - от армии до полиции. Нам не нужны защитники? Позиция по меньшей мере странная для человека и общества здравомыслящего. Модно критиковать. А необходимо – созидать и укреплять. Правоохранительные органы, полицию – они ведь на войне каждый день – должно строить не только соответствующее министерство, а все общество. Если оно претендует не только именоваться, а быть – обществом гражданским.

Одну из версий такого со-мыслия офицера российской полиции и профессора-филолога о гражданском обществе, о свободе как опасности и свободе как гаранте безопасности, о юридической педагогике как этической технологии внедрения в сознание и жизнь новых моральных категорий и императивов предлагает данная статья.

Свобода – возвышающая человека и человечество мечта всех времен и народов. Свобода – необходимое условие творчества. Свобода – невидимый «континуум», вне которого не может полноценно существовать и развиваться полноценная личность. Свобода – воздух, без которого задохнется все биологически и духовно живое. Свобода – высший дар Бога человеку: даже промыслив многое о человеке, выбор – единственное реальное выражение свободы! – Он оставил за человеком.

На заре третьего тысячелетия в России, в одной из самых свобододлюбивых стран, свобода становится реальной опасностью. И мы акцентируем заявленную проблему: между свободой и безопасностью. Что-то печальное с миром случилось, с человеком, с нами, с нашей страной? И с миром, и с человеком и человечеством, и с нами, и с нашей страной – это следует констатиро-

вать со всем трезвомыслием и мужеством. Вопрос в ином: что и как следует изменить? Можно ли изменить? Не приняты ли деструктивные процессы характер необратимый?

Там, где кончается вера, кончается жизнь. Порой зиждущаяся уже лишь на одной вере, жизнь – продолжается! И станем надеяться, что мы вплотную подошли к одной из наиболее совершенных ее форм – к гражданскому обществу, которое всем вместе нам предстоит построить в России. Это блистательный и спасительный – не стоит в том сомневаться! – проект. Но это уже и реальность, в которой мы, не вполне осознавая, отчасти пребываем. И потому гражданское общество в России – неизбежность. Мы уже живем в информационном обществе. А оно всевластно переселит нас и уже переселяет, как бы мы порой не сопротивлялись даже, в новую систему

общественных отношений. Потому – лучше не сопротивляться. Просто – строить. Просто работать, не покладая рук, на новое Отечество. На Россию гражданского общества.

Но гражданское общество - это новая мораль. Ее осознанно и исподволь создают новая «этическая инженерия» и новые технологии живых общественных отношений. Сложность состоит в том, что все строится и создается «на марше». Почти век тоталитарного государственного устройства не только не подготовил нас к реалиям демократического общества, но надолго «купировал» умы, шкалу ценностей, нравственные координаты и индивида, и социума. Сложные перипетии борьбы конформистской-нонконформистской морали периода оттепелей-похолоданий второй половины XX столетия и вовсе окончательно сдвинули все «межевые знаки» (Н.Бердяев) моральных ценностей. «Разгул демократии» в последние два десятилетия старательно «замутил» нравственное сознание не только склонной к употреблению «адреналиногенных» препаратов части населения, но и теле- и инет-зависимых слоев, да и просто полуграмотной части нашего немалого «электората», как модно ныне маркировать население страны. Картина реальная – и весьма не оптимистичная. Однако самое главное заключается в том, что у нас нет традиций и опыта построения гражданского общества. А те, что имеются (чем было вече новгородское?), мы, как и всю нашу историю, жаль, редко вспоминаем для усвоения уроков ее.

У нас нет опыта построения гражданского общества в России. И потому – мы его обязательно построим!

Россия всегда мыслила парадоксами. Парадоксами жила. Парадоксами выживала. И парадоксами – становилась Великой Державой. И Великой Державой с совершенным гражданским обществом – станет обязательно!

Однако чтобы это со всеми нами случилось, в самое ближайшее время предстоит произвести корректировку всех базовых этических понятий и категорий: осознать их смысл; понять, что нам необходимо,

чтобы мы стали гражданским обществом; предложить технологии «работы» нравственных категорий в целях создания гражданского общества.

Вряд ли без такой фазы осмысления и реализации новой «этической инженерии» мы обойдемся. Все «материальные» линии общественных отношений и институтов - от экономики, правосудия, силовых структур до образования, медицины и т.д. - пронизываются «нематериальной», но единственно неизблемой «вертикалью» морали. И не оказались бы наши «глобальные реформы» тщетны, если мы не сделаем ставку на самое необходимое, без чего все социальные и личностно-амбициозные построения рассыпаются: на совершенствование моральных принципов гражданского общества и каждого его индивида.

Есть блистательный опыт созидания свободного общества, демократического государства – Античность. Разумеется, в тех пределах свободы, в коих пребывало человечество на той стадии цивилизации. И поразительным сигналом к тому, что мы уже проходим на новом цивилизационном витке путь, аналогичный греческой античности, является то, что ныне оказались столь востребованными две науки и практики – социальное познание и риторика. Они были самыми действенными и результативными инструментами построения античной демократии. Люди всего лишь учились отстаивать свои права в суде, учились мыслить, красиво и убедительно говорить – решали самые что ни на есть обыденные задачи своей каждодневной жизни. А построили – демократию, образец коей вряд ли превзошли последующие модели государственного устройства. И выпестовала та демократия – Сократа, Демосфена, Платона, Аристотеля! Стоит лишь подчеркнуть, что победила не блистательно глубокомысленная школа софистов Горгия, Протагора, Лисия, которой для достижения выгоды все средства хороши были. Победил в том споре Веков – Сократ, добровольно принявший цикуту! Победил – чтобы мы знали: не все средства хороши, не все априори демократией оправдываются. Хороши и долговечны

лишь высоко моральные, этически совершенные, чистые и честные пути к демократии. Если, говорят, история учит, то у Античной демократии этому принципу стоит научиться.

И нам сейчас необходимо именно такое общественное говорение! Результатом его, возможно, станет некий «общественный договор» по содержанию основных моральных понятий и концепций. Без него вряд ли возможно дальнейшее прогрессивное продвижение нашего общества. Истины новой морали, базовые понятия – должны проговариваться общественно. О них надо договариваться. Должны везде, где только возможно, идти общественные дискуссии по морально-этической проблематике. И лучше не в образце развлекательных ТВ-шоу «пусть говорят» и разнообразно-однообразных «барьеров». Этических образцов, как и позитивного посыла, необходимо значительно больше, чтобы они заработали на цели создания гражданского общества. Гражданское общество как систему новых моральных отношений само общество должно «проговорить», «выговорить». Гражданское общество – это услышание всех и каждого в социуме. Страх говорения мы преодолели за годы несовершенной нашей демократии, и это хорошо. Но пока, к сожалению, не поняли, что когда говорить можно, то, возможно, не все нужно говорить. Молчание ведь тоже может быть «риторикой». И умные люди порой охотно таким видом риторики пользуются. И говорят тогда, когда – «не могут молчать». Так с гением, нами миру дарованным, Львом Толстым, было. Уж если сам Толстой говорил только тогда, когда «не мог молчать», то не пристало ли нам хоть изредка – помолчать. Хотя бы в тех местах, где потом многоточие модератором проставляется вместо «изреченного».

Да, гражданское общество – это услышание! Интересы экономические, жизненные цели, возможности материальные всегда были и будут разными. И единственная «точка встречи» мнений и решений – *мораль*. Невидимо ею «сцепленное» общество невиданно мощным останется при

любых бурях. Отсутствие ее в основании общества никакая экономика и полиция не заменят и само себя уничтожающее общество не спасут.

Более того, именно базовые этические понятия без их корректировки в контексте и в интересах гражданского общества будут создавать реальную опасность и индивиду, и социуму. Неправильно или тенденциозно трактуемые, они будут культивировать агрессивные настроения и «вооружать» разного рода экстремистские группы. А это уже реальная угроза не только для морали, но и для самого общества. Не стоит забывать, что этика – это практическая философия. Спроектирована она может быть в уютных кабинетах ученых. А вот «выход» ее на улицы порой становится триумфальным шествием принципов, весьма от высокой морали далеких. Так что лучше, чтобы эта «практическая философия» заведомо и писалась, и «проигрывалась» в сознании той массой индивидов, которые превратят практическую философию в реальность. Дабы принципиальных разночтений избежать – между теорией и практикой.

И пусть именно мораль, всенародно откорректированные принципы ее, те, что подходят гражданскому обществу как сообществу ярких и самоценных индивидов, приобретут статус некоего «общественного договора». О подобном договоре в иных исторических контекстах и реалиях мечтали Жан Жак Руссо, Европейское Просвещение. Реальность проста: не договоримся, не достигнем такого «общественного договора» всеми доступными путями и средствами, самое совершенное гражданское общество грозит однажды взорваться изнутри. Поистине, «либо найдем общий язык, либо – общую гибель» (Огюст Розеншток-Хюсси).

Мы уже пережили эпоху «великих» деконструкций постмодернистской иронией. Мы уже свергли и обличили классовую мораль. И вряд ли стоит о том печалиться: конформизм калечит душу необратимо. Однако подзадержавшееся постмодернистское «разбрасывание камней» в эпоху, ко-

гда явно следует «камни собирать», тоже вчерашний день! Без «советского патриотизма» мы два десятилетия неплохо живем. А без патриотизма – проживем ли? А вот если это базовое понятие морали не упорядочим и не упрочим в сознании подрастающих поколений, то не усвоят ли они из националистических маршей, что истинные «патриоты» лишь тем и занимаются, что форму носа, цвет кожи и кучерявость волос «диагностируют», дабы потом декретировать результатом своих «исследований», что «Россия – для русских»? То есть – для них, видимо. Именно подобными «технологиями» базовые понятия морали, которые должны обеспечивать, упрочивать и гарантировать безопасность, превращаются в реальную и воинственную опасность.

Но еще и свидетельствуют о тех глубинных процессах, которые безжалостно пронаблюдал и о коих заблаговременно предупредил во второй половине XX века в книге «Разделенное Я» английский экзистенциальный психиатр Р.Лейнг [2, С. 11-28; 47-85]: мир постепенно, незаметно и необратимо «развивается» по парадигме всеобщей шизофренизации. И когда человечество осознает свою болезнь, будет поздно, как при любой запущенной болезни, что-либо изменить: деструктивные тенденции, по мнению психиатра, необратимы. Повод для столь угрожающих выводов и наблюдений Лейнгу дал тот факт, что то, что прежде считалось аномалией, постепенно, незаметно и необратимо для нашего сознания становится нормой. А мораль и мышление неразрывны, провиденциально свидетельствовал из начала минувшего столетия русский писатель Л.Н.Андреев в рассказе «Мысль»: разрушение одного неминуемо влечет разрушение другого [1, С. 110-143].

Наши размышления – о свободе как великом даре демократии. О свободе как основании и воздухе гражданского общества. О ее «демократических» «ликах» и реалиях сего дня. А, значит, к сожалению, о свободе – как опасности.

7 марта 2012 года губернатор Петербурга Георгий Полтавченко принял санк-

ции о наказании в виде штрафов за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних. Нет, он не запретил этим законом гомосексуализм. В конце концов, «каждому свое» и «о вкусах не спорят». Закон – всего лишь! – налагает штрафы за пропаганду гомосексуализма среди детей! Оказывается, документ настолько посягнул на «свободу» гей-лидера, что он подает на губернатора в суд. «Свободолюбцы» всех мастей и расцветок «страдальца» дружным хором поддерживают.

Может быть, Рональд Лейнг подобные «взращивания» новых «норм» и имел в виду, когда писал, что мир незаметно, но верно с ума сходит? Разве – нет? Секс-оригиналов всего лишь и попросили детей не развращать, а они расслышали это как наступление на их свободу. А гарантом свободы детей от разврата в нашем, пока еще полугражданском обществе, кто-то возьмет на себя мужество выступить? Вот губернатор – осмелился... Что же, в таком случае, есть свобода новой России?

Целое общественное движение в защиту «бедных девочек», дипломатично поддержанное Великим диаконом, с собиранием «жертвенных» денег и обильным слезотечением (не путать с мироточением) образовалось и «пикетит» Петровку, 38 который день. А «бедные девочки» из Pussy riot вообще-то всего-навсего на амвоне главного по статусу и многострадальности Храма страны (это на солее, прямо перед входом в алтарь, то есть) панк-молебен исполнили о своем личном отношении к абсолютным большинством граждан страны избранному Президенту. Всего лишь. Ну что здесь такого, в самом деле, повеселились-порезвились девочки-несмышлениши. А их под суд за хулиганство (ст. 213 УК РФ). «Свободолюбцы всея Руси», естественно, кто в слезы, кто в полуцензурную лексику в адрес и патриарха, и Президента: Интернет аж колотит от бури эмоций. И так интересно получается. А почему те же «свободолюбцы», например, у нас – граждан России! – не спросят, интересен ли нам этот «концерт» перед алтарем? Подходит ли нам такой вариант «свободы»? Как мы классифицируем такой вид морального пре-

ступления? Желаем ли его повторения? «Свободолюбцы», они вообще от чьего имени «общественное мнение» «обнародуют» в Интернете и на митингах? И – где предмет для дискуссий для просто здравомыслящих (не о верующих речь – их чувствам можно лишь соскорбеть!) людей? На амвоне главного храма страны совершенно святотатство. А что, в эпоху побеждающей «демократии» как «парадигмы всеобщей шизофрении» (Лейнг) и это теперь норма? Норма – «свободы»?

Все с чего-либо начинается. С разного, но всегда с малого. С чего-то «малого» когда-то начиналось превращение церквей в клубы (наиболее «благоприятный» вариант!). С чего-то «малого» начиналось срывание крестов с храмов. С чего-то «малого» начинался очень большой – слишком большой для человеческой памяти, чтобы о сотнях тысяч расстрелянных на нем так скоро забыть! – Бутовский полигон в Москве. А то «малое» всегда одно – святотатство, глумление над святынями, моральная разнузданность. «Бедных девочек» пестуя нашим настоем из демагогии на тему ограничения свобод в современной России, не предаем ли мы все сразу: и кресты поверженные, и «глухое» утро, когда все колокола на московских храмах замолчали, и полигон Бутовский? Что ж, воспитывать никогда не поздно. Так вот в качестве «воспитательного мероприятия» излишне будет для очищения душ «девичьих» не на блины позвать, а в Бутово им хоть однажды «экскурсию» устроить. Да и всем тем, кого по странной их логике, уж слишком от колебаний политического маятника зависящей, вдруг время от времени амнезия настигает, куда ведет «дорога по ту сторону добра и зла» (Ф.Ницше). В Бутово она ведет, в Бутово. И обратной дороги оттуда нет. Все начинается с «малого». И – с незнания собственной истории, с равнодушия, с демагогии. Прежде всего, на тему излюбленной «русской темы» свободы.

Великий русский писатель Ф.М. Достоевский одним из первых предупредил, что «несчастное существо», человек, более всего на свете жаждущее свободы, когда ее

получит, не будет знать, как от нее избавиться и «кому ее препоручить». Может быть, он имел в виду, что до свободы – надо дозреть? Быть уже не «несчастливым существом», а чем-то гораздо большим, чтобы ею уметь воспользоваться? А когда она достается «несчастливым существам», то она и превращается в реальную опасность и угрозу обществу и индивиду и становится прямым антонимом к понятию «безопасность»?

А участие в любой тусовочной бузе за анархию, которая к свободе, вообще-то, никакого отношения не имеет, сегодня, в условиях нашей несовершенной «этической инженерии», еще и ореол мучеников и страдальцев за свободу обеспечивает почти с гарантией! И почему Россия так охотно время от времени бросается на явно не дорогостоящие «уравнения» свободы с бунтом? В русском варианте он всегда и гарантированно – «бессмысленный и беспощадный». Тоже гений предупредил, А.С.Пушкин. Их слушать полезно, они знают, что говорят.

Да, «между свободой и безопасностью»...

А вот как их связать? Как сделать так, чтобы именно свобода была условием – и моральным гарантом! – безопасности и индивиду, и гражданского общества?

В апреле 2006 года в Москве прошел X, юбилейный, Всемирный русский народный собор. В рамках основной его темы «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке» была рассмотрена проблема свободы: ей было посвящено слово-благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и центральный доклад, который сделал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Секулярная европейская концепция свободы, восторжествовавшая в мире с Нового времени, привела к тому, что свобода, не ограниченная ни Богом, ни заповедями, ни совестью, превратилась в путь к вседозволенности – путь в никуда. И широко пропагандируемая ныне свобода во грехе – глубокое заблуждение современного человека, «абберрация зрения» его – это, на са-

мом деле, величайшая несвобода: человек становится рабом греха, искаженной «истины». Авторитетный философ нашего времени, нынешний Патриарх, подчеркнул, что сегодня необходимо возрождать ответственность человека за поступки, за его отношение к другому человеку, к обществу, ответственность перед Богом и законом. Ибо, живя во зле, нельзя творить добро: рано или поздно оно обернется злом.

Это церковный вариант видения свободы. В обществе, где ныне немало верующих, его нельзя не учитывать, строя гражданское общество России.

В любом случае, гражданскому обществу России явно понадобится совсем другая свобода. Не бунта, не беспредела, не «морального релятивизма» (лучше и понятнее для русского слуха сказать - моральной расхристанности). Нужна свобода, соответствующая уровню цивилизации, до которого *возвысилось* человечество к началу третьего тысячелетия. Ведь за чем-то мы этот длинный путь прошли. Не для того же, чтобы к дикости возвратиться или, вправду, в «коллективную шизофрению» впасть.

Необходимо принципиально иное понятие и понимание свободы. Его предложил в книге «Бегство от свободы» Эрих Фромм. Прежде свобода понималась как «свобода от...» (рабства, самодержавия, гнета, неравенства). Теперь человечество подошло к новому «образу» свободы: «свобода чего-либо» (свобода воли, свобода деятельности). В «Догмате о Христе» Фромм напишет: «Человек все больше освобождался от уз природы; он овладевал ее силами до такой степени, о какой нельзя было и мечтать в прежние времена. Люди становились равными; исчезали кастовые и религиозные различия, которые прежде были естественными границами, запрещавшими объединение человечества, и люди учились узнавать друг в друге людей. Мир все больше освобождался от таинственности: человек начинал смотреть на себя объективно, все меньше поддаваясь иллюзиям. Развивалась и политическая свобода... Вершиной этой эволюции поли-

тической свободы явилось современное демократическое государство, основанное на принципе равенства людей и равного права каждого участвовать в управлении через выборные представительные органы. При этом предполагается, что каждый человек способен действовать в соответствии с собственными интересами, в то же время имея в виду благо всей нации» [3. С. 265]. И далее: «...необходимо добиться свободы нового типа: такой свободы, которая позволит нам реализовать свою личность, поверить в себя и в жизнь вообще» [4. С. 264].

«Свобода для...» наиболее полного выражения себя как личности, всех своих природных способностей, талантов, сил, возможностей – это и будет свобода гражданского общества. И лишь такая свобода станет единственным убедительным показателем того, что гражданское общество создано. Что оно обеспечивает каждому его индивиду свободу для реализации его потенциала.

А такую – самую сладостную и вполне совпадающую с вечной мечтой человечества о свободе! – свободу индивидууму и социуму еще предстоит и постигать, и осваивать, и «понимать», и в ней обживаться. И лишь она станет истинной свободой гражданского общества, его фундаментом и гарантом свободы как безопасности. Для ее достижения, как и для внедрения в сознание и реальность иных категорий и моральных императивов, понадобятся новые технологии. Примером одной из них является *юридическая педагогика*.

Гарантом новой свободы для каждого без исключения члена общества должно выступить государство, в том числе, силовые структуры. Изменяется пафос и цели их деятельности. Соответственно Федеральному закону «О полиции» и «Кодексу профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел», правоохранительные органы выполняют функции не только карающие, но воспитующие, основанные на доверительных отношениях и дающие шанс к возрождению личности, оказавшейся на пограничье. Именно юриспруденция должна обеспечить безопасность, а значит, и свободу для людей законопос-

лушных. Разве не им свободу и безопасность, прежде всего, должно гарантировать общество? Тем более, гражданское общество?

До сих пор мы сосредоточились по преимуществу на определении свободы как категории этической и на политико-социальных коллизиях существующего понятия свободы, которое не во всем совпадает с принципами гражданского общества. Есть иные, возможно, более важные, грани этого понятия. Продиктованы они спецификой того века, который достался всем нам, обитателям «обезбоженного» XX столетия. Рубеж XIX-XX веков отмечен был научно-технической революцией, последствия которой, в отличие от революций социальных, единственно необратимы, ибо они коренным образом изменили самого человека. Будучи создан по образу и подобию Божию, человек воспользовался своим божественным даром творения. Он преодолел пределы земного притяжения, он осуществил «переоценку всех ценностей» (Ф.Ницше). В результате он утратил «опору вне и в самом себе» (Н.Бердяев), пробудил в собственной психике неуправляемые «первородные хаосы» (Ф.Тютчев, Андрей Белый), отдал свою психику «демонам души», на волю «психической преисподней» (К.Юнг). Стимулом ко всем перечисленным секулярно-разрушительным процессам была жажда свободы. Обретя господство над миром, над природой, человек не уловил тончайшую и хрупкую грань, которая отделяет свободу от одиночества, а одиночество от самой жестокой болезни XX столетия – от отчуждения. Отчуждения – от Бога, природы, Другого, самого себя.

Многочисленные «симптомы» этой болезни проявляются в острых состояниях и проступках современного, и особенно, молодого человека. Бродяжничество, непонимание близкими, стремление найти близких по духу и интересам людей, которые помогут ему самоидентифицироваться (часто ими оказываются молодежные субкультуры или тоталитарные секты), наркомания, агрессивность, эпатажное пове-

дение и др. Эти мотивы и причины коренятся в трагической специфике самого времени, обуславливают эмоциональные, социальные, психические деформации личности. Дополняются они явными недоработками в воспитании и образовании современного молодого человека. Отнюдь не столь результативно, как следовало бы, на него воздействуют школа, культура, экономика, правовое просвещение. Современных родителей никто не готовит к главной «профессии» их жизни – к воспитанию собственных детей.

Такая личность часто оказывается в поле зрения правоохранительных органов и, конкретно, полицейского. Работу юриста во многом и составляют результаты недоработки иных институтов, систем и подсистем общества: морали, образования, воспитания, экономики и т.д. Поэтому юристу приходится на практике быть философом, психологом, дознавателем, а еще и воспитателем, моралистом, артистом. И просто культурным человеком.

Обнаружить, уличить, наказать – элементарные профессиональные обязанности юриста. За исполнение их он отчитывается перед государством. Но культурный человек сеет вокруг себя мир и добро. Представитель правоохранительных органов обязан быть строгим. Однако деятельность его должна стимулировать личность не к озлоблению, а к покаянию. К осознанию себя, к необходимости пересмотреть себя как личность. Юрист не только наказывает. Он дает шанс быть человеком, стать личностью. Гуманный юрист не с фактом преступления работает, а с человеком. Если установка такова, результат будет конструктивным и для правосудия, и для социума.

В современном обществе полицейский, соответственно новым задачам, проистекающим из Федерального закона «О полиции», не только уличает и наказывает, но выполняет функции социальной и психологической реабилитации. Отнюдь не все субъекты статей административного правонарушения, например, заслуживают наказания. Пресечение и последующее доказывание вины может стать переломным момен-

том и даже отправной точкой для реабилитации личности, как психологической, так и социальной. Часто субъектом задержания становится человек, пребывающий на своеобразном «пограничье». От работы юриста зависит, какой выбор сделает оступившийся. Юрист первым застаёт его на этом пограничье и первым, по сути, фиксирует ту границу, на которой еще не поздно сделать выбор!

Естественно, именно для молодых людей одним из самых притягательных понятий и состояний является свобода. Не случайно различного рода уличные политикотусовочные мероприятия под лозунгами свободы находят активный отклик в молодежной среде и «движущую силу» в лице молодежи. Поиск свободы в личном варианте часто может молодых людей повести по путям, не предсказуемым для родителей, общества, однако глубоко печальных для их дальнейшей судьбы.

Одной из критических групп современного социума являются девушки 14-17 лет. Психологически и физически они взрослеют раньше юношей, стремятся обратить на себя внимание, выделиться из толпы, копируют взрослых в одежде, манерах, поступках (курение, ранняя «личная жизнь»). Так они самоутверждаются. Главным признаком взрослости считается вседозволенность. Таковы мотивы их вызывающего поведения, грубости, агрессивности, стремления доказать свою взрослость более чем пренебрежительным отношением к моральным нормам и способам добывания денег.

Девушка 15 лет, проживающая в САО г. Москвы, была доставлена в правоохранительные органы по достоверной официальной информации в связи с разовым употреблением спиртного в компании молодых людей. Девочка-подросток оказалась в ситуации выбора: станет для нее компания ведущим авторитетом или, сделав вовремя соответствующие выводы, подросток осознает возможность иных приоритетов.

Полицейский и, прежде всего, участковый, кто наиболее приближен к реальной жизни и ее персонам, должен уметь об-

щаться и находить язык взаимопонимания (в подобных ситуациях для профилактической работы) с представителями обоих полов и разных возрастных групп. Он должен быть опытен в организации общения с молодыми людьми. Опытный юрист станет варьировать и сочетать индивидуальные беседы в его рабочем кабинете, на дому, в присутствии родителей и наедине. Он знает, что место встречи, свидетельство родителей или их отсутствие при беседе может дать различный, а порой и противоположный результат. Поведение девушки, к примеру, разительно изменится в присутствии ее компании: она предпочтет браваду, стремясь завоевать дополнительные «бонусы» перед своим окружением.

В присутствии родителей девушка, испытывая страх (гораздо реже в подобных ситуациях молодые люди испытывают стыд), смягчает ответы на заданные вопросы, многое не договаривает, утаивает, отвечает уклончиво, пытается завуалировать правду. Девушка скрыла в присутствии родителей информацию о компании. В ходе индивидуальной беседы выяснился факт приема наркотических препаратов лидерами данной молодежной группы. Сама она, по ее словам, наркотики не пробовала. Однако от родителей правду тщательно скрывала, так как боялась запрета родителей на общение с компанией. Признание подорвет ее авторитет в компании, которым она, следовательно, дорожит, как и самой компанией.

Последний факт полицейского особенно тревожит. Девушка ставит мнение компании на первое место. Ей проще обмануть родителей, чем утратить расположение окружающих ее «доверенных лиц». Авторитет сомнительной компании определяет ее самоидентификацию и приоритеты. Подросток находится на распутье. И потребуются немалые усилия родителей, школы, участкового, чтобы разъяснить всю сложность ситуации, в которой девочка реально оказалась, и помочь сделать правильные выводы. Обязательное условие: выводы девушка должна сделать сама. Задача полицейского-педагога – направить поиск и не выпускать ее судьбу из поля

зрения как минимум ближайшие три года. К восемнадцати годам девушки могут «остепениться», успокоиться.

Жизненное разрешение данной ситуации может оказаться весьма неоднозначным и пойти по отнюдь не лучшему «сценарию». Может возникнуть ситуация отторжения на вмешательство в личную жизнь. В итоге подросток закроется от всех. Причиной является испуг (обусловленность его не всегда объяснима). И тогда подросток совершает действия, прямо противоположные заданному положительному направлению.

Вот это и есть юридическая педагогика. Участковый выступает в данной ситуации прежде всего как вдумчивый, грамотный, терпеливый педагог, который ставит своей задачей не уличить девушку в ее проступке. Он стремится понять мотивы, соотнести ее поведение с реакцией окружающих, просчитать «пошагово» варианты поведения подростка – старается помочь человеку, заботится о судьбе пока еще не вполне сознательной личности. Думается, это и есть те приемы, которые – если будут введены в систему работы большей частью правоохранительных органов – не только предотвратят многие преступления и станут реальной профилактикой, но будут непосредственно «работать» на гражданское общество. Доверие, услышание друг друга, профессионализм, забота о другом человеке – тот самый тип отношений, который фигуру полицейского может сделать самой необходимой в обществе. Гражданское общество будет нуждаться в нем как в своем реальном, профессиональном и гуманном защитнике. В рассмотренном случае участковый и стремится обеспечить подростку «свободу для...» будущей нормальной жизни.

Одним из белых пятен в современной социально-психологической ситуации является проблема молодежных субкультур. Именно эти образования в сознании современной молодежи непосредственно материализуют свободу, их стремление быть

неподконтрольными взрослым, ощущать себя в *своем* пространстве.

По наблюдениям участкового, в Москве за последние годы изменились приоритеты и мода в локализации неформальных объединений. Даже дети небедных родителей из центра столицы, которые первыми откликаются на новомодные веяния, в целом «переболели» субкультурными увлечениями. Мало утешает, конечно, что наряду с возрождающейся модой на здоровый образ жизни немалая часть их «заболела» новым увлечением – легкими наркотиками. А вот окраины столицы переживают истинный бум субкультурных веяний – от готов до эмо и неформалов прочих ориентаций.

Субкультурное деление характерно для молодежи, получающей среднее специальное или профессиональное образование. Это самая доступная возможность прорекламировать собственную индивидуальность, идентифицировать себя как личность в равно низких условиях материального благополучия, невысокого уровня интеллекта, более чем скромного места в социуме. Примечательно, что в перечень важнейших обязанностей сотрудника полиции ныне вменен профилактический контроль подучетного элемента категории неформалов.

Отношения социума с отдельными неформальными объединениями и отношения между объединениями складываются не просто. Неприятие и агрессивное отношение со стороны прочих субкультурных образований испытывают готы, которые, возможно, внешним видом, взглядами на жизнь и «байкерскими» повадками провоцируют неприязнь.

Но общество как можно скорее должно насторожить то обстоятельство, что представители неформальных объединений проявляют психическую неадекватность, о чем свидетельствуют малообъяснимые, навязчивые, а в последнее время катастрофически участвовавшие случаи покушения на собственную жизнь.

Три года назад 16-летняя девушка из группы эмо, будучи дома одна, порезала

себе вены. Случай отнюдь не единичен. Мотивацию поступка она не дала. Сосредоточившись на внутренних страданиях, поступила так, как в таком случае, по ее убеждению, поступают все эмовцы. Рекламу и пропаганду суицидальных исходов как «маркировки» приверженцев этой группы девушка встречала в СМИ, на телеэкране, в социальных сетях. Более внятного объяснения поступку она не дала. То ли не желая рассказать о чем-то потаенном, что составляет «бренд» группы, то ли не осознавая того, что делает, в чем ей, видимо, было стыдно признаться. Бытовые мотивы сводились к тому, что она хотела напугать близких. Сейчас наш социум в действиях неформальных групп имеет дело с эпидемически множасьими случаями суицида. Однако нет никакой гарантии, что эта прогрессия в какой-то момент по мановению «волшебной палочки» новоявленного «гуру» не приобретет характер пандемический.

В какой мере общество, увлеченное «философией свободы» для гомосексуалистов, рьяно отстаивающее свободу персон, склонных к хулиганским действиям, осмысливает подобные факты? Страшные факты самоубийства детей! Общество, которое из всех сил решает демографическую проблему! Кто приводит эти факты почти массового уже детского суицида в систему, кто интерпретирует, кто стремится помочь конкретным – *смертным!* – людям? И интересуется ли наше общество сегодня, увлекшись «свободными страстями», этими фактами и судьбами вообще?!

Кто интересуется, так это полицейский. Он прибывает на «место происшествия», собирает доказательную базу, определяет «постатейно» состав преступления или отсутствие такового. Он каждый день оказывается «перед лицом» трагедии. Он «здесь и сейчас» осуществляет философскую миссию социального познания доставшегося ему в его времени мира. И на него социальная философия не просто возлагает, а порой откровенно перелагает свои функции. Правоохранитель ведь работает с недоработками других социальных институ-

тов. Если бы они, не пренебрегая порой своими функциями, более тщательно выполняли прямые обязанности, юрист, надо полагать, мог бы и без работы остаться.

Приведенные примеры свидетельствуют об исключительной важности в гражданском обществе грамотного, разносторонне подготовленного, гуманистически настроенного юриста. В его функции будут входить все шире и психологическое «сопровождение», и педагогическая помощь тому, кто может прозреть. Для того – чтобы он обязательно прозрел. Такой образ полицейского формирует закон «О полиции».

Юридическая педагогика, которая станет необходимой в условиях гражданского общества, имеет отличия от общей педагогики. Здесь иной предмет изучения и специфический объект воздействия. Здесь другие люди: полицейский работает с «творческими неудачами» различных институтов и систем общества. Особенно значителен объемом «воспитывающей» работы административный процесс. Уголовный процесс имеет дело по преимуществу с преступившими черту законности и права. В административном процессе человек чаще находится на пограничье, он еще пребывает в ситуации выбора. От педагогического мастерства полицейского, которое ориентировано лишь на индивидуальную работу, от философской широты и мудрости, от гуманности сердца напрямую зависит результат: судьба человека, его выбор, его дальнейший путь.

Общая педагогика воспитывает. Юридическая педагогика – дает шанс. И от того, как этот шанс полицейский-педагог организует, спланирует, проведет в каждом конкретном случае абсолютно индивидуально, и зависит, будет ли шанс использован, произойдет ли пересмотр подопечным себя как личности. Зависит его дальнейший путь. Различается психологическое состояние личности «подопечного» в общей педагогике и в юридической. Во втором случае всегда фиксируется стрессовая ситуация, следовательно, наблюдаются иные алгоритмы поведения «воспитуемого».

Общая педагогика, обучая, воспитывает. Юридическая педагогика служит не

обучению. В дошкольном учреждении или школе материал, который учащийся «не добрал», не окажет судьбоносного значения на будущее. В юридической педагогике, *ситуативной* по сути и характеру, чем она аналогична «Ситуативной этике» как области прикладной этики, любой неположительный выход из конкретной ситуации практически гарантированно обернется неиспользованным шансом «вочеловечения» (А.Блок), сломанной судьбой.

Полицейский всегда работает как профессионал! Если полицейский будет хорошим профессионалом, он окажется и хорошим педагогом для граждан. К нему будет больше доверия, в его педагогике будет больше смысла.

Юридическая педагогика – всегда! – экстремальная. И потому от полицейского педагога требуется знание и тончайшее понимание психики человека. Понимание поведенческих алгоритмов личности – всегда в индивидуальном варианте! – помогает найти опору оступившемуся, а значит, спасает человека в кризисной ситуации.

Гражданскому обществу России весьма скоро понадобится отладить и откорректировать не только понятийный аппарат для собственного этического обоснования, но предстоит подвергнуть пересмотру функциональное содержание и наполнение многих профессиональных и общественных «статусов». Новое функциональное наполнение статуса полицейского, которое просматривается в Федеральном законе «О полиции» и в Кодексе профессиональной этики сотрудника МВД и которое юридическая педагогика конкретизирует и осуществляет, может стать и исключительно продуктивным способом к изменению и перестройке личности самого полицейского. Именно юридическая педагогика в немалой мере способна предупредить и исключить случаи должностных злоупотреблений и даже преступлений, которые произошли в 2012 году в разных городах России и вызвали справедливое негодование в обществе. Однако негодование по поводу злоупотреблений единиц перечеркивает самоотверженное и мужественное

служение Закону и Отечеству многих и многих тысяч российских полицейских! Справедливо ли это?

Юридическая педагогика может оказаться реальным шансом не только для подопечного, но и для самого полицейского. Она поможет исключить подобные случаи отступления от должностных этических норм. Юридическая педагогика предполагает частичную переакцентировку в деятельности полицейского с сугубо уличающе-наказующих функций на воспитательные. Но это постепенно будет «гуманизирующе» перестраивать и личность самого юриста. Ему чрезвычайно полезно почувствовать свое «опекунство» над оступившимся, как это ни покажется на первый взгляд странным, ощутить отеческое отношение к оказавшемуся в беде человеку.

А кто же он, оступившийся либо даже закон преступивший? Да, он в беде оказался и чаще всего сам того не понимает. И когда полицейский осознает, что ему важнейшая обязанность обществом поручена и великая власть дана – возможно, первым глазу человеку раскрыть на его беду, правоохранитель по-иному на задачи своей профессии посмотрит и неминуемо психологически сам станет перестраиваться.

Вспоминается поразительной силы, поучительное для всех признание генерала МВД Асгата Ахметовича Сафарова, в интервью после отставки с поста главы МВД Татарстана: «Давайте сразу расставим все точки над «i»: погибший Назаров — жертва преступления, и здесь не имеет абсолютно никакого значения ни его моральный облик, ни вся его предыдущая жизнь. Так же, как для врача нет разницы, кто перед ним: садист-убийца или герой России, поскольку он спасает человека, так и для правоохранителей жертва — это жертва, а преступники, пусть и в полицейской форме — это преступники». Дорогого стоит этот урок мужественного и неподдельного гуманизма из уст человека, чья судьба столь круто – справедливо ли? – изменилась после трагической казанской истории. Урок высокой «беспристрастно-

сти», без которой немислима профессия полицейского. С нее начинается истинное человеколюбие, без коего тоже эта профессия невозможна.

Забота о человеке – путь очищения и возвышения того, кто заботится, прежде всего и более всего. И неизвестно потому порой, кому забота нужна больше – тому, о ком заботятся, или тому, кто заботится. Юридическая педагогика может стать реальным шансом и способом морального очищения и перестройки самой полиции.

И еще раз процитируем Генерала Сафарова: «То, что преступность среди полицейских существует везде, совершенно не снимает ответственности с нас. Это — проблема, которая есть и с которой нужно постоянно бороться. Если работа предполагает применение насилия к человеку, который не способен тебе ответить на законных основаниях, всегда найдется «слабое звено», не устоявшее перед профессиональной деформацией. Еще раз повторю: необходимы психологический мониторинг и коррекция полицейских, которые должны осуществляться постоянно во время всего срока службы». Они – о том же, о необходимости постоянного поиска путей морального «упрочения» полиции на пользу ей самой как единого монолитного образования и на пользу общества, которому она служит.

Гражданскому обществу необходима гуманная полиция. И оно – вместе с самой полицией – обязано созидать такую полицию. Не перечеркивать мужественное служение абсолютного большинства людей трудной и опасной профессии огульно-негативным отношением и незаслуженно несправедливой оценкой, а вместе с полицией стремиться находить пути созидания той правоохранительной системы, которая жизненно необходима нам всем вместе и каждому в отдельности!

Полицейский и гражданское общество, на первый взгляд, понятия не просто антонимичные, но взаимоисключающие друг друга. Однако и полицейский – фигура реальная в России после 2011 года. И столь же неизбежная реальность для нашего Отечества – гражданское общество. Прин-

ципальное отличие этих двух явлений разве лишь в том, что если первое можно узаконить, декретировать Федеральным законом «О полиции», то второе должно родиться, взреть, себя основать и обособить, коренным образом перестроить мораль, отношения всех структур общества, всех его членов. Должно создать новую систему отношений, в которой уже не приказ «сверху» станет основным «двигателем прогресса», а сознательность личности, надежность добросовестных, разумных и честных партнеров, открытых к сотрудничеству и рассчитывающих на другого. Обеспеченность не только результата своего дела, но и дела другого должна стать принципом сотрудничества и согласованности всех звеньев «одного-единого организма» государства и процесса созидания личности и гражданского общества. В таком контексте прежние контрасты не только стираются и даже снимаются вовсе, но перерождаются в систему новых, согласованных между собой структур и «делателей»-индивидов.

Мы бы не торопились с оптимистическими выводами о том, что каждый в нашем обществе уже выполняет свои человеческие и гражданские задачи и функции так, как выполнять должен. Но ведь именно этим и отличается гражданское общество от полу-демократического. Гражданское общество останется очередной утопией нашего национального образца «для служебного пользования» в нашем национальном устройении, если каждый член этого общества не примет как должное честное, разумное, прогностическое выполнение своего конкретного дела на своем конкретном месте. Иного не дано. Общество утомилось от беспорядка, грозящего принять новые формы тоталитарного образца: анархия ведь тоже может быть тотальной. А преодолеть инерцию полу-добросовестного отношения к делу, полу-честного исполнения своих обязанностей, полу-разумного планирования результатов своих «деяний» отнюдь не просто в одиночку. Общество и само должно изменяться изнутри, и каждого члена своего «дорастивать» до нормальной, функ-

ционально оправданной персоны своего организма. По-другому не получится. По-другому – уйдем в очередные полужантасические «отлеты» утопического образца.

Остаются вопросы насущные. Когда все это будет происходить? Кто будет «рождать» гражданское общество? Ведь вот эта, не всегда контролирующая свои эмоции и не всегда подконтрольная масса, отнюдь не всегда деловыми и моральными мотивами движимая, это и есть то самое общество, которому *предстоит стать обществом гражданским*. Другой – нет. И мечтать о ней не стоит. Тем более не стоит «зачищать» такую массу до какого-то более идеального состояния. Если зачищать начнем, уже с полной гарантией гражданское общество никогда в России не построим: пути и цели построения гражданского общества ни на миг не должны прийти в противоречие. Только демократия, помноженная на порядок, такое общество создаст. Иных путей нет.

Значит, останется одно: не «зачищать», а возрождать, не бежать из «края глухого и

грешного» (А.Ахматова), а перерождаться самому и край обновлять. И этот путь предстоит пройти не только тем, бессознательно-легковерным, которых так просто не очень трудовой копеечкой в любую толпу «сагитировать». Нет, перерождаться предстоит всем. Гражданское общество это, как никакое иное общество, единый организм. В нем все соотнесено, выверено, задействовано, «наполнено».

Гражданское общество - это общество свободное. Это общество свободных граждан. Общество – граждан своего Отечества. Тех, кто взял на себя великий труд строить светлое общество. И свобода, которая удовлетворит это общество, одна. Свобода позитивно, светло мыслящих и действующих людей. Такую свободу должно созидать, воспитывать, гарантировать гражданское общество каждому его гражданину. Лишь такая свобода будет синонимом и гарантом безопасности.

Свобода – высший гарант безопасности. В гражданском обществе.

Литература

1. Подробно об этом: Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на границах столетий: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 304 с.
2. Лейнг Рональд У. Разделенное Я: Экзистенциальное исследование психического здоровья и безумия/ пер. с англ. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. – 320 с.
3. Фромм Э. Догмат о Христе. – М.: Олимп, АСТ-ЛДТ, 1998.
4. Там же.

Ф.К. Зиннуров,
кандидат психологических наук, доцент
начальник (КЮИ МВД России)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В КАЗАНСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МВД РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье представлен опыт Казанского юридического института по воспитанию личности полицейского с новой идеологией, в основе которой – защита прав и свобод наших граждан, ответственно относящегося к понятию «честь офицера».

Реформа, проходящая в МВД России, не могла не отразиться на образовательных учреждениях системы МВД, которые сегодня призваны подготовить и воспитать нового полицейского – не только с новым набором качеств и умений, но и с новой идеологией, в основе которой – защита прав и свобод наших граждан.

Не случайно министр внутренних дел Российской Федерации генерал-лейтенант полиции Владимир Александрович Колокольцев при вступлении в должность отметил, что «главной задачей сотрудников органов внутренних дел, в первую очередь, должна быть защита личной безопасности граждан. Человек должен чувствовать себя защищенным, это делает общество цивилизованным, и этому должна служить российская полиция».

21 мая текущего года на круглом столе в рамках выездного заседания комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции на тему «О ходе реформирования органов внутренних дел и реализации федерального закона «О полиции»» статс-секретарь – заместитель министра внутренних дел РФ Сергей Петрович Булавин подчеркнул: «Реформа МВД России – часть общей стратегии государства, направленной на гуманизацию всей правоохранительной системы. Главное в проводимой реформе – не структурные и кадровые перемены, а смена идеологии. Органы правопорядка должны выполнять именно правоохранные функции, за-

щищая права и свободы человека и гражданина».

Это важнейшее концептуальное положение определяет и стратегическую цель реформы ведомственной системы образования – создать современные конкурентоспособные образовательные центры, в которых курсанты и слушатели могли бы вырастать в высококвалифицированных специалистов с профессиональным кодексом чести.

Я уже неоднократно отмечал – и в своих выступлениях, и в интервью средствам массовой информации, что понятие офицерской чести и бережное к ней отношение с давних времен занимало важнейшее место в традициях русского офицерства.

Офицерская честь – это воспитанность, нравственность, патриотизм, верность присяге, долг перед Родиной, порядочность, принципиальность, отступать от которых не позволялось ни при каких обстоятельствах.

Честь офицера – это комплексное понятие, включающее много различных качеств. Речь идет и о внутреннем состоянии души, неподдельном чувстве гордости за себя, свою Родину, осознании важности своей деятельности. Только так офицер будет справедливо относиться к окружающим, поступать по совести, жить так, чтобы не было стыдно. Для этого человек не просто должен обладать замечательными качествами характера, но и быть всесторонне развитым, образованным.

Одежда должна быть безукоризненно отглаженной, обувь – вычищенной. Символично, что и свою институтскую газету мы назвали «Честь имею».

Россия издавна славилась целостной системой воспитания необходимых моральных качеств офицерского состава.

Сегодня эти традиции обретают новую силу в стенах Казанского юридического института МВД России. Здесь курсанты не только получают знания, они закаляют характер, формируют добросовестное отношение к своему делу, верность присяге и закону. В институте принята Целевая программа повышения культурного и интеллектуального уровня курсантов, слушателей, студентов. Курсанты занимаются бальными танцами, бильярдом, учатся играть в шахматы, посещают театры, выставки, музеи и концерты.

В Казанском юридическом институте культивируются лучшие черты офицеров полиции - мужество, самоотверженность, преданность долгу. Эти традиции постоянно поддерживаются и воспроизводятся. Особо следует отметить эффективное взаимодействие с ветеранами в целях преемственности поколений, знания истории и ее героев. В службах и на кафедрах института созданы первичные ветеранские организации, призванные активизировать работу в этом направлении.

Но мы не забываем не только ветеранов, но и своих выпускников. Сегодня мы планируем и осуществляем образовательный процесс таким образом, чтобы выпускник был готов к практической деятельности сразу после назначения на должность. Это достигается путем совершенствования учебных программ, в том числе и на основании предложений, поступающих от руководителей подразделений, в которых служат молодые сотрудники. Это весьма действенный механизм обратной связи, поскольку именно в практической работе проявляются пробелы в подготовке. 1 июня т.г. мы провели первую встречу с выпускниками нашего института, посвященную обсуждению проблем в обучении, воспитании курсантов и их адаптации в ОВД.

Немецкий философ Гегель утверждал: «Не в количестве знаний заключается образование, а в полном понимании и искусном применении всего того, что знаешь». Мы должны готовить не теоретиков, а офицеров-практиков. Именно на это ориентирован весь учебно-воспитательный процесс.

Поэтому мы усиливаем практическую составляющую обучения. В институте создан ряд новых учебных комплексов - «По противодействию экстремизму и терроризму», «Дежурная часть ОВД» на базе современных информационно-телекоммуникационных систем, ситуационный центр.

В соответствии с Федеральным законом «О полиции» сегодня совершенствуется техническое оснащение органов внутренних дел, вводятся электронные формы регистрации и приёма документов, расширяется применение прогрессивных информационных технологий в сфере безопасности. Поэтому мы активно используем в учебных целях интегрированные банки данных АИПС «Марафон», «Марафон-поиск», «Сова-Поиск», «Легенда-Меридиан», «Папилон», систему видеомониторинга городских улиц «Безопасный город».

Этим мы решаем еще одну важную задачу – подготовить специалиста, умеющего их использовать, а также внедряем в учебный процесс новейшие образовательные технологии и совершенствуем уже имеющиеся: оснащению нашего института современной компьютерной техникой заведуют представители многих европейских учебных центров и полицейских академий.

Вводятся новые учебные дисциплины. В рамках программы подготовки к Универсиаде 2013 года Департаментом государственной службы и кадров МВД России наш институт определен в качестве базового по обучению сотрудников полиции английскому языку.

С 2010 г. в институте действует юридическая клиника - курсанты и студенты оказывают бесплатную юридическую помощь гражданам, а также участвуют в охране

общественного порядка вместе с сотрудниками МВД по РТ.

Все эти мероприятия осуществляются в ходе внедрения образовательных стандартов 3-го поколения, реализации принципа компетентностного подхода. Это еще одна первоочередная задача образовательных учреждений системы МВД в современных условиях реформирования.

Мы должны учитывать, что требования к сотрудникам полиции возросли. Изменились условия приема абитуриентов в вузы МВД. Отбор кандидатов стал намного жестче. Стали учитываться все личные качества человека, изъявившего желание получить образование: психологические, моральные, физические и интеллектуальные.

У нас принимаются жесткие меры к курсантам, которые нарушают служебную дисциплину, имеют низкий уровень знаний, не осваивают учебную программу. В прошлом году по этому основанию 18 курсантов были отчислены из института и уволены из органов внутренних дел.

Законодательство постоянно обновляется, но не стоит на месте и преступность, поэтому юрист всегда должен быть в на-

учном поиске, а не довольствоваться полученным однажды багажом знаний. Как говорил индийский мыслитель Махатма Ганди: «Живи так, как будто ты умрешь завтра. Учись так, как будто ты будешь жить вечно».

Поэтому мы активно вовлекаем еще со студенческой скамьи в научную деятельность наших курсантов, слушателей и студентов, многие из которых стали победителями престижных научных конкурсов самого высокого уровня. И, как показывают данные социологических исследований, у них не возникает проблем с адаптацией в органах внутренних дел, они в короткий срок становятся хорошими практиками.

В заключение отмечу, что все прилагаемые усилия: и развитие материальной базы, и совершенствование учебно-воспитательного процесса - направлены на достижение нашей главной цели - подготовить эрудированного, квалифицированного полицейского, вооруженного последними научными знаниями в области борьбы с преступностью, приоритет которой – защита прав и свобод граждан.

Ю.Ю. Комлев,

доктор социологических наук,
профессор (КЮИ МВД России)

**ТРАНЗИТ ОТ ВОЕННОЙ К СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ОВД: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ
ПОЛИЦЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ**

В статье сравниваются различные модели полицейских организаций. Автором выполнен дискурсивный анализ различных речевых практик представителей духовенства, деятелей отечественной культуры, высшего руководства МВД, депутатского корпуса, ученых и правозащитников, рядовых оперативных работников по проблемам реформы в ОВД и путям их разрешения.

Полицейские структуры в развитых странах в настоящее время широко опираются на общественное мнение, активно взаимодействуют с местными сообществами, правозащитниками, СМИ и другими институтами гражданского общества. Полицейские все больше стремятся соответствовать общественным ожиданиям и запросам населения, реализуют различные программы сотрудничества и партнерства в превенции преступности и решении проблем местных сообществ. Работа полиции переориентирована на сервисные функции, главное - оказать помощь человеку, попавшему в беду.

Эти социальные перемены в деятельности полицейских сил - во многом реакция на «кризис наказания», низкую социальную эффективность реактивно-репрессивного социального контроля. Они стали возможны благодаря развитию теории социального контроля в работах П.Сорокина, В.Чемблисса, У.Бонденсона, Ф.Макклитока, Р.Мартинсона, Д.Гарланда, С.Коэна, Т.Дамма, Д.Пратта и др. Внедрение либеральных идей и положений существенно трансформировало правоприменительную практику, традиционно ориентированную на «закон и порядок». В качестве эффективной меры по преодолению «кризиса наказания» был обоснован переход от борьбы с преступностью к ее противодействию и контролю, от юстиции

«возмездной» (retributive justice) к юстиции «восстанавливающей» (restorative justice). Альтернативами карательным мерам стали декриминализация социально неопасных составов преступлений, дифференцированные меры превенции, в частности, в русле общественного исправления (community correction), развитие неформального социального контроля и улучшение социальных условий. Идеи гуманизации социального контроля нашли отражение в международном праве и национальном уголовном законодательстве стран Запада. Так, например, статья №3 Европейской конвенции о защите прав человека запрещает пытки и бесчеловечное обращение с осужденными, а протокол №6 к этому соглашению отменяет смертную казнь.

Либерализация, гуманизация социального контроля и уголовного законодательства стали эффективным ответом на вызовы времени при условии укрепления политики, направленной на выравнивание доходов и смягчение бедности, на повышение занятости и благосостояния людей из низшего класса, на обеспечение прав и свобод человека, на создание возможностей для достижения материального успеха законным путем, на укрепление семьи и поддержку других институтов неформального социального контроля и социализации. [1, С.77-83] В странах, где эффективно элиминируется контраст между бо-

гатством и бедностью, нет сверхбогатых и нищих людей, а абсолютное большинство населения относится к зажиточному среднему классу. Либерализация социального контроля в рамках полицейской деятельности быстро приносит свои плоды. Так, в Рейкьявике месяцами пустует городская тюрьма. В Чехии, Швеции, Норвегии, Дании, Словении, где самый низкий коэффициент Джини в Европе (в пределах 0,2 до 0,3), - низкие уровни преступности [2].

В последней четверти XX и на рубеже XXI века в США и государствах Евросоюза в целом состоялись социально ориентированные реформы полицейских структур. Этот процесс привел к существенной *дебюрократизации* и *демократизации* полиции как социально-правового института, определенно повысил ее соци-

альную эффективность.

Обобщение результатов полицейских реформ позволяет структурировать две идеально типические модели полицейских организаций: *социальную* и *военную* [3].

Основная миссия *социальной полиции* сводится к превентивному реагированию на криминальные инциденты, для того чтобы не допустить беспорядки и преступления, решать социальные проблемы, оказывать помощь населению. Основная миссия полиции в рамках военной модели состоит в репрессивно-реактивном реагировании на преступность для обеспечения законности и правопорядка. Принципиальные различия между военной и социальной моделями полицейских организаций можно сгруппировать следующим образом (см. табл.1).

Таблица 1

ВОЕННАЯ ПОЛИЦИЯ ориентация на	СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ ориентация на
Закон и порядок	Преступления и беспорядки
Реактивный процесс	Превентивный процесс
Общегосударственные интересы	Локальные интересы
Инцидент	Решение социальной проблемы
Ожидания государства	Ожидания общества
Централизацию	Децентрализацию
Юридическую ответственность	Ресоциализацию и реабилитацию
Формальный контроль	Неформальный контроль
Организационное деление (структуру)	Сотрудничество и партнерство
Изъятие информации у членов общества	Предоставление информации членами общества

Подавляющее большинство современных полицейских организаций находится в рамках выделенного континуума (*социальная – военная* модели), включая элементы того и другого подхода, нередко приобретая *смешанную* форму. *Социальная* модель – прерогатива стран с устойчивой демократической традицией в управлении. По *военной* модели, как правило, выстраиваются полицейские силы при тоталитарных или авторитарных политических режимах. В транзитивных странах с переходной экономикой и преобладающими авторитарными управленческими традициями, как правило, конструируются *смешанные* модели.

Влияние девиантологической мысли стало заметным в отечественном законодательстве и практике социального контроля последних лет. Позитивные сдвиги нашли выражение в либерализации контроля над алкоголизмом и наркотизмом еще в советские годы, в принятии в 1991 году Концепции судебной реформы, во введении в постсоветской России моратория на применение смертной казни, в присоединении страны к Европейской Конвенции по правам человека.

Одним из фундаментальных правовых решений в этом направлении транзита правоохранительной системы стало принятие в 2011 году Федеральных законов: «О

полицейской», «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел», «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации». В соответствии с отечественным законодательством, российская полиция определяется как составная часть единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Она предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Решение указанных или аналогичных задач, как показывает практика развитых демократических стран, эффективно осуществляется полицейскими структурами, выстроенными по различным вариантам *социальной или смешанной* модели полиции.

На современном этапе развития российского общества и государства органы внутренних дел реформируются в направлении *смешанной модели полиции* в рамках нового правового поля. Так, ряд элементов социальной модели полиции получили юридическое закрепление в ФЗ «О полиции». Среди них следует выделить такие положения, как:

- полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан;
- общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции;
- федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел проводит постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества;
- результаты указанного мониторинга регулярно доводятся до сведения государственных и муниципальных органов, граждан через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

- граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права;
- полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами.

Российская полиция по новому законодательству должна служить обществу, оказывая помощь и поддержку людям, ставшим жертвами преступлений. Вместе с тем в структуре полиции сохранены и развиты базовые элементы военной модели, поскольку на практике не удается от них отказаться. ОВД - структуры принуждения к исполнению законов, по привлечению виновных к ответственности, нередко с применением силы, спецсредств или оружия. Полицейское реагирование на многие криминальные инциденты в современном мире (организованная преступность, терроризм, бандитизм, массовые беспорядки) невозможно без применения репрессивных мер силового воздействия.

Реформы в МВД были ориентированы на дебиюрократизацию организационных структур, оптимизацию функций и численности полицейских сил, изменение критериев оценки деятельности ОВД, укрепление связи с территориальными сообществами, СМИ и общественными организациями, информационную открытость и другие социально ориентированные меры. Приказом министра внутренних дел РФ №1310 от 26.12.2011 года «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» определен новый подход к

оценке деятельности полиции. В нем регламентирован максимальный отход от «валовых» показателей, из-за которых прежде эффективность работы ОВД зачастую оценивалась по пресловутой «палочной» системе, существенно сокращено (до 20) общее число ведомственных отчетных показателей, состоялся отказ от принципа сравнения показателей с «аналогичным периодом прошлого года», общая оценка работы ОВД будет определяться и на основе независимого изучения общественного мнения.

В ходе реформ образовательная система МВД сделала большой шаг в направлении фундаментализации и, одновременно, специализации и практической ориентации образования полицейских кадров. Вместе с тем из стен полицейских вузов по-прежнему выходят специалисты, сориентированные на приоритет репрессивных мер противодействия преступности, практики с обвинительным уклоном. В образовательный процесс широко вовлекаются специалисты из территориальных ОВД, прокурорские работники, но нет адвокатов и правозащитников; в учебных планах и программах недостаточно внимания уделяется преподаванию дисциплин, связанных с проблематикой девиантологии, конфликтов, психологии общения, социальной работы, этики юридической деятельности, формальной логики.

Таким образом, после вступления в силу ФЗ «О полиции», структурно-функциональных преобразований, переаттестации кадров в деятельности территориальных ОВД все еще осталось немало проблем. Так, в силу инерции традиционной борьбы с преступностью в территориальных органах полиции по-прежнему стремятся поддерживать статистику высоких показателей раскрываемости и другие статистические индексы, что воспроизводит «палочную систему» оценки труда полицейских коллективов.

Работа на показатели и «показуха» на местах, бесконечные усиленные режимы несения службы, бдение в кабинетах, отмена выходных, отпусков без существенных компенсаций - все это создавало и

создает непомерные психологические нагрузки на персонал, работающий «на земле». Территориальные ОВД многие годы покидали и покидают нравственно и профессионально подготовленные кадры, молодые специалисты. Неслучайно в гонке за показателями растет число нарушений дисциплины и законности среди личного состава. Акты насилия и беззакония со стороны полицейских фиксируются правозащитниками по всей стране. Так, в 2011 году только в МВД по РТ зафиксировано 1408 дисциплинарных нарушений (в 2010 году – 1372).

В марте 2012 года в отделе полиции «Дальний» г.Казани произошло ЧП. Сотрудниками казанской полиции в результате фальсификации был задержан неоднократно судимый С.Назаров, к которому впоследствии были применены пытки. В результате - задержанный скончался. Жестокое, циничное поведение сотрудников полиции вызвало широкий общественный резонанс не только в Татарстане, но и по стране в целом. Происшествие в ОП «Дальний» получило известность как «новый казанский феномен». Активное обсуждение проблем реформирования ОВД вошло в повестку дня СМИ, интернет-общества, в профессиональную среду.

На кафедре философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России был предпринят выборочный дискурсивный анализ актуальных публичных нарративов руководителей традиционных конфессий (Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла; муфтия, председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина; раввина, председателя исполкома КЕРООР З.Л.Когана), руководства МВД России (министра Р.Г.Нургалеева), депутатов ГД и СФ ФС (Н.Д.Ковалева, А.А.Чекалина), выдающихся деятелей театра и кино (Ю.М.Соломина, В.С.Ланового), ученых и правозащитников (Г.М.Резника, А.Г.Кучерены, В.П.Лукина, О.Н.Костиной), которые были сделаны в ходе 6-часового круглого стола в МУ МВД России на тему «Духовность, нравственность, закон» 28 марта 2012года. Кроме того, автором об-

работаны нарративы, высказанные участниками онлайн-конференции (казанскими профессорами С.В.Петрушиным и Ю.Ю.Комлевым) в Татмедиа, продолжительностью 40 минут, на тему «ЧП в "Дальнем": взгляд психолога» 26 марта с.г., а также оперативниками-слушателями ФЗО КЮИ МВД России в ходе фокус-групповой дискуссии 5 апреля 2012г. по поводу «нового казанского феномена».

Цель анализа состояла в том, чтобы выяснить и структурировать поле представлений о том, как конструируются духовными лидерами, руководством МВД и другими официальными лицами (депутатами), правозащитниками и учеными, а также работниками территориальных подразделений полиции проблемы реформируемой системы ОВД, их причины и пути решения. В качестве «единицы» речи в текстовом анализе были выбраны несколько ключевых предложений и фраз, извлеченных из нарратива.

Обобщение полученных результатов дискурсивного анализа позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

- Представители духовенства конструируют проблемы реформируемых ОВД в контексте нравственного кризиса и «необъявленной войны» с обществом тех, кто не в ладах с божественными и светскими законами. Низкая нравственная подготовка полицейских – угроза обществу и государству, поскольку полиция как институт власти несет колоссальную нравственную ответственность за безопасность людей, обеспечивая им защиту и справедливость. Для повышения иммунитета полицейских к «социальным болезням» духовными лицами предлагается «правильная методология» реформ (усилить влияние традиционных конфессий и религиозных ценностей; обеспечить «нравственный консенсус», используя духовные традиции народа, религиозное и духовное образование; присягать «перед символами веры», навалиться «всем миром» (мыслящей частью общества) с помощью церкви, литературы, театра, кино, семейного воспитания).

- Деятели культуры определяют проблемы ОВД в общем социокультурном контексте как «реформы человеческой души» в терминах воспитания, патриотизма, образования, культурных ценностей. С их точки зрения, необходимо «всем вместе» сосредоточиться на «воспитании с детства» на патриотических ценностях, ограничить авангардизм на театральных подмостках и «пустоту кинематографа», «вернуть людям культуру и образование», историческую память.

- Руководство МВД и представители депутатского корпуса ГД, СФ (бывшие руководители правоохранительных органов) конструируют проблемы ОВД в терминах утраты частью сотрудников полиции духовных ориентиров вследствие аномии («разрушены старые каноны», нет личного позитивного примера руководителей полиции); транзитивного характера полицейских реформ; «дефицита командирского контроля»; оттока кадров и разрушения профессионального ядра. Этой группой акторов конструирования предлагается постепенно формировать кадровый корпус и кадровый резерв ОВД, в том числе за счет лиц, отслуживших срочную службу в армии; воспитывать нравственные качества у полицейских; профилактировать профдеформацию, используя психологов; восстановить и развить наставничество»; пересмотреть систему несения службы; добиться участия граждан в охране общественного порядка, повысить роль начальников, в том числе по вопросам взаимодействия с населением; развить системы технического контроля; привлечь ветеранов для служебной подготовки, ввести спецкурс в образовательных учреждениях МВД по кадровой работе; сделать МВД «территорией "сухого закона"».

- Учеными, общественными деятелями и правозащитниками проблематика ОВД конструируется скорее не как феномен «нравственной дезориентации» полицейских («не дух побуждает - все определяет повышение зарплаты»), а как комплекс системных, управленческих проблем. В этой среде дискурс носит более критиче-

ский характер, основные положения которого состоят в том, что реформа МВД ведется «без идеологии и приоритетов», пропускная способность полиции по раскрываемости преступлений ограничена, но «не ушли палки», «двойные стандарты» как социальные нормы, отсюда применение насилия в ОВД «носит массовый характер»; в обществе и полиции нет уважения к личности в силу «нехорошего социального наследия» («репрессивный характер правоприменения»); «общественная ситуация в стране» определяется как «плохая»; нет воспитания молодых сотрудников и непосредственного общения руководителя с подчиненными; внутриведомственный контроль за полицией неэффективен, а внешний контроль носит декоративный характер, в территориальных ОВД быстро наступает «профессиональное выгорание», а полицейские не умеют защитить себя от стрессов и противостоять негативному влиянию ситуаций, связанных с нарушениями законности; в ходе реформ совершены управленческие ошибки (сокращены сотрудники кадрового аппарата в территориальных ОВД); образ полиции не имеет социальной ориентации. Ученые, общественные деятели и правозащитники предлагают следующий образ действий: выработать государственную концепцию по противодействию преступности и «на системные вызовы отвечать системно»; идеология реформ ОВД может быть выражена формулой: «служба народу - служу закону», а не наоборот; отказаться от борьбы, войны с преступностью, от «пресловутой палочной системы» (идеальной система быть не может, но «пристойной может стать вполне за несколько лет»), обеспечить права и интересы людей, а также равенство всех перед законом и судом (государство должно сделать все, чтобы «идея нарушения закона была исключена»); в кадрах ОВД должна быть создана ситуация, «когда человеку в погонах, есть что терять, тогда ситуация улучшится» (полицейский должен знать, что «если он честно служит, то у него есть будущее»); обеспечить гражданский контроль за полицией; полиции необходимо

активно работать со своей общественностью, в рамках которой целевой аудиторией МВД являются заявители, потерпевшие от преступников (сконцентрировать полицию на помощи пострадавшим, а не на репрессивных функциях); формировать гранты для стимулирования тех, кто сотрудничает с полицией; снизить риск профессионального выгорания (необходимо применять научные способы профилактики этого явления на уровне отбора и психологического сопровождения личного состава, саморегуляции); формировать общественное мнение в динамичном диалоге информационных служб ОВД и СМИ, открыто и публично реагировать на инциденты в полиции; избавляться от недостойных сотрудников и широко тематизировать позитивные примеры в полицейской работе как службе спасения; развивать кадровую функцию, институт воспитателей, службу психологической помощи («молодым сотрудникам нужно помочь, дать ориентиры»); изменить моральную атмосферу и систему социальных норм в территориальных ОВД; необходимо повторно провести переаттестацию личного состава в некоторых регионах и вернуть полицейского к человеку, а руководство ОВД - к самому полицейскому.

• Оперативными работниками территориальных подразделений полиции проблемы реформы ОВД конструируются, прежде всего, как проблемы низового звена управления («плохое управление в ОВД в результате «палочной системы» и показухи; «руководство постоянно оказывает психологическое давление на сотрудников в гонке за «палками»»; «в этой ситуации нормой стало нарушение законности»; «виновато руководство – та система, в которой начальник всегда прав, а когда возникают проблемы, - он не причем»; в ОВД распространена коррупция - при назначении на руководящую должность действует блатной принцип «на должность выдвигается богатенького папы – сынок», при этом многих квалифицированных, но неугодных сотрудников увольняют»; «отсутствие контроля на местах за личным составом». Кроме того, ряд сотрудников

обращают внимание на деградацию личности сотрудников, работающих «на земле» («виноваты сами сотрудники, отсутствие воспитания, крушение старых принципов, нет авторитетных, опытных сотрудников-наставников, ненормальный режим работы и атмосфера в коллективе»). Оперативники, как группа акторов конструирования, выдвигают следующие варианты решения проблем ОВД: «реформа МВД - правильный шаг, но она проведена формально, а должна проходить не за один год, а за 3-5 лет»; «нужно менять руководящее звено – оно деформировано на старых принципах»; надо отменить «палочную систему» и гонку за показателями раскрываемости - не заставлять сотрудников больше раскрывать, а лучше организовать работу по качественному расследованию с учетом законов, времени, технических средств; растить кадры полиции: руководству нужно больше обращать внимание на проблемы рядовых сотрудников – «больше пряника, чем кнута, больше разговаривать с людьми на одном уровне»; надо повысить культурный и нравственный уровень работников полиции.

Таким образом, анализ различных дискурсов, выявленных в ходе обсуждения проблем реформируемых ОВД, позволил структурировать поле представлений о том, как они конструируются акторами нарративов на уровне духовных лидеров, деятелей культуры, руководства МВД, представителей Государственной Думы и Совета Федерации, учеными и правозащитниками, практическими работниками и какие пути предлагаются для их решения. Полученный материал позволяет заключить, что транзит органов внутренних дел в социально ориентированном направлении оказался делом достаточно сложным и даже принятие в 2011 году современного полицейского законодательства можно рассматривать лишь как крупный первый шаг по созданию организационно-правовых предпосылок реформ. Основные события на этом пути будут разворачиваться в ближайшей перспективе. Главный императив реформы ОВД – утверждение более эффективного полицейского менеджмента, ответственного перед обществом, отбор, профессиональная подготовка и нравственное воспитание блюстителей правопорядка.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. – Казань: КЮИ МВД России, 2009.
2. Вознесенская А. Великая Эпоха (The Epoch Times) <http://www.epochtimes.ru/content/view/>
3. Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию.- Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001

А.Е. Шалагин,
кандидат юридических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

Д.Э. Кабиров,
кандидат исторических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

О НЕКОТОРЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОЗДАЮЩИХ УГРОЗУ ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ, И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ

В статье показана общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 235 и 236 УК РФ (незаконное занятие частной медицинской практикой и частной фармацевтической деятельностью; нарушение санитарно-эпидемиологических правил). Предложены уголовно-правовые и криминологические меры, направленные на совершенствование института охраны здоровья населения.

Экономические и социальные реформы, проводимые в нашей стране, привели не только к улучшению благосостояния населения, но и позволили выявить ряд негативных тенденций в российском обществе. Повышение спроса на платные медицинские услуги способствовало увеличению теневой занятости в данной сфере и производству фальсифицированных лекарственных средств. Лица, занимающиеся подобного рода деятельностью, «лекари», «знахари» и «целители» без соответствующего медицинского образования нередко оказывают услуги, противоречащие научным основам медицинской практики, что в определенных случаях приводит к ухудшению здоровья больных и лишает их возможности выздоровления.

Самовольное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, а равно народным целительством может поставить под угрозу жизнь человека, его физическое и психическое здоровье. Такая деятельность может быть сопряжена с распространением непрофессиональных и нежелательных для населения способов оказания медицинской помощи.

В толковом словаре русского языка слово «врачевать» означает не что иное, как лечить или исцелять [1, С. 102]. Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что к медицинским услугам относятся меры, направленные на профилактику, диагностику, лечение различных заболеваний и реабилитацию в процессе выздоровления [2].

В соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3] и Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 957 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности» [4] обязательному лицензированию подлежит муниципальная и частная медицинская практика, а также фармацевтическая деятельность.

Для получения права на оказание подобного рода услуг необходимо наличие соответствующего образования, своевременное прохождение курсов повышения квалификации, качественное заполнение учетной и отчетной документации. Помимо этого, соискатель должен иметь сертификат специалиста, который выдается после проведе-

ния проверочных испытаний. Данный документ в определенной мере гарантирует, что его обладатель имеет достаточный уровень знаний, практических навыков и умений, необходимых для самостоятельной частной медицинской (фармацевтической) деятельности [5, С. 26].

Возможность предоставления пациентам платных услуг находится в прямой зависимости от квалификации и специализации медицинского работника. Лицензирование медицинской деятельности осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Орган, выдавший лицензию, осуществляет контроль за процедурой и качеством оказания платных медицинских услуг.

Обязательные требования получения лицензии заключаются в соблюдении действующего законодательства, экологических, санитарно-эпидемиологических, гигиенических норм и правил. К лицензионным условиям также относится наличие организационно-технического оснащения, включая оборудование, инструменты, приборы, необходимые для выполнения заявленных работ и услуг.

За незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью и нарушение правил в указанной сфере виновные привлекаются к юридической ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной и др.) в зависимости от характера причиненного вреда и наступивших последствий.

В случаях нарушения установленных правил оказания платных медицинских или фармацевтических услуг виновные, как правило, привлекаются к дисциплинарной ответственности. Если в действиях виновного усматривается состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 6.2 КоАП РФ (незаконное занятие частной медицинской практикой, частной фармацевтической деятельностью либо народной медициной (целительством)), то к нему применяются штрафные санкции. При наступлении общественно опасных последствий виновные лица подлежат уголовной ответственности (ст. 235 УК РФ). В каче-

стве наказания им может быть назначен штраф, ограничение свободы, принудительные работы или лишение свободы.

Наряду с частной медицинской практикой необходимо выделить и занятие народной медициной (целительством), которое представляет собой методы оздоровления, диагностики профилактики и лечения, основанные на опыте многих поколений, утвердившихся в народных традициях и обычаях. Правом на занятие народной медициной обладают граждане РФ, получившие в установленном порядке диплом целителя, выдаваемый органами управления здравоохранением субъектов РФ, а также лицензию на занятие определенным видом деятельности. К видам народной медицины, которые подлежат обязательному лицензированию, относятся: гирудотерапия, гомеопатия, мануальная терапия, оздоравливающий массаж, рефлексотерапия, традиционная диагностика и др. Поэтому мы считаем целесообразным включение понятия «народной медицины (целительства)» в статью 235 УК РФ.

С объективной стороны преступление выражается в форме действия. Безлицензионной считается деятельность лица, осуществляемая при отсутствии таковой, с просроченной лицензией либо лицензией на родственной, но другой вид деятельности, оказание услуг по приостановленной или аннулированной лицензии, при наличии лицензии, выданной на другой территории. Для привлечения к ответственности по ст. 235 УК достаточно одного факта занятия медицинской или фармацевтической деятельностью, повлекшего общественно опасные последствия. При этом важно установить наличие причинно-следственной связи между незаконной деятельностью и наступившими последствиями. Вред здоровью человека должен быть причинен вследствие неквалифицированного лечения (оздоровления) либо реализации некачественной фармацевтической продукции. Так, *гражданка Г., имея среднеспециальное медицинское образование, занималась частной медицинской практикой, не имея на то соответствующей лицензии. Она*

предложила Ш. провести курс лечения онкологического заболевания в виде восьми внутримышечных инъекций, состоящих из прокипяченной смеси оплодотворенного куриного яйца и физраствора. По месту своего жительства она вводила Ш. внутримышечно вышеуказанные инъекции. После пятого укола у Ш. началась постинъекционная флегмона и он был доставлен в больницу, где ему была проведена операция. Согласно заключению эксперта, ему был причинен вред здоровью средней тяжести. Гражданка Г. была привлечена к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 235 УК РФ [6].

Состав преступления, предусмотренный ст. 235 УК РФ, является материальным. Преступление признается оконченным с момента наступления указанных в диспозиции статьи последствий. В ч. 2 ст. 235 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав – те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека. Так, 17 апреля 2009 г. в г. Москве врач-гинеколог Т., не имея соответствующей лицензии, провел операцию по прерыванию 12-ти недельной беременности обратившейся к нему гр. В. После внутримышечного введения лекарственного препарата «Лидокаин» у потерпевшей наступил анафилактический шок и она скончалась. Реанимационные меры врачом проведены не были, бригада «скорой помощи» была вызвана с опозданием.

С субъективной стороны отношение лица к безлицензионной деятельности может быть только умышленным, а к последствиям – неосторожным. В целом преступление характеризуется неосторожной формой вины. Виновный занимается незаконной частной медицинской (фармацевтической) деятельностью вполне осознанно, но при этом не предвидит возможности причинения вреда здоровью больного или наступления его смерти, хотя должен и мог предвидеть эти обстоятельства. В том случае, если будет установлен прямой или косвенный умысел на причинение смерти или вреда здоровью человека, действия медицинских работников следует квалифицировать по статьям о преступлениях

против личности [7, С. 679]. Субъект преступления – лицо, достигшее 16 лет, не имеющее лицензии на такую деятельность.

В целях предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 235 УК РФ, необходимо: принять отдельные нормативные правовые акты, регламентирующие частную медицинскую и (фармацевтическую) практику; усилить контроль и надзор за процедурой оказания платных услуг в данной сфере; особое внимание обратить на правомерность деятельности народных знахарей и целителей; включить в санкцию ст. 235 УК РФ в качестве дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Соблюдение санитарно-эпидемиологических правил составляет основу благополучия и безопасности населения. Санитарно-эпидемиологическая безопасность – это состояние защищенности среды обитания, при котором уменьшается и минимизируется воздействие вредных факторов на человека, созданы благоприятные условия для его жизнедеятельности и отмечается тенденция улучшения здоровья населения.

Неисполнение санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, ненадлежащая сертификация пищевой продукции и питьевой воды, халатное отношение органов управления к наведению санитарно-гигиенического порядка на предприятиях торговли и общественного питания, прямое нарушение законодательства со стороны индивидуальных предпринимателей и организаций снижает уровень санитарно-эпидемиологической защищенности населения, особенно в густонаселенных территориальных образованиях, приводит к вспышкам инфекционных заболеваний, нередко заканчивающихся тяжелыми последствиями [8, С. 676].

Санитарно-эпидемиологические правила содержатся в различных источниках права, регулирующих правоотношения в сфере охраны здоровья граждан. Основным правовым актом в этой области является Федеральный закон РФ от 30 марта 1999 г. № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[9]. Ряд важных по-

ложений содержится в Федеральном законе от 2 января 2000 г. № 29 «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [10]; в Постановлении Правительства РФ от 2 февраля 2006 г. N 60 «Об утверждении положения о проведении социально-гигиенического мониторинга» [11] и других правовых актах.

Санитарно-эпидемиологические правила и гигиенические нормативы являются обязательными для соблюдения всеми государственными и иными органами, общественными объединениями, а также должностными лицами и гражданами [12, С. 619-620]. Такие акты подлежат официальному опубликованию и свободному распространению. Они устанавливаются практически во всех сферах жизнедеятельности человека: при планировке и строительстве жилых домов; производстве товаров народного потребления и продуктов питания; водоснабжении населения; эксплуатации зданий, сооружений, оборудования; переработке, обезвреживании, захоронении и утилизации отходов производства; организации образовательного процесса и т.д.

В этих правилах (нормативах) устанавливаются цели и виды мероприятий по обеспечению безопасности (безвредности) существования человека, в том числе по предупреждению инфекционных заболеваний и массовых отравлений. Статья 236 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание, отравление людей или смерть человека.

С объективной стороны преступление может выражаться как в действии, так и бездействии. Активные действия могут состоять в нарушении норм при организации питания в образовательных учреждениях; спуске сточных вод в водоем, используемый для забора питьевой воды и т.д. Бездействие проявляется в невыполнении санитарных правил при производстве работ, оказании услуг (например, несоблюдение условий охраны труда, невыполнение предписаний государственных санитарных врачей по карантинным мероприятиям, по

госпитализации инфекционных больных и пр. [13, С. 562].

Обязательным элементом объективной стороны данного преступления является наступление массового заболевания, отравление людей либо смерть человека. Заболевание (болезнь) – это расстройство здоровья, нарушение жизнедеятельности организма, возникающее под влиянием внешних или внутренних факторов [14, С. 98]. «Эпидемия» означает инфекционные заболевания, представляющие опасность для окружающих, характеризующиеся тяжелым течением болезни, высоким уровнем смертности и инвалидности, быстрым распространением среди населения. Эпидемия считается начавшейся, если количество заболевших превышает установленный эпидемический порог [15, с. 50]. Эпидемические болезни вызваны патогенными возбудителями, передаваемыми человеку от больных людей или животных через воздух, воду и пищу, которые легко и быстро распространяются на здоровых, вызывая массовое заболевание [16, С. 63].

К ним относятся заболевания группы людей, находящихся на определенной территории, нуждающихся в медицинской помощи. Заболевания могут быть бактериальными, вирусными, кишечными, воздушно-капельными и др. К ним относятся: холера, оспа, тиф, полиомиелит, туберкулез, кишечные инфекции, ящур, бруцеллез, дизентерия, желтая лихорадка и проч.

Под массовым отравлением следует понимать интоксикацию организма у группы людей в результате воздействия токсичных (вредных) веществ различного происхождения путем абсорбции через дыхательные пути, контактного попадания на кожу и слизистую, поглощения их с пищей или водой, а равно иными способами. При этом число обратившихся в лечебные учреждения должно быть значительным [17, С. 495]. Отравления могут быть вызваны некачественными пищевыми продуктами, фальсифицированными лекарственными пре-

паратами, неблагоприятными производственными условиями. Так, с 28 по 31 августа 2011 г. в приемное отделение инфекционного профиля окружной клинической больницы обратилось 38 жителей г. Сургута с тяжелыми пищевыми отравлениями, 20 из них были госпитализированы. Все они указали, что перед этим употребляли суши и морепродукты, поставляемые одним и тем же обществом с ограниченной ответственностью. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 236 УК РФ.

Возникновение вспышек массовых инфекционных заболеваний требует незамедлительного введения карантина. Несвоевременность объявления карантина может привести к наступлению опасных последствий и даже смерти людей. В случае сокрытия или искажения информации об ухудшении санитарно-эпидемиологической обстановки лицами, уполномоченными обеспечивать население информацией такого рода, их деяния подлежат дополнительной квалификации по ст. 237 УК РФ.

Состав преступления, предусмотренный ст. 236 УК РФ, материальный. Преступное деяние признается оконченным, если нарушение санитарных правил повлекло массовое заболевание (эпидемию) или отравление. Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины. Преступление может быть совершено по легкомыслию или небрежности. Субъект данного преступления может быть как общий, так и специальный. Часть 2 ст. 236 УК РФ предусматривает более строгую уголовную ответственность за те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека.

Поэтому создание лишь угрозы возникновения указанных последствий не влечет уголовной ответственности. В отли-

чие от УК РФ, КоАП РФ допускает наступление административной ответственности за нарушения санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемиологических правил и норм независимо от последствий (ст. 6.3-6.7).

Для более эффективного предупреждения нарушений в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения предлагается пересмотреть размер административного штрафа по статьям 6.3-6.7 КоАП РФ в сторону его увеличения, а также в санкциях этих статей предусмотреть наказание в виде дисквалификации (лишении права замещать должности государственной гражданской службы РФ и ее субъектов, должности муниципальной службы и др.) в случае грубого нарушения действующего законодательства или возникновения угрозы наступления общественно опасных последствий.

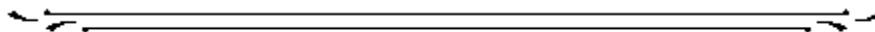
Одними лишь изменениями норм административного или уголовного законодательства повлиять на данную проблему невозможно. Вопросами защиты здоровья населения занимаются различные государственные и иные структуры. Охрана здоровья населения представляет собой деятельность медицинских, санитарно-эпидемиологических, правоохранительных органов, цель которых – сохранение физического и психического здоровья человека, предоставление своевременной, профессиональной, квалифицированной медицинской помощи, незамедлительная реакция уполномоченных лиц на нарушения в данной сфере, профилактика и укрепление здоровья нации.

Качественные сдвиги в рассматриваемой сфере возможны только при последовательном, системном, инновационном подходе, сочетающем в себе теорию и практику, перспективные разработки науки и техники.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
2. СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

3. СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716; 2011. № 43. Ст. 5971.
4. СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6931.
5. См.: Ямалеев Р.Г. Правовые основы медицинской практики и предпринимательства в здравоохранении. - Казань: Медицина, 2002. – 352 с.
6. См.: Архив Приволжского районного суда г. Казани, уг. дело № 1-554/02.
7. Комментарий к УК РФ: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. А.П. Новикова. - М.: Экзамен, 2006. – 975 с.
8. См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.Т. Томина, В.С. Устимова, В.В. Сверчкова. - М.: Юрайт-Издат, 2002. – 1015 с.
9. СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; СЗ РФ. 2003. № 27. Ч.1. Ст. 2700; 2011. № 30 (ч.1). Ст. 4596.
10. СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150; 2003. № 27. Ч.1. Ст. 2700; 2011. № 30 (ч.1). Ст. 4596.
11. СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 713.
12. См.: Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие. - М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 616 с.
13. См.: Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. - М.: Норма, 2005. – 928 с.
14. См.: Популярная медицинская энциклопедия. - М., 1965. – 621 с.
15. См.: Малеина М. Ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил // Российская юстиция. - 2000. - № 7. - С. 50-58.
16. См.: Воловская М.Л. Эпидемиология с основными инфекционными заболеваниями. - М.: Медицина, 1974. – 216 с.
17. См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В.М. Лебедев. - М.: Юрайт-Издат, 2002. – 760 с.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Шалагин А.Е.

Особенности квалификации и предупреждения преступлений, связанных с проституцией: монография / под редакцией доктора юридических наук, профессора Ф.Р. Сундурова. - Казань: КЮИ МВД России, 2012. – 121 с.

В монографии отражены проблемы, возникающие при квалификации преступных деяний, предусмотренных ст. 240-241 УК РФ. Выработаны рекомендации по предупреждению и противодействию преступлениям данной направленности. В исследовании отражен исторический, зарубежный и региональный опыт борьбы с данными преступлениями. Монография предназначена для практических работников органов внутренних дел, преподавателей, научных сотрудников, адъюнктов юридических вузов МВД России, а также может быть полезна курсантам, слушателям, студентам и аспирантам.

Е.С. Крылова,
кандидат юридических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ, ПЕРЕДАЧУ, СБЫТ, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКУ ИЛИ НОШЕНИЕ ОРУЖИЯ, ЕГО ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ С УЧЕТОМ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассмотрены разные мнения об изменении законодательной регламентации ст. 222 УК РФ в зависимости от учета предмета этого преступления. Поддержаны предложения о введении дополнительных квалифицированных видов состава преступления.

Проблема ответственности за преступления, совершаемые в сфере незаконного оборота оружия, не утрачивает своей актуальности. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2009 г. количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, составило – 34,2 тыс., в 2010 г. – 30,4 тыс., в 2011 г. (с января по октябрь) – 24,6 тыс. Такая тенденция к сокращению зарегистрированных преступлений, безусловно, положительна. Однако количество совершаемых с применением оружия преступлений имеет тенденцию к росту. В 2009 г. оно составило – 8,7 тыс. преступлений, в 2010 г. – 7,4 тыс., в 2011 г. – 6,8 тыс., а с января по март 2012 г. – 1,9 тыс.[1]. Преступления, связанные с нарушением правил обращения с оружием, относятся к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка, ответственность за которые предусмотрена в главе 24 УК РФ. Высокий характер общественной опасности преступлений, предусмотренных ст.ст. 222-226 УК РФ, определяется объектом посягательства, в качестве которого выступает общественная безопасность в сфере оборота огнестрельного, холодного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Незаконный оборот оружия является одним из факторов, способствующих ухудшению криминогенной обстановки, росту организованной преступности, терроризма в стране и представляет реальную угрозу государствен-

ной, общественной и личной безопасности.

Из широкого круга вопросов, связанных с уголовной ответственностью за незаконный оборот оружия, в литературе все чаще обращается внимание на необходимость учета предмета преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, не только при квалификации содеянного, назначении наказания, но и при формулировании самой нормы уголовного закона, что способствовало бы более точному ее пониманию и, как следствие, облегчало применение.

Статья 222 УК РФ имеет достаточно сложный предмет преступления. В частях 1-3 перечислены огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства; в части 4 упоминаются гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, в том числе метательное оружие.

Законодательство в сфере оборота оружия неоднократно подвергалось корректировке. Последние существенные изменения были внесены в отдельные законодательные акты и, в том числе, в Уголовный кодекс **Федеральным законом** от 28 декабря 2010 г. N 398-ФЗ, основные положения которого вступили в силу 1 июля 2011 г. Среди изменений в УК РФ отметим относящиеся к ст. 222 УК РФ. В **части 1 статьи 222** УК РФ произошла декриминализация незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или но-

шения огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему. Напомним, что не подлежат уголовной ответственности с 2004 года (в ред. ФЗ от 21.07.2004 N 73-ФЗ) лица, совершившие те же действия с гражданским гладкоствольным оружием. В **части 4** введена уголовная ответственность за незаконный сбыт гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения.

К наиболее обсуждаемым положениям, касающимся дифференциации уголовной ответственности в зависимости от предмета преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, следует отнести предложения: об установлении повышенной уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в крупных и особо крупных размерах; за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств; за незаконный оборот прицельных комплексов ночного видения к оружию, глушителей и т. п.; за продажу, передачу, сбыт оружия боевикам, бандитам, членам организованных преступных формирований; дифференциации ответственности в зависимости от поражающей способности оружия; устранение удвоения понятий "боеприпасы" и "взрывные устройства"; об установлении уголовной ответственности за незаконные изготовление, продажу или передачу пневматического оружия, превосходящего по своим тактико-техническим характеристикам холодное и метательное оружие; о декриминализации уголовной ответственности за самодельное изготовление или сбыт газового и холодного оружия и др.[2].

Не вызывает сомнений тот факт, что каждая из приведенных позиций в той или иной степени справедлива, к тому же очередной раз подчеркивает актуальность обсуждаемой проблемы, однако постоянное изменение уголовного законодательства вряд ли можно признать обоснованной и эффективной мерой противодействия незаконному обороту оружия. В этой связи

остановимся на наиболее обсуждаемых. Так, предложение об учете количества оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств и выделение в ч. 2,3 квалифицирующего признака совершения преступления в крупных и особо крупных размерах, безусловно, имеет право на существование. Тем более, что аргумент о возможности учета данных обстоятельств при назначении наказания, не достаточно эффективен, так как в соответствии с санкцией ч. 1 ст. 222 УК РФ данное деяние относится к преступлениям средней тяжести и предусматривает наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо принудительные работы на срок до четырех лет, либо арест на срок до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо без такового (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 N 420-ФЗ). На наш взгляд, наказания, предусмотренные ч. 1 ст. 222 УК РФ, не отражают степени общественной опасности рассматриваемого преступления, совершенного в крупном размере. Однако сложности законодательного закрепления квалифицированных видов, относящихся к крупному, особо крупному размеру оружия, связаны с установлением критериев учета характеристик различных видов оружия и требуют оценки экспертов. Следует напомнить, что указанный признак относится к количественной характеристике преступления и установление крупного размера (например, ящик боеприпасов, десять единиц огнестрельного оружия) в силу многообразия предметов вооружения представляется проблематичным. Не следует забывать и о поражающих свойствах оружия, которые также не являются однородными и характеризуют степень их общественной опасности. По этому поводу в литературе высказывается мнение о выделении в квалифицированный вид преступления либо в самостоятельный состав преступления совершение незаконных действий со взрыв-

чатыми веществами или взрывными устройствами в силу их повышенной общественной опасности.

Большое количество преступлений совершается с применением взрывных устройств, сопровождающихся значительным числом жертв и разрушениями. Взрывные устройства зачастую являются орудием терактов, преступлений, совершенных из хулиганских побуждений.

Как отмечают Багаутдинов Ф. и Ширкин А., изучение судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 222 Уголовного кодекса РФ, свидетельствует об отсутствии единообразия в подходе судов по отнесению ручных гранат и их частей к боеприпасам или взрывным устройствам.

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12 марта 2002 года «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в ред. постановления Пленума Верховного суда РФ от 06.02.2007 № 7), под боеприпасами следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. При этом к *категории боеприпасов* относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, *ручные и реактивные противотанковые гранаты*, боевые ракеты, авиабомбы и т.п., независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом [3]. Авторы высказывают сомнения относительно отнесения ручных гранат к боеприпасам в силу того, что ручные гранаты не являются боеприпасом ни к одному оружию, а по своему действию и конструкции они больше подпадают под определение взрывного устройства. Однако данная позиция упускает из виду, что в определении боеприпасов содержится

указание на их принадлежность к предметам вооружения либо к метаемому снаряжению и не привязывает в обязательном порядке в качестве составляющих комплектующих к какому-либо оружию.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» под оружием следует понимать устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов[4]. Граната также предназначена для поражения живой или иной цели и вполне вписывается в данное определение.

Следует согласиться, что при квалификации действий преступников по ст. 212 УК РФ возникают спорные вопросы в связи с отсутствием в ней указания на совершение преступления с применением боеприпасов. В соответствии с диспозицией статьи уголовная ответственность наступает за «организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти». Следовательно, если при массовых беспорядках применялись ручные гранаты, ответственность наступит только за незаконный оборот боеприпасов по ст. 222 УК РФ, которая значительно мягче, чем ст. 212 УК РФ.

При рассмотрении характеристик различных видов боеприпасов авторы приходят к выводу о различии их степени опасности, обосновывая это тем, что патроны, применяемые без пистолета и автомата, сами по себе не могут причинить вред, в то время как ручная граната - это оружие прямого действия. По возможностям применения ручной гранаты при совершении преступления проводится параллель с огнестрельным оружием или взрывными устройствами[5]. Такого же мнения придерживается И.И. Бикеев, отмечая, что нельзя относить к боеприпасам предметы, предназначенные для производства взрыва и содержащие в себе взрывчатые вещества. В ином случае уголовный закон использует пересекающиеся термины боеприпасов и взрывных устройств[6]. В заключение

формулируется предложение о выделении уголовной ответственности за незаконные действия с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами из статьи 222 УК РФ в самостоятельную статью УК РФ.

Следует отметить, что подобный опыт уже имеется в законодательстве ряда зарубежных стран с англосаксонской правовой системой (США, Австралия), правовой системой гибридной (смешанной) юрисдикции (Дания, Израиль, Республика Корея). Так, например, Уголовный кодекс Дании 1930 г. содержит состав, предусматривающий совершение незаконных деяний со взрывчатыми веществами и взрывными устройствами. В соответствии с §192а установлена ответственность лица, которое в нарушение законодательства о взрывчатых веществах импортирует, изготавливает, владеет, носит, использует или передает взрывчатые вещества, которые вследствие их особо опасного характера могут причинить значительный ущерб[7].

Статья 144 Закона об уголовном праве Израиля 1977г. [8] предусматривает достаточно широкое понятие оружия, относя к нему боеприпасы и гранаты. При этом за незаконное обращение с частью, деталью или боеприпасом оружия ответственность установлена значительно менее строгая, чем за аналогичные действия с собственно оружием.

Не менее актуальной остается проблема уголовной ответственности за незаконный оборот газового, пневматического и холодного оружия. Вопросы, относящиеся к общественной опасности холодного оружия и ответственности за него, рассматривает В.В. Яровенко. Сравнивая свойства пневматического, газового и холодного оружия, он приходит к выводу, что, несмотря на различие в степени общественной опасности газового и пневматического оружия уголовная ответственность предусмотрена за изготовление только газового оружия, в то время как за изготовление пневматического оружия - только административная (ст. 20.10 КоАП) [9]. К подобному выводу приходят и другие уче-

ные, отмечая, что бесконтрольность оборота, использование современных образцов пневматического оружия приводят к тому, что оно попадает в руки лиц, которые потенциально могут нанести вред здоровью граждан и материальный ущерб[10]. Наиболее распространенным при совершении преступлений в силу его доступности является холодное оружие, применение которого предполагает назначение криминалистической экспертизы холодного и метательного оружия с целью определения, является ли нож холодным оружием. Яровенко В.В. отмечает, что складывающиеся в стране рыночные отношения способствовали наполнению рынка различными ножами отечественного и иностранного производства. В силу чего возникает загруженность экспертов рутинной работой по определению данного вида оружия. Автор задается вопросом о юридическом значении для квалификации действий преступника применения ножа, который признан холодным оружием, и ножа, который не признан таковым. И приходит к заключению, что в обоих случаях общественная опасность деяния является равноценной и уголовная ответственность в этой связи не дифференцирована. Напомним, что в ст. 159 УК Республики Польша (1997 г.) предусматривается уголовная ответственность за использование в драке ножа или иного подобного опасного предмета.

В постановлении Пленум Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" от 27 декабря 2002 г. говорится: "При квалификации действий виновного по части второй статьи 162 УК РФ судам следует в соответствии с Федеральным законом от 13 ноября 1996 года "Об оружии" и на основании экспертного заключения устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. При наличии к тому оснований, предусмотренных Законом, действия такого лица должны дополнительно квалифицироваться по статье 222 УК РФ"[11]. В тексте постанов-

ления не содержится упоминания о ст. 223 УК РФ, вероятно, как не представляющей большой общественной опасности.

Проводя анализ практики расследования уголовных дел, Яровенко В.В. подчеркивает, что установление и доказывание фактов незаконного сбыта холодного оружия является процессом трудоемким и мало-значительным с позиции уголовной ответственности, а поэтому ему не уделяется достаточного внимания. То же относится и к незаконному изготовлению холодного оружия. По его мнению, незаконные сбыт и изготовление холодного оружия должны быть декриминализованы, как не представляющие большой общественной опасности, в силу того что уголовный закон не делает различий между применением холодного оружия и предметов, используемых в качестве холодного оружия. Следует согласиться, что отмена данных норм будет способствовать прекращению спора о критериях, предъявляемых к холодному оружию, разгрузит экспертные учреждения от необходимости проведения большого числа экспертиз холодного и мета-

тельного оружия, заключения которых не имеют юридического значения, кроме того Уголовный кодекс будет освобожден от недействующих, малоэффективных норм [12].

Принимая либо отрицая приводимые в литературе позиции, следует сделать вывод о существовании достаточного количества спорных вопросов, относящихся к учету предмета преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ. Следует согласиться с мнением ученых о необходимости выделения данных предметов не только в качестве квалифицирующих признаков преступления, но и исходя из точного единообразного их понимания. Указанные проблемы могут быть ликвидированы только в случае приведения в соответствие норм федерального законодательства, немаловажное значение имеют также разъясняющие положения Пленума Верховного Суда, который подчас вносит свою трактовку понятий, расходящихся с законом, и в настоящее время нуждается в корректировке с учетом последних изменений в законодательной базе об оружии.

Литература

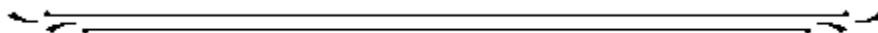
1. Состояние преступности – январь-декабрь 2009 – 2011 гг.; январь-март 2012г. // Сайт МВД РФ / www.mvd.ru. Проверено 06.05.2012.
2. Бикеев И.И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: автореф. дис. ...канд. юрид. наук.- Самара, 2000. - С. 13; Багаутдинов Ф., Ширкин А. Ручная граната: оружие, взрывное устройство или боеприпас // Законность. – 2008. – №1. – С. 21; Урумов Х. Незаконный оборот оружия: группа лиц по предварительному сговору // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 52.
3. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. N 5// Российская газета.- 2002. -19 марта; БВС РФ.-2002. -N 5 (с изменениями от 06.02.2007 N 7).
4. Об оружии: Федеральный закон от 13 декабря 1996 года N 150-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - N 51. - Ст. 5681; Российская газета. - 1996. - 18 декабря (в ред. Федерального закона от 19.07.2011 г. N 248-ФЗ).
5. Багаутдинов Ф., Ширкин А. Ручная граната: оружие, взрывное устройство или боеприпас // Законность. – 2008. – №1. – С. 24.
6. Бикеев И.И. Уголовная ответственность за незаконное обращение с предметами вооружения: монография. - Казань: Познание, 2007. - 312 с.
7. Романов Р.В. Некоторые проблемы уголовной ответственности за рубежом // Российский судья. – 2007. – № 12. – С.36.
8. Закон об уголовном праве Израиля 1977 г. / предисл., пер. с иврита: магистр права (LL.M) М. Дорфман.; науч. ред. канд. юрид. наук Н.И. Мацнев. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.

9. Яровенко В.В. Общественная опасность отдельных видов оружия и уголовная ответственность за него // Право и политика. – 2010. – №7.

10. Толкаченко А.А., Косован О.А. К вопросу о совершенствовании законодательства об оружии // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. - № 11.

11. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 // Российская газета. - 2003. - N 9; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. N 2 (с изменениями от 6 февраля 2007 г., 23 декабря 2010 г.)

12. Яровенко В.В. Общественная опасность отдельных видов оружия и уголовная ответственность за него // Право и политика. – 2010. – №7.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

**Зиннуров Ф.К.,
Чанышева Г.Г.,
Габдулхаков В.Ф.**

Технология профилактики и коррекции девиантного поведения в условиях организации социокультурной деятельности: монография. –Изд. 2-е, дополненное. - Казань: Логос, 2012. - 280 с.

Книга является монографическим и практико-ориентированным пособием, раскрывающим особенности девиантного поведения подростков, технологические аспекты организации работы по профилактике девиантного поведения среди учащихся на основе средств социокультурной деятельности.

Адресована педагогам общеобразовательных и специальных школ, слушателям курсов повышения квалификации, студентам педагогических и юридических вузов.

А.А.Лабутин,
старший научный сотрудник
ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
группа по Республике Татарстан

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ПРОИЗВОДСТВОМ И РЕА- ЛИЗАЦИЕЙ ТОВАРОВ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ

В статье на основе анализа материалов уголовных дел и статистических сведений по преступлениям, в сфере экономической деятельности, связанным с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, совершенным в 2005-2010 гг., представлено состояние преступности указанного вида преступлений на территории Приволжского федерального округа, а также дана их характеристика.

Статистические данные свидетельствуют, что российский потребительский рынок и торговля как одна из важнейших его составляющих являются крупнейшим бюджетобразующим сектором экономики, так как существенная часть доходов бюджета формируется за счет налоговых поступлений от реализации потребительских товаров.

По независимым экспертным исследованиям, емкость потребительского рынка России оценивается в 350 млрд долларов США, что примерно на 150 млрд долларов США выше официальной статистики, а это значит, что более 20% валового национального продукта нигде не учитывается и значительная часть экономики страны находится в «тени» [1].

Преступность как социальное явление обладает определенными количественными и качественными характеристиками. К основным из них, на основании которых судят о состоянии преступности, большинство криминологов относит уровень, структуру и динамику преступности. [2]

Для криминологического анализа наиболее распространенным источником информации, с помощью которого можно судить о состоянии преступности, являются данные статистической отчетности ГИАЦ

МВД России. [3] При этом следует отметить, что в статистике ГИАЦ МВД России учитывается общее количество преступлений экономической направленности, количество преступлений экономической направленности, связанных с потребительским рынком, но нет формы, учитывающей количество преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке.

Однако о динамике преступности в рассматриваемой сфере в определенной степени можно судить по отдельным данным. Анализ статистических данных о преступлениях в сфере экономической деятельности, совершаемых на потребительском рынке, в целом свидетельствует о неблагоприятных тенденциях в динамике их развития. В частности, по данным ГИАЦ МВД России за 2005-2010 г.г. динамика зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке (ст.ст. 171, 171.1, 180, 181 УК РФ), в масштабах страны, в разрезе Приволжского федерального округа и Республики Татарстан выглядит следующим образом (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Динамика преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, по Российской Федерации за 2005-2010 гг.

2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год
3468	4248	4435	4008	4670	1924

Приведенные статистические сведения указывают на скачкообразную динамику рассматриваемых преступлений в масштабах страны (см. диагр. 1). Как видно из представленной таблицы, с 2005 по 2007 годы на территории России отмечался рост указанных преступлений. В 2008 году наблюдалось снижение количества рассматриваемых преступлений, а в 2009 году снова отмечено их увеличение (пик рас-

сматриваемой преступности), при этом по сравнению с 2005 годом их количество выросло более чем в 1,3 раза. Однако 2010 год характеризуется резким снижением количества зарегистрированных преступлений рассматриваемой группы – их число уменьшилось как по сравнению с 2009 годом – в 2,4 раза, так и по сравнению с 2005 годом – в 1,8 раза.

Диаграмма 1

Таблица 2

Динамика преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, по Приволжскому федеральному округу за 2005-2010 гг.

2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год
525	740	726	690	825	299

На территории Приволжского федерального округа динамика рассматриваемых преступлений выглядит несколько иначе (см. диагр. 2). Так, рост преступлений был отмечен в 2006 году – в 1,4 раза по сравнению с 2005 годом, а также в 2009 году (пик рассматриваемой преступности), при этом по сравнению с 2005 годом их количество выросло в 1,6 раза. 2006-2008 годы харак-

теризовались планомерным снижением рассматриваемых преступлений. А в 2010 году на территории Приволжского федерального округа зафиксировано еще более резкое, чем в масштабах страны, снижение количества зарегистрированных преступлений указанной группы – их число уменьшилось по сравнению с 2009 годом в 2,8 раза [4].

Диаграмма 2

Таблица 3

Динамика преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, по Республике Татарстан за 2005-2010 гг.

2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год
45	82	73	95	125	24

Диаграмма 3

На территории Республики Татарстан динамика рассматриваемых преступлений также имеет свою специфику (см. диагр. 3). Как видно из представленной таблицы, рост указанных преступлений отмечался в 2006 году, а также в период 2008-2009 гг., при этом на 2009 год приходился пик рассматриваемой преступности (по сравнению с 2005 годом их количество выросло более чем в 2,7 раза). В 2007 и 2010 годах году наблюдалось снижение количества рассматриваемых преступлений, и если 2007 год характеризовался небольшим снижением количества зарегистрированных преступлений (-11% к АППГ), то в 2010 году произошло их более существен-

ное по сравнению с общероссийским и среднеокружным показателем снижение – по сравнению с 2009 годом их число уменьшилось в 5,2 раза. [5]

Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, по отношению к общему числу зарегистрированных как на территории Российской Федерации, Приволжского федерального округа, так и Республики Татарстан преступлений в сфере экономической деятельности незначителен и за последние 6 лет в среднем значении составил: по РФ – 4,76, по ПФО – 3,81, по РТ – 4,29 (см. табл. 4, 5, 6).

Таблица 4

	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год
Количество зарегистрированных на территории РФ преступлений в сфере экономической деятельности	73251	92317	84465	80743	82911	57162
Количество зарегистрированных на территории РФ преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке	3468	4248	4435	4008	4670	1924
Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, по отношению к общему числу зарегистрированных на территории РФ преступлений в сфере экономической деятельности	4,73	4,6	5,25	4,96	5,63	3,36

Таблица 5

	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год
Количество зарегистрированных на территории ПФО преступлений в сфере экономической деятельности	14918	19609	17285	16942	17325	11783
Количество зарегистрированных на территории ПФО преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке	525	740	726	690	825	299
Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с произ-	3,52	3,77	4,2	4,07	4,76	2,54

водством и реализацией товаров на потребительском рынке, по отношению к общему числу зарегистрированных на территории ПФО преступлений в сфере экономической деятельности						
---	--	--	--	--	--	--

Следует отметить, что столь резкое снижение количества зарегистрированных преступлений данной категории и их удельного веса от общего числа зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности, наблюдаемое на территории Российской Федерации и практически всех без исключения ее субъектов, вызвано существенными изменениями уголовного законодательства, произошедшими в начале 2010 года, согласно которым была значительно изменена величина крупного и особо крупного размера, ущерба, дохода либо задолженности, установленная в примечании к статье 169 УК РФ (повышена в 6 раз – соответственно с 250 тыс. руб. до 1 млн 500 тыс. руб. и с 1 млн руб. до 6 млн руб.). [6]

В целом приведенные статистические сведения указывают на отсутствие ярко выраженной динамики совершаемых на территории Российской Федерации, Приволжского федерального округа и Республики Татарстан преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке. При этом необходимо заметить, что криминальная ситуация, сложившаяся на территории Республики Татарстан в сфере экономической деятельности, связанной с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, в основном повторяет общероссийские и среднеокружные тенденции.

Таблица 6

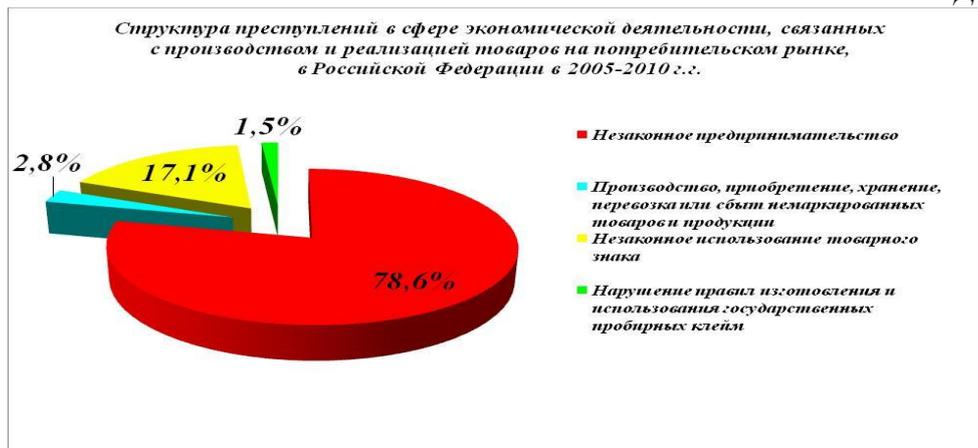
	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год
Количество зарегистрированных на территории РТ преступлений в сфере экономической деятельности	1597	1925	2024	1812	1717	948
Количество зарегистрированных на территории РТ преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке	45	82	73	95	125	24
Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, по отношению к общему числу зарегистрированных на территории РТ преступлений в сфере экономической деятельности	2,82	4,26	3,6	5,24	7,28	2,53

Далее необходимо рассмотреть качественные признаки преступности в сфере экономической деятельности, связанной с производством и реализацией товаров на потребительском рынке.

В общероссийской структуре рассматриваемого вида преступлений около 79% составляют факты незаконного предпринимательства, на факты незаконного исполь-

зования товарного знака приходится чуть больше 17%, случаи производства, приобретения, хранения, перевозки или сбыта немаркированных товаров и продукции, а также нарушений правил изготовления и использования государственных пробирных клейм составляют немногим более 4% (см. диагр. 4).

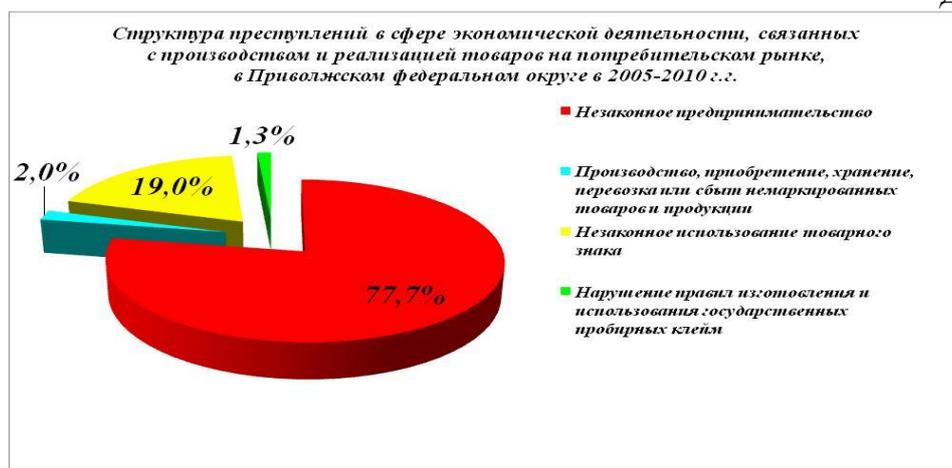
Диаграмма 4

Структура преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на по-

требительском рынке Приволжского федерального округа, практически не отличается от общероссийской (см. диагр. 5).

Диаграмма 5

Что касается структуры преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке Республики Татарстан, то она имеет несколько принципиальных отличий от общероссийской и среднеокружной. Более 90% зарегистрированных на территории региона преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, составляют факты незаконного

предпринимательства; на факты производства, приобретения, хранения, перевозки или сбыта немаркированных товаров и продукции, а также незаконного использования товарного знака приходится чуть больше 9%. При этом за период 2005-2010 гг. правоохранительными органами республики не выявлено ни одного случая преступного нарушения правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (см. диагр. 6).

Диаграмма 6

Проведенный нами анализ уголовных дел, возбужденных по признакам составов преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке [7], позволил установить следующие особенности, присущие данной категории преступлений.

1. В большинстве случаев (70,45%) предметом преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, оказывались услуги в сфере строительства и/или капитального ремонта, а также деятельность по производству и реализации горюче-смазочных материалов (18,18%). При этом наиболее распространенным местом совершения указанных преступлений являлись соответственно объекты строительства и/или капитального ремонта (63,64% случаев), а также территория (объекты) различных промышленных предприятий (11,36% случаев).

Так, например, в апреле 2006 года было возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ в отношении гр. Алимбекова, который, являясь руководителем ЗАО «Каммеханомонтаж», в период с 01.01.2004 года по 31.12.2005 года умышленно, с целью уклонения от контроля государства, осуществлял предпринимательскую деятельность в области строительства (строительно-монтажные работы на объектах первого и второго уровня ответственности) без специ-

ального разрешения (лицензии). В результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности гр. Алимбековым был получен доход на общую сумму 84 миллиона 794 тысячи 569 рублей, что является особо крупным размером [8].

По материалам уголовного дела, возбужденного в феврале 2007 года по п. «б» ч. 2 ст. 171, ст. 199.2 УК РФ, в отношении гр. Гайсиной было установлено, что гр. Гайсина, являясь директором ООО «Элит-Сервис», в период времени с 03.09.2005 года по 31.12.2005 года умышленно, из корыстных побуждений, без специального разрешения (лицензии) эксплуатировала взрывоопасный производственный объект, а именно установку по производству нефтяного битума СИ-204, то есть осуществляла незаконную предпринимательскую деятельность. В результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности гр. Гайсиной был извлечен доход на общую сумму 9 миллионов 401 тысяча 353 рубля 50 копеек, что является особо крупным размером. [9]

2. В подавляющем своем большинстве (95,35% случаев) противоправные действия в сфере производства и реализации товаров на потребительском рынке были совершены одним лицом. При этом мотивом совершения всех без исключения преступлений рассматриваемой категории являлась корысть.

3. Причиненный ущерб по изученным в рамках исследования уголовным делам со-

ставил свыше 340 миллионов рублей. Вместе с тем результатом рассмотрения данных

уголовных дел судами стало назначение таких видов наказаний, как штраф (в 63,63% случаев), размеры которого колебались в пределах от 3-х до 250-ти тысяч рублей, а также лишение свободы условно (в 29,55% случаев) на срок в пределах от 1-го до 4-х лет.

Так, например, в апреле 2009 года было возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ в отношении ранее судимого гр. Роднина (25.03.2008 г. приговорен Новошешминским районным судом Республики Татарстан за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, к штрафу в размере 2500 рублей), который, являясь директором ООО «Агро Тех Центр», в период с 01.10.2007 года по 02.02.2009 года осуществлял деятельность по вывозу и утилизации твердых бытовых отходов без специального разрешения (лицензии). В результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности гр. Родниным был получен доход на общую сумму 1 миллион 526 тысяч 231 рубль 21 копейка, что является особо крупным размером. По результатам рассмотрения дела Новошешминский районный суд Республики Татарстан, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, признал гр. Роднина виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, и назначил ему наказание с применением ст. 64 УК РФ в виде штрафа в размере 3000 рублей. [10]

По материалам уголовного дела, возбужденного в июле 2009 года по п. «б» ч. 2 ст. 171, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, в отношении гр. Хабирьялова было установлено, что гр. Хабирьялов, являясь директором ООО «Западные Ворота», в период времени с 01.10.2006 года по 31.05.2009 года,

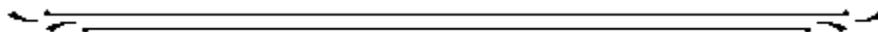
р (ст.ст. 180, 181 УК РФ).

заведомо зная о необходимости получения специального разрешения (лицензии) на право осуществления деятельности по эксплуатации взрывоопасных и взрывопожароопасных объектов, незаконно осуществлял предпринимательскую деятельность по эксплуатации взрывопожароопасных объектов на автогазозаправочной станции и реализации газового топлива за наличный и безналичный расчет. В результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности гр. Хабирьялов извлек доход в особо крупном размере на сумму 24 миллиона 473 тысячи 481 рубль 53 копейки. По результатам рассмотрения дела Альметьевский городской суд Республики Татарстан, учитывая, что подсудимый свою вину признал и раскаялся в содеянном, положительно характеризуется, имеет на иждивении двух несовершеннолетних детей, признал гр. Хабирьялова виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 1 (один) год. На основании ст. 73 УК РФ, назначенное наказание указано считать условным, гр. Хабирьялову установлен испытательный срок на 1 (один) год, в течение которого он своим поведением должен доказать свое исправление. [11]

Таким образом, в структуре преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, основную массу составляют факты незаконного предпринимательства, связанные с оказанием услуг в сфере строительства и/или капитального ремонта. При этом налицо дефицит практики привлечения к уголовной ответственности за ряд преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке, диспозиции которых носят бланкетный характер

Литература

1. См.: Омарова Н.Ю. Экономическая диагностика и эффективность взаимодействия предпринимательских структур на потребительском рынке. - СПб., 2007. - С.4.
2. См.: Ларичев В.Д., Сапожников Г.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с кражами черных и цветных металлов: монография. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. - С.89.
3. См.: Ларичев В.Д., Благов О.Г. Предупреждение преступлений, совершаемых в нефтегазовом комплексе: учебное пособие. - М.: ВНИИ МВД России, 2010. - С.26.
4. По сравнению с 2005 годом показатель уменьшения числа данных преступлений в 2010 году повторяет общероссийский показатель – < в 1,8 раза.
5. По сравнению с 2005 годом показатель уменьшения числа данных преступлений в 2010 году повторяет общероссийский и среднеокружной показатели – < в 1,8 раза.
6. См.: Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. №60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2010.- №15. - Ст. 1756.
7. В рамках исследования по специально разработанной анкете было изучено 44 уголовных дела, возбужденных следственными подразделениями ОВД Республики Татарстан в 2005-2010 гг. по признакам составов преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке.
8. См.: Материалы уголовного дела №581575, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ по факту незаконной предпринимательской деятельности// Архив Нижнекамского городского суда Республики Татарстан. У/д №581575, 2006.
9. См.: Материалы уголовного дела №604921, возбужденного по признакам составов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 171, ст. 199.2 УК РФ по факту незаконной предпринимательской деятельности и сокрытия денежных средств организации, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов// Архив Нижнекамского городского суда Республики Татарстан. У/д №604921, 2007.
10. См.: Материалы уголовного дела №179179, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ по факту незаконной предпринимательской деятельности// Архив Новошешминского районного суда Республики Татарстан. У/д №179179, 2009.
11. См.: Материалы уголовного дела №110819, возбужденного по признакам составов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 171, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ по факту незаконной предпринимательской деятельности и легализации (отмыванию) денежных средств, приобретенных лицом в результате совершения им преступления// Архив Альметьевского городского суда Республики Татарстан. У/д №110819, 2009.

Л.С. Хафизова,
кандидат юридических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ 5 АПРЕЛЯ 2012 ГОДА
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О МОШЕННИЧЕСТВЕ**

В статье подробно рассмотрены криминологические и уголовно-правовые аспекты принятого Пленумом Верховного Суда Российской Федерации законопроекта о комплексном изменении статьи 159 УК РФ о мошенничестве. Проведён анализ предлагаемых в уголовное законодательство новелл с использованием новейшей правоведческой литературы.

В последние годы всё более очевидной становится проблема комплексного совершенствования уголовного законодательства. За время, прошедшее после введения в действие Уголовного кодекса РФ 1996 года, в его текст было внесено более трехсот поправок, от частных до принципиальных, затрагивающих саму сущность уголовной политики государства [1]. Не случайно всё чаще высказывается мнение о необходимости создания нового УК. Быстрота и всеохватность преобразований российского государства и хозяйства в 1990-2000-х годах, изменение самих цивилизационных основ существования общества требуют адекватной реакции. Это касается не только России: с 1990 года новые уголовные кодексы были приняты в более чем 50 государствах мира.

Среди последних предложений обращают на себя внимание законодательные инициативы Верховного суда Российской Федерации, сформулированные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 от 5 апреля 2012 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» и связанные с существенным расширением статьи 159 УК РФ.

Впервые подобная идея прозвучала в феврале 2012 года на совещании-семинаре председателей региональных судов. Председатель Верховного Суда России Вячеслав Лебедев заявил тогда, что в Уголов-

ном кодексе РФ необходимо более подробно прописать составы различных видов мошенничества. Сейчас, по его словам, действуют во многом еще советские подходы, а времена изменились, экономика, люди и отношения стали другими. Поэтому, помимо общей статьи «мошенничество», целесообразно ввести также и отдельные составы. Это позволит исключить «возможные ошибки и злоупотребления в привлечении за мошенничество в сфере экономики, позволит отграничить уголовно-наказуемые деяния от гражданско-правовых отношений», сказал Вячеслав Лебедев [2]. Судя по скорости представления предложений, какие-то наработки к тому времени в Верховном суде уже были.

Мотивирующими обстоятельствами для этих правовых новаций, по мнению составителей, стали следующие обстоятельства. Ежегодно за совершение мошенничества в целом по Российской Федерации осуждается более 25 тысяч лиц. Очевидно, что данное преступление является одним из наиболее распространенных посягательств в различных сферах экономической деятельности. Так, согласно статистическим данным, всего по статье 159 УК РФ за мошенничество в 2011 г. было осуждено 25557 лиц по основной квалификации (для сравнения в 2010 г. – 29056, в 2009 г. – 32229 лиц).

Некоторое снижение числа осуждённых неоспоримо, но существует и устойчивое мнение о несправедливости многих приго-

воров, ибо «по словам правоведов, сегодня формулировка статьи «мошенничество» повторяет, по сути, советскую редакцию. Статья не просто отстала от жизни, она, как полагают правозащитники, фактически стала вредительской для бизнеса - по ней можно осудить любого предпринимателя» [3].

Верховный Суд РФ решил ответить на эти и многие другие претензии кодификацией уголовно-правовой нормы, собрав квалификацию различных видов мошенничества в одной статье УК РФ, что должно сделать очевидной их дифференциацию [4]. По крайней мере, на это рассчитывают авторы предложений, судя по «Пояснительной записке» к законопроекту. При этом в статье 159 УК РФ в редакции проекта предлагается сохранить общий состав мошенничества – «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием».

Вместе с этим законопроектом предлагается дополнить часть четвертую статьи 159 УК РФ новым квалифицирующим признаком – совершение мошенничества, «повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение», в связи с особой повышенной общественно-социальной опасностью такого преступного деяния.

Обосновывается это предложение правоприменительной практикой, когда данная норма не предполагает возможности привлечения к ответственности лиц, совершающих правомерные гражданско-правовые сделки. Действующая статья 159 УК РФ предусматривает ответственность лишь за такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на хищение имущества, т.е. совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества (примечания к статье 158 УК РФ) [5], или на приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Из этого, в частности, следует, что привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикры-

тием правомерной гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на чужое имущество (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2009 г. № 61-О-О) [6].

Поэтому мошеннические действия, повлекшие лишение права гражданина на жилое помещение, необходимо рассматривать в качестве квалифицированного состава мошенничества.

Стоимость жилья по Российской Федерации различна, и мошенничество, повлекшее утрату жилого помещения, не во всяком случае может быть квалифицировано как совершенное в «особо крупном размере» и даже в «крупном размере» [7]. Однако общественная опасность такого деяния весьма велика и, по мнению Верховного Суда РФ, ответственность за содеянное в данном случае не должна зависеть от стоимости жилья, которого лишился потерпевший.

Согласно данным судебной статистики, в 2011 г. за мошенничество, совершенное в отношении жилища, было осуждено около 1 тыс. лиц, что составило порядка 4% от общего числа осужденных по статье 159 УК РФ. Если говорить обо всем объеме совершаемого мошенничества в указанной сфере, то количество деяний, за которые вынесены обвинительные приговоры в этот период, составило около 2 тыс. преступлений.

С учетом этого законопроектом предлагается квалифицировать по части четвертой статьи 159 УК РФ действия лица, совершившего посягательство, предметом которого является жилое помещение, независимо от его стоимости.

Верховный Суд пришел к выводу, что в современных условиях постоянно изобретаются все новые и новые схемы мошенничества, которые требуют от государства принятия соответствующих мер, поэтому предлагается специально прописать в УК РФ шесть новых отдельных составов мошенничества, специализированных сферами экономической деятельности, способами со-

вершения преступления, а также особыми предметами посягательства:

159.1 — «мошенничество в сфере кредитования» вводит норму об «ответственности за мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений». За мошенничество в сфере кредитования в 2011 г. было осуждено более 2,5 тыс. лиц, что составило более 10% от общего числа осужденных по статье 159 УК РФ. Всего в указанной сфере совершено порядка 4,5 тыс. преступлений, за которые постановлены обвинительные приговоры.

159.2 — «мошенничество при получении выплат» устанавливает ответственность за действия, состоящие в хищении денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий, социальных и иных денежных выплат путем представления в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать соответствующие решения, заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, например, о наличии обстоятельств, наступление которых, согласно закону, подзаконному акту и (или) договору, является условием для получения соответствующих выплат или иного имущества (в частности, о личности получателя, инвалидности, наличии иждивенцев, участии в боевых действиях, отсутствии возможности трудоустройства, наступлении страхового случая), а также путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Этот вид мошенничества является одним из самых распространенных. В 2011 г. за мошенничество при получении пособий, компенсаций, субсидий, социальных и иных денежных выплат было осуждено более 3 тыс. лиц, что составило более 12% от общего числа осужденных по статье 159 УК РФ. Всего в указанной сфере было совершено около 4 тыс. преступлений, за которые вынесены обвинительные приговоры.

Введение специальной нормы уголовного наказания в качестве эффективного инструмента предупреждения мошенничества в сфере обязательного социального страхования неоднократно обосновывалось в юридической литературе [8].

159.3 — «мошенничество с платежными картами» - вводит наказание за хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Такая формулировка уголовной нормы позволит применять её для квалификации преступного деяния, например в случаях, когда, используя банковскую карту для оплаты товаров или услуг в торговом или сервисном центре, лицо ставит подпись в чеке на покупку вместо законного владельца карты либо предъявляет поддельный паспорт на его имя [9].

На этот критерий – наличие обманутого физического лица при мошенничестве и его отсутствие при краже – указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 13 постановления «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 27 декабря 2007 г. № 51.

159.4 — «мошенничество при осуществлении инвестиционной деятельности», при этом формулировка деяния звучит следующим образом: «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, вкладываемое в качестве инвестиций, путем обмана или злоупотребления доверием инвесторов». Авторы законопроекта исходили из того, что этот способ известен как мошенничество по принципу финансовых и иных пирамид, когда похищаются денежные средства и иное имущество, привлеченное в качестве инвестиций под обещание выплаты больших процентов и дивидендов. При этом используется продажа акций и других ценных бумаг (или их суррогатов) с обещанием выплаты дивидендов либо выкупа своих ценных бумаг по по-

стоянно завышаемой цене. Указанный вид мошенничества опасен тем, что его жертвами оказывается большое число людей и причиняется в суммарном исчислении огромный материальный ущерб гражданам.

На правовую лакуну в данном случае многократно указывали как публицисты [10], так и юристы [11]. Особенно значима данная новелла уголовного законодательства в связи с очередной реинкарнацией «МММ». Кроме того, можно полагать, что данная норма поможет пресечь мошенничество в инвестиционном строительстве, принявшем в 2000-х годах значительный размер и охватившем разнообразные категории «дольщиков», «пайщиков», «соинвесторов» и т.д. [12] Изменения в гражданском законодательстве в последние годы резко сузили возможности для возможного мошенничества, но не ликвидировали их полностью.

159.5 — «мошенничество в сфере страхования» карает за «хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен договор». Для водителей с полисами ОСАГО и КАСКО это особенно актуально, так как самый массовый вид страхования — это автомобильное страхование. Кроме того, в автостраховании больше всего обращений с исками в страховые компании [13].

Имущественное страхование занимает второе место среди всех видов страхования по количеству совершенных мошеннических действий. Существенная особенность выявления и пресечения мошеннических действий с застрахованным имуществом заключается в том, что клиентами страховых компаний часто являются предприниматели и юридические лица, а их махинации замаскированы под естественные страховые события и документально завуалированы гражданско-правовыми отношениями. Именно поэтому многие случаи мошенничества и завышенных размеров претензий в имущественном страховании переходят из разряда уголовно-

правовых дел в арбитражные процессы и судебные разбирательства [14].

Учитывая размеры и темпы развития рынка страховых услуг в современной России, трудно переоценить профилактическую роль введения данной нормы в уголовное законодательство.

159.6 — наказывает за «мошенничество в сфере компьютерной информации» в случаях, когда хищение или приобретение права на чужое имущество сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и осуществляется путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Подобные преступления совершаются не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения вышеуказанных действий, которые в результате приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество (определение термина «компьютерная информация» дано в примечании 1 к статье 272 УК РФ как сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средства их хранения, обработки и передачи) [15].

Хотя само понятие «компьютерное мошенничество» применяется достаточно давно [16], его содержательная часть трактуется весьма неоднозначно [17]. Кроме того, сама статья 272 УК РФ неоднократно и аргументированно критиковалась в специальной литературе, в том числе и в связи с устаревшим понятийным аппаратом [18]. Четырёхкратное использование термина «компьютерная информация» в данной статье с отсылкой составителей законопроекта в «Пояснительной записке» на примечание первое к статье 272 УК РФ вызывает в связи с этим ряд вопросов.

Поправки к статье 272 УК РФ, внесенные Федеральным законом №420-ФЗ от 07.12.2011 года, установили, что под

«компьютерной информацией» в уголовно-правовом аспекте понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Законодатель достаточно удачно описал форму и способ хранения/передачи компьютерной информации, но в вопросе, какие же всё-таки сведения признаются информацией, остаются определенные «пробелы».

Поскольку правового толкования терминов «сообщения» и «данные» в настоящий момент не существует, правоприменителям необходимо в каждом случае разрешать вопрос об их признании компьютерной информацией [19].

Сведения в виде сообщений и данных, ставших объектом преступного посягательства, как минимум, должны представлять собой часть определенных знаний. При более расширительном толковании термина «компьютерная информация» неизбежны судебные ошибки. Тем более, что действующий закон не предусматривает существование единого перечня охраняемой компьютерной информации [20].

Подчеркнём, что проблема разграничения понятий мошенничества и преступлений в сфере компьютерной информации уже ставилась ранее [21]. Одним из более корректных вариантов формулировки, на наш взгляд, может быть «мошенничество, совершённое с использованием компьютерных средств и систем».

Законопроектом также предлагается внести корреспондирующие изменения в статью 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающую ответственность за мелкое хищение путем мошенничества, а также в статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части, касающейся определения формы расследования и подследственности по новым составам преступлений.

Большая часть вводимых норм относится к ответственности за преступные деяния, часто характеризующиеся в юридической ли-

тературе как «финансовое мошенничество» [22], вместе с тем видовой классификация мошеннических деяний в этой сфере в законопроекте вызывает вопросы. Например, профессор О.Г. Карпович выделяет коммерческое мошенничество, банковское, кредитное, страховое, налоговое [23]. Представляется, что дробление или укрупнение составов мошенничества, включая систематизацию предложенного законопроекта, требует дальнейшего обсуждения. Весьма характерно в этой связи и то, что полной поддержки в Верховном Суде РФ законопроект не получил, на пленуме он прошел — 70 голосами «за» при 13 голосах «против».

Санкции в проекте сохраняются прежние, лишь в части третьей статьи 159 УК РФ предлагается увеличить размер штрафа, предусмотренного в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы, и установить его размер аналогично предусмотренному частью третьей статьи 158 УК РФ — до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

Принципиально значимо то, что преступление, предусмотренное частью 4 статьи 159 Уголовного кодекса РФ, по-прежнему наказывается лишением свободы на срок до десяти лет, следовательно, согласно части 4 статьи 15 УК РФ, относится к тяжким преступлениям. Следовательно, «декабрьские (2011 года — Л.Х.) изменения, либерализующие уголовное законодательство, части 4 статьи 159 УК РФ не коснулись».[24]

Причём в материалах к законопроекту специально подчеркивается, что речь не идет о криминализации специальных видов мошенничества, поскольку действующая редакция статьи 159 УК РФ охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Конкретизация же в Уголовном кодексе Российской Федерации составов мошенничества в зависимости от сферы правоот-

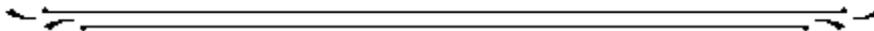
ношений, в которой они совершаются, снизит число ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел о мошенничестве, будет способствовать повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного органами предварительного расследования и судом, более четкому отграничению уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений.

Эти благие намерения должны ещё пройти немалый путь в законодательных органах. Тем не менее, само появление такого предложения о весьма существенной корректировке одной из самых часто применяемых статей УК РФ вновь акцентирует внимание на идее создания нового Уголовного кодекса [25], ибо за последние годы количество поправок к нему растет лавинообразно.

Литература

1. Кирюшкин М.В. Опыт автоматизированного анализа законов о внесении изменений в Уголовный Кодекс РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. – М.: Проспект, 2011. – С. 135-139.
2. <http://www.rg.ru/2012/04/05/pravo-site.html>.
3. Куликов В. Список Остапа Бендера. Высшая судебная инстанция разработала поправки в Уголовный кодекс, детализирующие мошенничеств // Российская газета. 2012. №5749 (76). Обратим внимание, что данная статья размещена и на сайте самого Верховного Суда РФ.
4. Новейший обзор проблем правоприменительной практики в данной сфере. См.: Бакрадзе А.А. Особенности квалификации мошенничеств. – М.: Акад. экон. безопасности МВД России, 2011. – 152 с.
5. Данная правовая норма в последнее время активно обсуждается в правоведаческой литературе. См.: Дорогин Д.А. Спорные вопросы, связанные с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ // Закон и порядок: Материалы II Международной научно-практической конференции (30 мая 2011 г.): Сборник научных трудов. – М., 2011. – С. 110-113; Севрюков А. Проблемы практики применения ст. 158 УК РФ // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 60-63.
6. Заметим, что из текста определения Конституционного Суда РФ от 2 июля 2009 г. №1037-О-О к ведению суда, рассматривающего уголовное дело, относится установление того, подпадают ли под признаки преступления именно «действия, связанные с заключением гражданско-правовых сделок», а не правомерность самих сделок.
7. Маханек А.Б., Слепова Г.В. Собираание доказательств по уголовным делам о мошенничестве в жилищной сфере // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2011. – № 2 (24). – С. 104-107.
8. Последний по времени обзор подобных предложений см.: Дмитриев Д.Б. Мошенничество в сфере обязательного социального страхования. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 104-129.
9. О тенденции роста подобных преступлений см.: Харисов В.А. Обзор становления и развития рынка пластиковых карт и преступлений, связанных с их использованием // Юристы-Правоведы. – 2010. – № 3. – С. 117-120.
10. Русские народные пирамиды // Наши деньги. – 2008. – Апрель.
11. Низовцев А. Противодействие финансовым пирамидам // Законность. – 2009. – № 6. – С. 18-20.
12. См.: Лопатин С.А. Особенности криминалистической характеристики мошенничества в области инвестиционного строительства // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 4 (13). – С. 96-100.
13. Гитинов Р.К. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере автострахования // Российский следователь. – 2011. – № 12. – С. 8-10.
14. Жупник В.В. Виды и классификация преступлений и способов их совершения в сфере имущественного страхования // Следователь. – 2010. – № 6 (146). – С. 2-7.
15. Обзор различных подходов к понятию «компьютерная информация» и к статье 272 в целом см.: Айсанов Р.М. Неправомерный доступ к компьютерной информации. Уголовно-правовой анализ. – М.: Юстицинформ, 2010. – 192 с.; Он же. Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2006. № 3. – С. 140-141; 2007. – № 1. – С. 279-280.

- 16.Александрова И.А., Новиков А.О. Компьютерное мошенничество // Следователь. Федеральное издание. – 2006. – № 1. – С. 2-4.
- 17.Комаров А.А. Причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в контексте компьютерного мошенничества // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 2. – С. 258-260. Дальнейшее развитие его представлений см.: Комаров А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 25 с.
- 18.Бегишев И.Р. О соответствии терминологии статьи 272 УК РФ современному состоянию науки и техники // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: Сборник научных трудов (по материалам VIII международной заочной научно-практической конференции, состоявшейся 6 ноября 2009 г.): в 2-х ч. Ч. 1. – Киров, 2009. – С. 37-40; Сало И.А. О понятии «ЭВМ» применительно к статье 272 УК РФ // Криминалист. – 2011. – № 1 (8). – С. 34-37.
- 19.Евдокимов К.Н. Актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Российский следователь. – 2012. – № 6. – С. 18-21.
- 20.Зигура Н.А., Кудрявцева А.В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 5-29 (раздел: Понятие компьютерной информации, ее носителей).
- 21.Рогова Н.Г. К вопросу о разграничении мошенничества и преступлений в сфере компьютерной информации // Правонарушения и юридическая ответственность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тольятти: ТГУ, 2009. – С. 298-300.
- 22.Подробнее о содержании этого понятия см.: Багаутдинов Ф.Н., Хафизова Л.С. Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 56-125.
- 23.Карпович О.Г. Финансовое мошенничество (преступления в кредитно-финансовой сфере). Научно-практическое пособие. – М.: Юрист, 2010. – С. 123-243.
24. <http://www.rg.ru/2012/01/18/st159-yurist-anons.html>
- 25.Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый УК или новая редакция кодекса? // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 271-274.

М.А. Ефремова,
кандидат юридических наук
доцент кафедры уголовного права и криминологии (УлГУ)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В статье дается характеристика состава преступления, предусмотренного статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, в свете последних изменений законодательства. Приводится критический анализ законодательного определения «компьютерная информация».

После принятия Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году, в который впервые была введена статья, предусматривающая ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), прошел значительный период времени. За это время удалось выявить некоторые ее недостатки и устранить их принятием 7 декабря 2011 Федерального закона №420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон предусматривает новую редакцию ст. 272 УК РФ, кардинально отличающуюся от ранее действующей редакции. В отличие от прежней редакции, содержащей всего две части, новая включает в себя четыре части и примечание, в котором дается определение компьютерной информации.

В научной литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости законодательного закрепления понятия «компьютерная информация» [1, С.65] и вынесении его в примечание к ст. 272 УК РФ [2, С.78; 3, С.41]. Ранее это понятие приходилось трактовать исходя из диспозиции ст.272 УК РФ как «информацию на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети». При этом содержание самого понятия «информация» законодатель в УК РФ не раскрывал. Теперь же примечание к ст.272 УК РФ содержит определение этого понятия, где под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения,

данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Понятие «информации» как «сведений, сообщений, данных, независимо от формы их представления» было введено Федеральным законом от 27.07.2006г. №149-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Развивая положения вышеназванного нормативного правового акта, законодатель указывает, что, будучи представленными в форме электрических сигналов, сведения, сообщения и данные становятся компьютерной информацией. Что же такое электрический сигнал? Согласно теории информации и связи, разработанной Клодом Шенноном [4], сигнал — это материальный носитель информации, используемый для передачи сообщений в системе связи. Сигналы генерируются, и если они принимаются, то становятся сообщениями. Однако их прием вовсе не обязателен. Любую систему передачи информации можно считать состоящей из трех частей: источника сообщений, канала связи и приемного устройства. Между отправителем сообщения и каналом связи могут находиться устройства, преобразующие сообщение в форму, удобную для передачи по каналу связи. По своей физической природе сигналы могут быть электрическими, электромагнитными, акустическими, оптическими и т.д. Вся информация, которую обрабатывает компьютер, должна быть представлена двоичным кодом с помощью двух цифр 0 и 1. С их по-

мощью можно закодировать любое сообщение. Это явилось причиной того, что в электронно-вычислительной машине обязательно должно быть организовано два важных процесса: кодирование (преобразование входной информации в форму, воспринимаемую компьютером, т.е. двоичный код) и декодирование (преобразование данных из двоичного кода в форму, понятную человеку). В вычислительных машинах коды нуля и единицы представляются электрическими сигналами. Наличие сигнала - это признак, который можно обозначить цифрой 1. Отсутствие сигнала обозначается цифрой 0 (существуют также системы, в которых 0 обозначает наличие сигнала, 1 – отсутствие). Вероятно, именно на такой подход ориентировался законодатель при включении термина «электрический сигнал» в рассматриваемое понятие. Теперь законодатель не привязывает компьютерную информацию к машинному носителю, электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети. Таким образом, под защиту уголовного закона попала и та компьютерная информация, которая еще не зафиксирована на каком-либо носителе или устройстве, а находится в процессе передачи. Это должно расширить сферу применения данной статьи. Однако информация, передаваемая по беспроводным и оптическим каналам связи, не будет являться объектом уголовно-правовой охраны т.к. не попадает под определение электрических сигналов при трактовке этого термина с точки зрения физики. В связи с этим использование такого термина, как «электрический сигнал», лишь вводит в заблуждение, и поэтому нуждается в дальнейшем разъяснении или замене более подходящим термином.

Сходной позиции придерживается и Верховный суд Российской Федерации, который в официальном отзыве от 7 апреля 2011 г. N 1/общ-1583 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» отмечает, что предложенный в примечании к ст. 272 УК РФ термин «электрический сигнал» не вносит достаточной ясности в

определение понятия и требует дополнительного пояснения»[5]. В заключении комитета Государственной Думы Российской Федерации по информационной политике, информационным технологиям и связи от 05.07.2011г. «На проект Федерального закона N 559740-5 закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» (к первому чтению)» данная позиция получила развитие. Более того, там указывается, что «понятие компьютерной информации отсутствует в федеральных законах, а в предлагаемой дефиниции неясен смысл термина «электрические сигналы». Представляется необходимым уточнить данную формулировку. Понятие компьютерной информации дается в Соглашении о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (от 1 июня 2001 г.). Согласно пункту б) статьи 1 названного Соглашения компьютерная информация - это информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по каналам связи»[6]. Предложения о заимствовании понятия «компьютерная информация» из этого Соглашения высказывались и ранее [7,С.8]. Ввиду недостаточной ясности термина «электрический сигнал», который используется в настоящее время для раскрытия понятия «компьютерная информация» в примечании к ст. 272 УК РФ, представляется необходимым изменить существующее законодательное «компьютерная информация» и изложить его в следующем виде: «Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в электронно-цифровой форме, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Ч.1 ст. 272 предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной ин-

формации. Доступ можно рассматривать и как состояние (последствие действий), и как процесс (сами действия). Доступ будет являться неправомерным, если лицо не имеет права доступа к компьютерной информации. Уголовной ответственности лицо должно подлежать как в случае неправомерного доступа-состояния, так и в случае неправомерного доступа-процесса. Под уничтожением понимается такой вид воздействия на компьютерную информацию, при котором навсегда теряется возможность ее дальнейшего использования кем бы то ни было. При этом не имеет значения, возможно ли восстановить уничтоженную информацию или нет. Под блокированием следует понимать полную или частичную временную невозможность доступа к компьютерной информации для дальнейшего ее использования. Под модификацией компьютерной информации следует понимать внесение изменений в компьютерную информацию, которые бы существенно отличали ее от изначальной. Под копированием следует понимать воспроизведение или запись охраняемой законом компьютерной информации на носителе, отличном от исходного.

С субъективной стороны деяние характеризуется как прямым, так и косвенным умыслом.

Субъектом преступления, предусмотренного ч.1 ст.272, может быть лицо, достигшее 16 лет.

Ч.2 ст. 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, причинивший крупный ущерб или совершенный из корыстной заинтересованности. В примечании к статье говорится, что крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

Ч.3 ст.272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения.

Особого внимания заслуживает ч.4 ст.272 УК РФ, в соответствии с которой лицо подлежит уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший наступление тяжких последствий или угрозу их наступления.

В настоящее время достаточно трудно найти какую-либо сферу жизни, где бы не использовался компьютер. Легко предположить, какими могут быть последствия от неправомерного доступа к компьютерной информации в жизненно важных областях. Для квалификации деяния как преступления достаточно лишь угрозы наступления таких последствий.

Литература

- 1.Бражник С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: дис. ...канд...юрид. наук.- Ижевск, 2002.
- 2.Карпов. В.С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: дис.... канд. наук.- Красноярск, 2002.
- 3.Зубова М.А. Компьютерная информация как объект уголовно-правовой охраны: дис... канд.юрид. наук.- Казань, 2008.
- 4.Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. — М.: Изд. иностр. лит., 1963.
5. Официальный отзыв Верховного суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. N 1/общ-1583 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=87058>
- 6.Заключение комитета Государственной Думы Российской Федерации по информационной политике, информационным технологиям и связи от 05.07.2011г. «На проект Федерального закона N 559740-5 закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» (к первому чтению)». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=90718>
- 7.Степанов-Егиянц В.Г. Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005.

Н.Р. Шевко,
кандидат экономических наук
(КЮИ МВД России)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются вопросы защиты информационных ресурсов современного общества, а также информационных систем. Раскрыто понятие информационной безопасности, защиты информации, а также виды и методы реализации угроз информационной безопасности, некоторые способы защиты информационных ресурсов.

Развитие общества на современном этапе характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать. Проблема информационной безопасности постоянно усугубляются процессами проникновения практически во все сферы деятельности общества технических средств обработки и передачи данных. Каждый сбой работы компьютерной сети это не только "моральный" ущерб для работников предприятия и сетевых администраторов. По мере развития технологий электронных платежей, "безбумажного" документооборота и других, серьезный сбой локальных сетей может просто парализовать работу целых корпораций и банков, что приведет к ощутимым материальным потерям. Не случайно защита данных в компьютерных сетях ста-

новится одной из самых острых проблем в современном мире.

Словосочетание "информационная безопасность" в разных контекстах может иметь различный смысл. В Доктрине информационной безопасности РФ [1] термин "информационная безопасность" используется в широком смысле. Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Интересы личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина:

- на доступ к информации,
- на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития,
- в защите информации, обеспечивающей личную безопасность.

Интересы общества в информационной сфере заключаются:

- в обеспечении интересов личности в этой сфере,
- упрочении демократии,
- создании правового социального государства,
- достижении и поддержании общественного согласия.

Интересы государства в информационной сфере заключаются:

- в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры,

- в реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности,

- в безусловном обеспечении законности и правопорядка,

- в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

На основе национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности.

Выделяются четыре основные составляющие национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере. Одна из них включает в себя защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России. Информационная безопасность определяется как состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства.

Таким образом, под информационной безопасностью понимается защищенность информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, которые могут нанести неприемлемый ущерб субъектам информационных отношений, в том числе владельцам и пользователям информации и поддерживающей инфраструктуры.

На сегодняшний день сформулировано два базовых принципа информационной безопасности, которая должна обеспечивать:

- целостность данных - защиту от сбоев, ведущих к потере информации, а также

неавторизованного создания или уничтожения данных;

- конфиденциальность информации и одновременно ее доступность для всех авторизованных пользователей.

Защита информации - это комплекс мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности.

Правильный с методологической точки зрения подход к проблемам информационной безопасности начинается с выявления субъектов информационных отношений и интересов этих субъектов, связанных с использованием информационных систем (ИС). Угрозы информационной безопасности - это оборотная сторона использования информационных технологий.

Значение защиты информации в современном информационном обществе трудно переоценить. Новая информационная инфраструктура создает новые опасности для информации.

Успех в области информационной безопасности может принести только комплексный подход, сочетающий меры четырех уровней:

- законодательного;
- административного;
- процедурного;
- программно-технического.

Российские правовые акты в большинстве своем имеют ограничительную направленность. Сами по себе лицензирование и сертификация не обеспечивают безопасности. К тому же в законах не предусмотрена ответственность государственных органов за нарушение ИБ. Реальность такова, что в России в деле обеспечения ИБ на помощь государства рассчитывать не приходится. Одной из мер обеспечения информационной безопасности является криптография.

Все, что связано с криптографией, сложно не столько с технической, сколько с юридической точки зрения. Данный сервис является инфраструктурным, его реализации должны присутствовать на всех аппаратно-программных платформах и удовлетворять жестким требованиям не только к безопасности, но и к производительности. Пока же единственным доступ-

ным выходом является применение свободно распространяемого программного обеспечения.

Надежный контроль целостности также базируется на криптографических методах с аналогичными проблемами и методами их решения. Анализ защищенности - это инструмент поддержки безопасности жизненного цикла. С активным аудитом его роднит необходимость практически непрерывного обновления базы знаний и роль не самого надежного, но необходимого защитного рубежа, на котором можно расположить свободно распространяемый продукт.

Президентом РФ определены меры по обеспечению информационной безопасности РФ при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена [2].

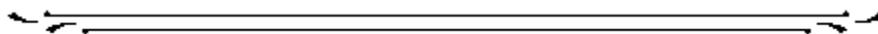
Установлено, что подключение информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей и средств вычислительной техники, применяемых для хранения, обработки или передачи информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, либо информации, обладателями которой являются

государственные органы и которая содержит сведения, составляющие служебную тайну, к информационно-телекоммуникационным сетям, позволяющим осуществлять передачу информации через государственную границу РФ, в том числе к международной компьютерной сети "Интернет", не допускается. Государственные органы в целях защиты общедоступной информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационных сетях международного информационного обмена, могут использовать только средства защиты информации, прошедшие сертификацию в ФСБ РФ и (или) получившие подтверждение соответствия в ФСТЭК РФ.

Следует также отметить, что отдельные сферы деятельности (банковские и финансовые институты, информационные сети, системы государственного управления, оборонные и специальные структуры) требуют специальных мер безопасности данных и предъявляют повышенные требования к надежности функционирования информационных систем в соответствии с характером и важностью решаемых ими задач.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности РФ: утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895// СПС КонсультантПлюс.
2. О мерах по обеспечению информационной безопасности РФ при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена: указ Президента РФ от 17.03.2008 № 351 // СПС КонсультантПлюс.
3. Лимонов И.А. На пути к информационному бизнесу в России // Инновации для малого и среднего бизнеса: Сб. ст. – Владимир: Собор, 2008. – С. 59–63.

И.Д. Гайнов,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С СОДЕРЖАНИЕМ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО ПОД СТРАЖЕЙ, В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье рассматривается правовая модель применения мер процессуального принуждения по законодательству некоторых зарубежных государств, относящихся к романо-германской и англосаксонской правовым семьям

В современном мире существует множество национальных правовых систем, отличающихся друг от друга по ряду параметров. Это и понятно, ибо каждое суверенное государство имеет свою «национальную» систему права, отражающую историю, традиции, духовные ценности страны, ее экономический и политический строй, социальную базу и т. д. [1]

При всем том, что национальная правовая система каждой страны имеет неповторимые особенности, исторически сложилось несколько групп, «семей» правовых систем современности: а) англосаксонская; б) романо-германская; в) семья религиозно-традиционных правовых систем [2].

Считаем необходимым подвергнуть сравнительно-правовому анализу уголовно-процессуальное законодательство представителей двух правовых семей: а) англосаксонской (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии [3], Соединенные Штаты Америки [4]); б) романо-германской (Французская Республика [5], Федеративная Республика Германия [6]).

Меры уголовно-процессуального принуждения в Великобритании применяются в ходе полицейского расследования. Под ним понимается этап досудебного производства, в ходе которого полиция, получив информацию о совершенном преступлении, предпринимает действия, направленные

на установление лица, его совершившего, соби́рание против данного лица обвинительных доказательств. Полицейское расследование, не поглощая полностью досудебное производство, представляет собой тем не менее наиболее существенную его часть. [7]

Применение мер уголовно-процессуального принуждения в рассматриваемой стадии возможно как на основании судебного решения, так и по инициативе органа, производящего расследование. По общему правилу полиция без получения предварительного приказа судьи вправе применять по делам об «арестных» [8] преступлениях только кратковременное задержание подозреваемого. Однако это ограничение нивелируется ст. 25 Закона о полиции и уголовных доказательствах 1984 г., который ввел в английский уголовный процесс понятие «общих условий ареста». В соответствии с данным Законом полиция может арестовать какое-либо лицо без приказа судьи по делам и о «неарестных» преступлениях при наличии следующих условий: а) неизвестно имя или адрес подозреваемого либо есть сомнения в том, что он назвал свои истинные имя или адрес; б) есть основания полагать, что арест необходим для предотвращения физического воздействия на людей или собственность со стороны подозреваемого; в) есть основания полагать, что арест предотвратит физическое воздействие на самого подозреваемого

мого; г) арест необходим для предупреждения повторного совершения преступления подозреваемым; д) необходимо защитить ребенка или иное беспомощное лицо от действий подозреваемого. [9]

Первоначально продолжительность ареста не должна превышать 24 часа, причем для большинства преступлений это максимально возможный срок. Однако по делам о «серьезных арестных преступлениях», перечень которых определяется ст. 116 названного Закона в редакции, дополнившей эту статью Закона об уголовной юстиции и полиции 2001 г. (например, убийство, насилие, иные преступные деяния, могущие причинить значительный ущерб государству или общественному порядку либо повлечь чью-то смерть или тяжкие телесные повреждения), полицейский в чине инспектора [10] вправе продлить срок до 36 часов. Дальнейшее его продление допускается лишь по решению магистратского суда, в который должен быть доставлен арестованный (задержанный).

При первом рассмотрении вопроса суд вправе продлить арест (задержание) до 72-х часов и затем еще раз – до 96 часов. Это предельный срок полицейского ареста, до завершения которого полиция обязана сформулировать обвинение в документе, именуемом «информацией», и представить его в суд либо освободить арестованного [11].

Порядок составления и направления в суд информации регулируется Законом о магистратских судах 1980 г. и Правилами производства в магистратских судах 1981 г. [12] Информация адресуется полицией в магистратский суд, рассматривающий вопрос о наличии или отсутствии оснований для выдачи соответствующего приказа. При положительном для полиции решении вопроса она получает право совершить действие или применить меру, указанную в выданном магистратским судом приказе. Исполнение судебных приказов о применении мер уголовно-процессуального принуждения не является исключительной прерогативой полиции. В соответствии с Законом о доступе к правосудию 1999 г.,

исполнение приказов относится также к компетенции специальных судебных приставов, которые состоят на «гражданской службе». [13]

Таким образом, полиция может предпринимать только то, что ей прямо дозволено законом или иными нормативными актами. В тех случаях, когда полиции необходимо выйти за пределы предоставленных ей полномочий, она обязана обратиться в суд с просьбой о выдаче судебного приказа – процессуального акта, позволяющего совершить определенное действие. [14]

На этапе полицейского расследования практически наиболее распространенными являются приказ об обыске и приказ об аресте. Арест по приказу суда – это долговременная мера пресечения, что отличает данный вид ареста от кратковременного полицейского ареста (задержания). Срок ареста с момента окончания полицейского задержания и до начала рассмотрения магистратами вопроса о предании Суду короны (по делам суммарного производства – до начала слушания магистратами дела по существу) не может превышать 70 дней. По делам о преступлениях, преследуемых с обвинительным актом, существует еще один предельный срок ареста – 112 дней с момента предания суду и до начала судебного разбирательства. При этом судебный приказ об аресте не может быть выдан сразу на весь указанный срок: он выдается не более чем на 8 дней, после чего магистраты решают вопрос о продлении ареста (снова не более чем на 8 дней и так до истечения предельного срока ареста).

Юридическая природа английских принудительных мер, направленных на содержание подозреваемого или обвиняемого под стражей в ходе досудебного производства (полицейский арест и арест по судебному приказу), не может быть правильно понята без учета их неразрывной связи с одним из ключевых институтов уголовного судопроизводства Англии – институтом bail. [15]

В Великобритании любое оставление на свободе лица, в отношении которого есть

основания для ареста, трактуется как применение института bail. В рамках этого института различаются «безусловный (unconditional) bail», когда полиция или суд оставляют лицо на свободе без каких-либо дополнительных условий, и «условный (conditional) bail», когда отказ от применения реального ареста сопряжен с определенными условиями. Условия могут быть «позитивными» (внести залог, представить поручительство) или «негативными» (не совершать какие-либо действия, не выезжать за пределы определенной территории и т.д.). [16]

Решение о применении bail могут принимать и суд [17], и полиция (при полицейском аресте без судебного приказа), которые и определяют конкретные условия освобождения. Причем суд, выдавая полиции приказ об аресте, в случае когда лицо еще фактически не задержано, вправе заранее оговорить условия немедленного освобождения этого лица. В такой ситуации полиция, исполняя приказ об аресте, т.е. фактически арестовывая лицо, немедленно предлагает ему выполнить все указанные в приказе условия, что влечет автоматическое освобождение арестовываемого. Это тот случай, когда, по выражению английских юристов, «судебный приказ об аресте опирается на условное освобождение (bail)».

Остается добавить, что Закон об уголовной юстиции и полиции 2001 г. дополнил Закон о bail 1976 г. специальным разделом «Об электронном мониторинге за соблюдением условий освобождения из-под стражи (Electronic monitoring of compliance with bail conditions)». Теперь это новое техническое средство контроля за поведением лица, освобожденного из-под стражи на основании определенных условий, может применяться в указанных в Законе случаях. К ним, в частности, относятся дела о преступлениях несовершеннолетних, а также дела о некоторых опасных преступлениях. [18]

Таким образом, в английском праве в силу особенностей исторического развития института мер уголовно-процессуального принуждения не проводится достаточно

чёткого разграничения мер пресечения и других мер процессуального принуждения. В частности, не разграничиваются полицейский арест (задержание) и предварительное заключение под стражу. Однако надо отметить, что практически все меры уголовно-процессуального принуждения, затрагивающие наиболее существенные права граждан, осуществляются под судебным контролем.

В США для производства ареста полиция, собрав необходимые факты, должна обратиться в суд и возбудить соответствующее ходатайство о выдаче приказа. Этого требуют одна из поправок к Конституции США и конституции штатов, другие законы, принятые как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Однако для данного правила, как и для многих других уголовно-процессуальных правил, установлены некоторые изъятия. К примеру, в случаях, не терпящих отлагательства, допускается арест без судебного приказа, но при соблюдении требования о представлении арестованного в суд «настолько быстро, насколько это возможно» для проверки законности ареста. [19]

По делам о менее опасных преступлениях арестованный может быть отпущен под письменное обязательство о явке по вызовам, под залог [20] или обещание, что он вышлет по почте согласованную сумму денежного залога и будет являться вовремя по вызовам суда или должностного лица, производящего предварительное расследование.

Вопрос об избрании меры пресечения или ее изменении решается в ходе предварительного рассмотрения дела в суде (preliminary examination). Этапом предварительного рассмотрения является «первое появление» (the first appearance). На данном этапе в суде обычно решается и комплекс вопросов, связанных с избранием меры пресечения или ее корректировкой, если она уже была избрана полицией. В случаях когда речь идет об опасных преступлениях, к данному моменту обвиняемый, как правило, находится под стражей, хотя иногда его могут освободить под залог и в полиции [21].

На рассматриваемом этапе судопроизводства возможно избрание одной из трех мер пресечения – *ареста, залога (bail) или личного*

обязательства (personal recognizance). *Арест* в большинстве случаев сохраняется или назначается, когда есть основания считать, что обвиняемый может скрыться, помешать правосудию либо «представлять опасность для окружающих». Если арест уже был произведен, то решение о сохранении такой меры пресечения оформляется путем прямого отказа в освобождении под *залог* или путем назначения залога в таком размере, который заведомо недоступен обвиняемому (предельная сумма залога не ограничивается). Невнесение суммы залога или какого-то гарантийного документа на депозит суда во многих случаях расценивается как основание для водворения подозреваемого под стражу без выяснения причин. [22]

Освобождение из-под стражи под личное обязательство может быть обусловлено не только требованием явки по вызовам, но и рядом других требований, которые должны соблюдаться освобожденным (например, не выходить в ночное время из дома, регулярно отмечаться в полиции или других органах, не вступать в контакты с потерпевшим, не употреблять спиртное и наркотики). Круг и содержание подобных ограничений практически не ограничивается. Их определение поставлено в прямую зависимость на усмотрение судьи или иного должностного лица, уполномоченного принимать решения на данном этапе судопроизводства.

Во Франции временное заключение под стражу (до 1970 г. оно именовалось «предварительным заключением») применяется только по делам о преступлениях, а также по делам о проступках, предусматривающих наказание в виде не менее чем трех лет тюремного заключения. Основанием для принятия решения о временном заключении является наличие данных, свидетельствующих об одном из следующих обстоятельств: 1) эта мера служит единственным средством для сохранения доказательств по делу или для воспрепятствования давлению на свидетелей либо потерпевших, также сговору между соучастниками; 2) эта мера необходима для защиты лица, привлеченного к рассмотрению, или для предотвращения совершения преступлений либо их возобновления или для обеспечения пребывания указанного лица в распоряжении правосудия; 3) эта мера является единственным средством для того, чтобы устранить вред общественному порядку, причиненный преступлением в силу его тяжести, в силу особых обстоятельств его совершения или в силу значи-

тельности причиненного ущерба (ст. 144 УПК в редакции Законов от 30 декабря 1996 г. и от 15 июня 2000 г.).

Решение о заключении под стражу принимает судья по свободам и заключению, который выносит мотивированное постановление. Он рассматривает данный вопрос исключительно по инициативе следственного судьи, считающего, что к тому есть основания. [23] При этом проводятся так называемые «состязательные прения», т.е. судья по свободам и заключению должен пригласить к себе прокурора, обвиняемого и защитника (если он участвует в деле по желанию обвиняемого) и заслушать их мнение по данному вопросу (защита выступает последней). [24]

Предельный срок заключения под стражу по делам о преступлениях составляет два года, если наказание не превышает 20 лет тюремного заключения, и 3 года, если превышает. В то же время данный срок увеличивается соответственно до 3-х и 4-х лет, если деяние или эпизод деяния имели место за пределами Франции. Кроме того, предельный срок заключения в любом случае составляет 4 года по некоторым категориям опасных преступлений (например, терроризм или торговля наркотиками). [25]

По делам о проступках первоначальный срок временного заключения не может превысить 4-х месяцев. Условия продления этого срока достаточно сложны и зависят от множества факторов. При самых неблагоприятных для заключенного под стражу обстоятельствах общий срок заключения по делу о проступке не может превысить одного года или двух лет, если он совершен за пределами Франции или если он относится к категории опасных проступков, связанных, например, с теми же наркотиками или терроризмом.

Решение о заключении под стражу и решение о продлении [26] его срока (его также принимает судья по свободам и заключению) могут быть обжалованы в следственную камеру апелляционного суда, причем жалоба (апелляция) должна быть подана не позднее, чем на следую-

щий день после принятия соответствующего решения. [27]

В ФРГ неограниченное право применения всех мер уголовно-процессуального принуждения, предусмотренных законом, принадлежит судье. Прокуратура, а также ее вспомогательные чиновники (определенная категория чиновников криминальной полиции, например, инспектор полиции) также вправе применить конкретные меры уголовно-процессуального принуждения, в частности, произвести задержание, но только в случае неотложности действий с последующим судебским подтверждением. Решение о задержании теряет силу, если такого судебного подтверждения не последовало. Что касается полиции, то ее сотрудники вправе в случае неотложности действий только задержать подозреваемого при наличии оснований для заключения под стражу. Наконец, любой гражданин вправе задержать лицо, если оно застигнуто на месте совершения преступления, или преследуется, или подозревается в побеге, или не может немедленно удостоверить свою личность. При этом следует иметь в виду, что независимо от того, кто произвел задержание, на основании § 128 УПК ФРГ задержанный не позднее следующего дня должен быть доставлен к участковому судье, в районе которого задержан, для допроса судьей. Если судья считает задержание неоправданным или считает, что отпали основания задержания, то предписывает его освобождение. В противном случае, по ходатайству прокурора или по собственной инициативе, он издает приказ об аресте.

Наиболее строгой мерой уголовно-процессуального принуждения является заключение обвиняемого под стражу или следственный арест. Согласно § 112 УПК ФРГ, данная мера применяется, если обвиняемый подозревается в совершении преступления и имеются основания ареста. Арест не применяется, когда он несоразмерен значению дела или ожидаемому наказанию. Наличие оснований признается тогда, когда определенные фактические данные свидетельствуют, что обвиняемый сбежал или скрывается, или существует

опасность его уклонения от явки к следствию и в суд, или поведение обвиняемого вызывает серьезное подозрение в том, что он уничтожит, изменит, сфальсифицирует доказательства, недобросовестным образом повлияет на свидетелей, экспертов, побудит других к подобному поведению и поэтому создаст угрозу установлению истины по делу. Кроме того, обвиняемый может быть заключен под стражу и при отсутствии названных оснований, но лишь, как указывается в § 112а УПК ФРГ, в связи с подозрением в совершении определенного тяжкого преступления или в связи с опасностью повторного совершения преступлений такого рода. [28]

Регулируя порядок заключения обвиняемого под стражу, УПК ФРГ предусматривает, что оно производится на основании письменного приказа судьи об аресте (§ 114 УПК). С приказом должен быть ознакомлен обвиняемый. О его аресте направляется сообщение родственникам.

Если обвиняемый арестован не на основании судебного приказа, то в соответствии с § 115 УПК ФРГ он должен быть немедленно доставлен к компетентному судье и не позднее следующего дня допрошен о предмете подозрения.

Судья также вправе, на основании § 116 УПК ФРГ, отсрочить исполнение приказа об аресте, который издан в связи с опасностью побега или опасностью воспрепятствования установлению истины по делу, если менее строгие меры могут обеспечить достижение цели ареста.

УПК ФРГ (§ 121) устанавливает шестимесячный срок содержания под стражей. Он может быть продлен, если особые трудности или особый объем расследования дела или другое важное основание еще не позволяют вынести по делу приговор, и продление срока ареста является оправданным. Согласно § 122 УПК ФРГ, в случае необходимости продления срока содержания под стражей компетентный суд направляет материалы уголовного дела через прокуратуру в высший земельный суд, который вправе решить этот вопрос в порядке устного судебного разбирательства с вызовом заинтересованных лиц.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Дифференциация механизма реализации мер уголовно-процессуального принуждения, связанных с содержанием подозреваемого, обвиняемого под стражей, в законодательстве зарубежных государств обусловлена существованием в обществе прогрессивных идей о единстве системы защиты прав человека на основе международно-правовых стандартов правосудия, а

также наличием различных процессуальных процедур, обеспечивающих эффективное достижение назначения уголовного судопроизводства.

2. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения, связанных с содержанием подозреваемого, обвиняемого под стражей, в зарубежных государствах (Великобритании, США, Франции и ФРГ) находится в гораздо большей зависимости от механизма судебного контроля

Литература

1. См.: Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. к.ю.н. Н.Х. Сафиуллина. - Казань: КЮИ МВД России, 2002. - С. 119.
2. Там же.
3. Далее – Великобритания.
4. Далее – США.
5. Далее – Франция.
6. Далее – ФРГ.
7. См.: Гуценко К.Ф., Головкин, Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. - М., 2003. - С. 47.
8. При характеристике английских правил ареста важно иметь в виду, что Законом об уголовном праве 1967г. введено деление всех преступлений на «арестные» (преступления, предусматривающие наказание в виде пяти и более лет тюремного заключения, а также некоторые иные преступления, за совершение которых закон определяет строго фиксированный размер наказания) и «неарестные» (все остальные преступления). В настоящее время список «арестных» преступлений существенно расширен Законом об уголовной юстиции и полиции 2001 г.
9. См.: Гуценко К.Ф. Указ. раб. - С. 48.
10. До Закона об уголовной юстиции и полиции 2001 г. эти функции выполнял полицейский более высокого уровня (в чине суперинтенданта). Теперь его полномочия перешли к инспекторам полиции, которые вправе осуществлять свои контрольные полномочия с использованием телефонной или видео-конференцсвязи (ст. 73 закона 2001 г.).
11. Особые сроки полицейского ареста применяются по делам о преступлениях террористического характера: по истечении 48 часов срок ареста может быть продлен министром внутренних дел до 7 суток, после чего лицо должно быть отпущено на свободу или обвинено и доставлено к судье.
12. См.: Апарова Т.В. Суды и судебный процесс в Великобритании. - М., 1996. - С. 41.
13. См.: Гуценко К.Ф. Указ. раб. - М., 2003. - С. 49.
14. См.: Жога Е.Ю. Арест как мера пресечения в уголовном процессе и судебная проверка его законности и обоснованности: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - С. 86.
15. См.: Гуценко К.Ф. Указ. раб. - С. 50.
16. О современном английском подходе к институту bail и о его разновидностях см. подробнее: Ashworth A. The criminal process. An evaluative study. - Oxford, 1994. - P. 201-202.
17. Согласно ст. 129 Закона об уголовной юстиции и полиции 2001 г., внесшего соответствующие изменения в Закон 1976 г., суд обязан мотивировать как решение о применении bail, так и решение об отказе в его применении.
18. См.: Гуценко К.Ф. Указ. раб. - С. 50.

19. См.: Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США. - М., 1998. – С. 43.

20. Необходимо отметить, что в практике уголовного судопроизводства США широко распространен залог как мера пресечения. Возможность внесения залога и его сумма также обсуждаются в стадии предварительного слушания дела.

21. См.: Пешков М.А. Указ. раб. - С. 43.

22. См.: Гольцов А.Т. Арест в уголовном судопроизводстве США // СПС Консультант плюс.

23. Если инициатором временного заключения выступает прокурор, то он обязан обратиться с соответствующим ходатайством к следственному судье. Прямое его обращение к судье по свободам и заключению исключено. Следственный судья вправе, не вынося даже постановления, отказать прокурору в передаче вопроса на рассмотрение судьи по свободам и заключению (ст. 137-5 УПК).

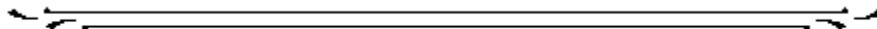
24. Закон от 15 ноября 2001 г. предусмотрел интересное новшество: судья по свободам и заключению вправе предписать, что заключение под стражу должно исполняться не «реально», а в форме «электронного наблюдения». Согласно Декрету от 3 апреля 2002 г., конкретизирующему положения Закона, обвиняемый, остающийся на свободе, носит специальный браслет, который передает сигналы в соответствующий электронный полицейский центр, где постоянно идентифицируется его место нахождения. Снятие браслета вызывает сигнал тревоги.

25. См.: Гуценко К.Ф. Указ. раб. - С. 58.

26. См.: Боботов С.В. Указ. раб. - С. 23.

27. См.: Гуценко К.Ф. Указ. раб. - С. 59.

28. См.: Боботов С.В. Указ. раб. - С. 25.

Г.А. Рукавишников,
кандидат юридических наук
(Центр профессиональной подготовки
МВД по Чувашской Республике)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АНОНИМНОЙ ПОМОЩИ ГРАЖДАН ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье рассмотрены некоторые аспекты использования анонимной помощи граждан правоохранительными органами зарубежных государств (Великобритании, Канады, США, ФРГ и др.) в борьбе с преступностью. Отражены вопросы получения и реализации анонимных сведений, а также порядок выплаты вознаграждения за информацию, способствовавшую раскрытию преступлений. На основе изучения положительного опыта иностранных государств по работе с анонимными источниками информации, сформулировано положение о возможности его использования органами внутренних дел Российской Федерации.

Важность и необходимость использования лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел (далее – ОВД), для решения задач по борьбе с преступностью не вызывает сомнений. Однако эффективность применения института содействия в целом и отдельных его видов (в частности, анонимного содействия) оставляет желать лучшего. Во многом это определяется несовершенством нормативного правового регулирования в названной сфере. Так, согласно опросам, лишь 12,2% респондентов удовлетворены положениями нормативных правовых актов, регламентирующих использование анонимного содействия граждан в борьбе с преступностью[1].

В процессе поиска оптимальных путей возможного изменения российского законодательства, регламентирующего содействие граждан ОВД, целесообразно обратиться к опыту полиции зарубежных государств[2]. Во многих зарубежных странах, например в США[3], Канаде[4], Японии, ФРГ[5], Швеции[6], Китае и других государствах[7] для борьбы с преступностью успешно используется информация, полученная от населения, в том числе в виде анонимных сообщений. Например, в

США[8], Аргентине[9], Великобритании и Венгрии анонимные источники хорошо зарекомендовали себя для борьбы с коррупцией. Для доносчиков создаются благоприятные условия, включая специальные каналы отправления сообщений[10].

В ФРГ в 2005 г. в 10% случаях предварительное расследование коррупционных преступлений базировалось на анонимных заявлениях граждан. В целях получения информации о коррупции и минимизирования возможности повергнуться угрозам источнику такой информации была разработана информационная система Business-Keeper-Monitoring-System (BKMS® System), через которую информатор в полностью анонимном режиме может направить сообщение в правоохранительные органы. Особенностью системы является возможность анонимного диалога между лицом, предоставляющим сведения, и исполнителем, в течение всего времени проведения дознания. Передача информации, также как и систематическая обработка данных, происходит через Интернет в режиме «on-line». Информатору гарантируется удаление сведений, обнаруживающих его авторство. Система BKMS® в данном

случае совершенно отличается от Mailing-системы, поскольку ни IP-адрес, ни время не сохраняются; таким образом, определение лица, предоставившего информацию, невозможно.

Всего с использованием этой системы в 2006 г. поступило 918 сообщений, из которых, по предварительной оценке, 359 можно ранжировать как имеющие уголовно-правовой характер. В 164 случаях были инициированы прокурорские расследования. Сообщения касались коррупции, а также мошенничества, в том числе с дотациями; злоупотребления доверием; преступлений, связанных с проведением конкурсов; нелегальной деятельностью и прочих экономических преступлений. Достоинством системы является возможность постановки встречных вопросов. В таком режиме происходило общение с 314 информаторами, поскольку они создали свои анонимные почтовые ящики. Это говорит о высоком уровне признания и доверия к системе и к обещанной анонимности[11].

В США насчитывается около 600 различных программ взаимодействия правоохранительных органов с населением, в том числе в целях раскрытия преступлений. Лица, обладающие какой-либо информацией о преступлении, могут сообщить ее в полицию анонимно по телефону. Такая форма взаимодействия помогает раскрывать преступления, которые «не поддаются расследованию обычными способами» [12]. Так, в Вашингтоне, благодаря такому содействию, за достаточно короткий срок было раскрыто 537 преступлений, возвращено похищенного имущества на сумму 2,8 млн долларов, конфисковано наркотиков на 8,7 млн долларов[13].

В США, Канаде и Австралии свидетели преступлений могут по телефону анонимно обратиться в полицию в рамках программ «Crime-Stoppers» («Борцы с преступностью»), не опасаясь мести со стороны преступников или обвинений в клевете. В случае успеха вознаграждение колеблется от 500 до 20000 шиллингов. Более 58 тыс. уголовно наказуемых деяний были раскрыты с помощью таких сообщений, установлены 114 тыс. преступников, 113

тыс. из них были осуждены. Полиция конфисковала награбленное в общей сложности на 10 млрд. шиллингов и наркотики на сумму 25 млрд шиллингов. Объединения «Crime-Stoppers» выплатили 400 млн. шиллингов в качестве вознаграждения. В то же время более 98% лиц, предоставивших сведения, отказались от денег [14].

Каждый, кто направляет информацию, получает цифровой код, назвав который спустя неделю, может узнать, был ли достигнут успех благодаря его информации, и причитается ли ему вознаграждение. Объединение «Crime-Stoppers» определяет его размер. Выплата происходит при соблюдении анонимности свидетеля, часто наличными. Нередко для обеспечения конфиденциальности информатора открываются анонимные счета. На Ямайке пакеты с деньгами выбрасываются на ходу из автомобиля в заранее оговоренных местах[15].

В Великобритании эта программа действует с 1992 г. и успешно применяется для борьбы с незаконным оборотом наркотиков[16]. В 1996 году правительство этой страны провело рекламную кампанию под девизом: «Знаете какого-нибудь обманщика? Подскажите о нем по телефону». В результате в пяти областях, где она апробировалась, телефонные операторы зарегистрировали более 13 тыс. «крайне полезных конфиденциальных сообщений», позволивших спасти свыше 1 млн фунтов стерлингов[17].

На Филиппинах также есть свои «секреты» работы с анонимными информаторами, сообщающими, как правило, о налоговых махинациях, получающими это вознаграждение, которое может составить до 1 млн песо (18,3 тыс. долларов США) или 10 процентов от общей суммы недоимки вместе с пенями и штрафами. Расплачиваются с подобными информаторами только после того, как суд вынесет соответствующее решение и соберет полагающиеся налоги[18].

В США за оказание помощи полиции, в том числе на анонимной основе, население рассчитывает на получение вознаграждения, которое зависит от ценности пред-

ставляемой информации и раскрытого преступления. Лицам, сообщившим сведения о преступлении, гарантируется полная анонимность. Во время первого же телефонного контакта им присваивается определенный кодовый номер, которым пользуются и при дальнейшем общении с этими гражданами. Если полученные сведения оказались полезными для полиции (содействовали аресту, осуждению, возвращению похищенного имущества, розыску пропавшего лица и т.п.), при очередном телефонном разговоре с гражданином оговаривается сумма вознаграждения, а также способ и место его передачи. Для получения вознаграждения информатор заинтересован в успешном завершении расследования. Это является стимулом к постоянным контактам с полицией, в процессе которых не только уточняются первоначальные сведения, но и выявляются дополнительные подробности. Выплата вознаграждения обычно осуществляется через банк или какое-то торговое предприятие, где, назвав свой кодовый номер и сумму вознаграждения, информатор получает конверт с деньгами. Передача вознаграждения может происходить также в заранее обусловленном месте. Полиция к выплате денег не имеет никакого отношения. Сбор денег, контроль за фондом вознаграждений, определение суммы и способа выплаты осуществляет специальная общественная организация - Совет директоров, избираемый из числа наиболее уважаемых граждан. Совет состоит из 25 человек: 13-ти бизнесменов, трех юристов, двух представителей печати, служащего телевидения, священника, учителя и четырех частных лиц.

Средства в фонд вознаграждений поступают из самых разных источников: от частных лиц, предприятий, религиозных и финансовых организаций и т.п. Совет директоров совместно с полицией осуществ-

ляет также общее руководство программой и занимается ее популяризацией. Все члены Совета работают, как правило, на общественных началах. Такая система отношений населения и правоохранительных органов показала свою эффективность. Так, уже в течение первого года действия программы было раскрыто 24,8% преступлений[19]. В период с 1976 по 1986 гг. было найдено и возвращено собственности и наркотиков на сумму более 600 млн. долларов, а аресты, проведенные на основе сведений, полученных по телефону, в 95% случаев привели к обвинительному приговору[20]. Такие же меры применяются в Канаде[21].

Получение правоохранительными органами анонимной информации от населения по телефону и иным способом, а также выплата вознаграждения в случае ее реализации, на наш взгляд, внешне напоминает использование в целях борьбы с преступностью «телефонов доверия», «горячих линий» и т.д., применяемых ОВД нашей страны. Однако финансовое обеспечение этого направления деятельности значительно ниже по сравнению с зарубежными стандартами и не отвечает современным требованиям, что во многом определяет невысокую активность и слабую заинтересованность анонимных источников в передаче информации ОВД. Такое положение существенно влияет на эффективность деятельности оперативных подразделений ОВД по борьбе с преступностью.

Представляется, что в организации эффективного использования анонимного содействия нам не нужно «изобретать велосипед». Необходимо обратиться к богатому зарубежному опыту, адаптировав его к современным российским реалиям и значительно увеличив финансирование указанного направления деятельности.

Литература

1. Здесь указаны результаты исследования, проведенного нами в регионах Приволжского федерального округа (Республик Чувашия, Марий Эл, Мордовия, Нижегородская и Ульяновская области и др.). Всего опрошен 321 оперативный сотрудник и руководитель оперативных подразделений ОВД (УР, БЭП, БОП и НП) на различных уровнях: ГРОВД; МВД, ГУВД, УВД по субъектам РФ.

2. Пантюхин К.Ю. Опыт полиции зарубежных государств по привлечению граждан к борьбе с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы IV Международной науч.- практич. конференции. – Барнаул: ЮИ МВД РФ, 2006. - С. 57-59.
3. Поздняков А.Н. К вопросу о социальной роли граждан, привлекаемых к содействию органами внутренних дел в качестве агентов // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. статей. – М.: Академия управления МВД России, 2007. – С. 12, 13.
4. Якубович Н.А., Валицкая В.И. Формы деятельности буржуазной полиции по предупреждению преступлений. - М., 1977.- С. 167 - 169.
5. Зарубежный опыт организации борьбы с организованной преступностью и коррупцией: аналитический обзор. – М.: ДБОПиТ МВД России, 2005.
6. Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. - М., 2005. - С. 313.
7. Напр.: В Сирии анонимное содействие также широко используется для борьбы с преступностью. Так, анонимный звонок помог задержать женщину, подозреваемую в убийстве бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири (см.: Юрьева Д. Бразилия взяла сирийский след // Российская газета. - 2006. - 15 марта). Во Вьетнаме в 1994 г. создана специальная следственная группа (EGV) для получения и использования анонимной и иной информации в целях борьбы с вымогательствами, нелегальной торговлей сигаретами и другими преступными махинациями (см.: Kriminalistik. - 1999. - № 3. - P. 183-191).
8. Барсук К.В. О положительном опыте полиции (милиции) в работе с населением с целью поддержания своего имиджа // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в условиях конституционного развития Российской Федерации: материалы межвузовского науч. семинара (Москва, 26 апреля 2004 г.). – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 245-249.
9. Биджиева Э.А., Воробьев И.А., Жмыхов А.А. и др. Полиция и борьба с преступностью за рубежом: сб. аналитических мат-лов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. - С. 35.
10. Моднов И.С., Васина Е.С., Шинкаренко Н.И., Шурыгин П.А. Борьба с коррупцией в полицейских ведомствах Европы и США. - М., 2005. - С. 31-35.
11. Линднер Вольфганг (ФРГ). Коррупция - получение информации органами полиции («Deutsches Polizeiblatt». – 2006. - № 5. - С. 6-20) // Переводы материалов о практике деятельности правоохранительных органов зарубежных стран. Вып. 40. – М.: ГИАЦ МВД РФ, 2007. – С. 27.
12. Козловский А.Б. Участие общественности в борьбе с правонарушениями: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1998. - С. 89-90.
13. Стефанович С.С., Смирнов В.А. Состояние и меры противодействия преступности в крупных городах зарубежных государств // Криминологические проблемы борьбы с преступностью в сверхкрупном городе. - М., 1994. - С. 101.
14. Ермолович Г.П. Привлечение населения к правоприменительной деятельности полиции США: дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 1992. - С. 128.
15. Бреннер Герхард (Австрия). Позвони и получи деньги («Öffentliche Sicherheit», 1997. - № 12. – С. 24) // Переводы материалов о практике деятельности правоохранительных органов зарубежных стран. Вып. 10. – М.: ГИЦ МВД РФ, 1999. – С. 17.
16. Хедвиг Риш. Экономическая преступность и коррупция // Деятельность правоохранительных органов (отечественный и зарубежный опыт): сб. материалов. – М.: Академия управления МВД России, 2005. – С. 42.
17. Емельянов В. Агент под кличкой «Кармен» // Налоговая полиция. - 1997. - № 10. - С. 15.
18. Что нового за границей // Расчет. - 2005. - № 5. - С. 19.
19. Police Chief. – 1984. - № 4. – P. 35-41.
20. Смирнов М.П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран. - М., 2002. - С. 335, 435, 437, 458 и др.
21. С их помощью в 1989 г. предъявлено обвинения 1402 лицам, совершившим различные преступления, возвращено похищенного имущества на сумму более 1 млн. долларов (см.: Филиппов А.Г. Использование помощи общественности и граждан в борьбе с организованной преступностью // Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. – М., 1993. - С. 56).

Ф.Ф. Фаткуллин,

кандидат философских наук, доцент

(КЮИ МВД России)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗЛОЖЕНИИ НОРМЫ ПРАВА В НОРМАТИВНОМ ПРАВОВОМ АКТЕ

В статье рассматриваются теоретико-методологические и юридико-практические вопросы вариативности изложения нормы права в тексте нормативного правового акта.

Форма и содержание - две категории, не существующие никогда отдельно одна от другой.

Г.Флобер

Постановка заявленной проблемы вызвана не тождественностью внутренней и внешней форм права. Заметим, что затрагиваемый вопрос имеет далеко не только теоретико-научный интерес, но, прежде всего, глубокую юридико-практическую направленность. Любое лицо, намереваясь для себя определить правовую картину того, или иного лежащего в сфере правового регулирования явления, обращается к тексту нормативного правового акта (иного источника права), содержащего соответствующую норму права. Но организация текста нормативного правового акта имеет свою логику построения, отличную от структурообразующих доминантов нормы права. Норма права, как исходная целостность системы права, со своей закономерной структуризацией ее элементов, зачастую оказывается не очевидной в своей текстуально-нормативной форме бытия (изложении).

Прежде чем пытаться прояснить заявленную проблематику, сразу же оговоримся, что рассматриваемый вопрос носит интегративный характер, затрагивает целый массив юридико-теоретических проблем. К ним можно отнести комплекс сюжетов, раскрывающих понимание и структуру метода общего (нормативного) правового регулирования; проблематику соотношения системы права и системы законодательства; систематизацию права; понимание самой нормы права с ее внутренним строением (структурой); толкование нормы права как специфической юридической деятельности; ряд аспектов быстро заявляющей о себе в послед-

нее время в правовом мышлении науки и дисциплины - «юридическая техника»; целый ряд сопряженных с заявленной проблематикой научных утверждений иных гуманитарных наук – от философии до филологии. Учитывая, что каждая из означенных сфер теоретического познания в свою очередь имеет определенные научные школы, свой понятийный и исследовательский аппарат, базовые исходные положения, то изложение нашего вопроса предполагает порой тезисное обозначение подобного рода научных исходных представлений по названным вопросам, так как в объеме статьи не представляется возможным подробный и аргументированный их анализ.

В этой связи представляется необходимым напомнить, что норма права, как явление внутренней формы права, являет собой исходную целостность в общей системе национального права. Сама норма права структурирована как объективными, так и субъективными факторами. Однако отдельные структурные составляющие нормы права (такие ее атрибутивные компоненты как диспозиция и санкция, ряд альтернативных элементов: гипотеза, указания на субъектный состав и цель правового регулирования конкретного рода общественных отношений) в своем расчлененном (обособленном) состоянии, не обладая общесистемными свойствами, не способны реализовать функции нормы права как органической исходной целостности последнего.

Само изложение нормы права в тексте нормативного правового акта также нельзя

понять без уяснения той реальности, что право системно, и именно в этой системности заложены свойства нормы права. Норму права невозможно ни уяснить, ни изложить «выдернув» из подобной системы. Во внутренней форме содержание права высвечивается, прежде всего, в виде общеправовых принципов и основанной на них системы отдельных отраслей, каждая из которых, в свою очередь, состоит из общеотраслевых принципов и системы определенных институтов, охватывающих те или иные системы правовых норм со всеми их структурными элементами. Здесь же, кроме этих постоянных общностей, могут быть такие дополнительные структурные части, как подотрасли, генеральные институты, смежные институты, субинституты и т.д. Примерно подобная организация внутренней формы права, отчетливо обозреваемая в одной из множества плоскостей бытия его содержания, также служит детерминантом изложения нормы права в самом тексте нормативного правового акта. Подобная связь становится очевидной, когда имеем дело с отраслевыми кодифицированными актами (в первую очередь - кодексами).

Уяснение взаимосвязей внутренней и внешней формы права основывается и на том постулате, что все правовые общности (звенья) раскрываются непременно через общественные отношения. И отрасли, и подотрасли, и различные институты права везде трактуются как определенные системы норм, регулирующих ту или иную совокупность общественных отношений. Вторым же по значимости системообразующим критерием в построении системы права служит метод общего (нормативного) правового регулирования.

При этом следует иметь в виду, что и сам метод произведен от предмета нормативного правового регулирования; особенности первого, в конечном счете, зависят от специфики и сферы проявления второго, а не наоборот. Хотя на выбор средств, способов, приемов и форм регулятивного воздействия влияют многие величины, тем не менее, из них первичными и наиболее устойчивыми служат своеобразные свойства самих организуемых отношений.

Внутренняя форма права в целом, взятая в любом срезе, тесно связана с его внешней формой. Под внешней формой права принято понимать наружное устройство его содержания, упорядоченные способы выражения вовне, закрепления и функционирования этого содержания, выступающие в виде структурированных и систематизированных легитимных источников правовых норм.

Для нормативных правовых источников характерна также в достаточной мере выраженная структура и реквизиты. Они снабжены указаниями о времени, а порою и о месте принятия, а равно подписями надлежащих должностных лиц. Даже простые нормативные правовые акты, в которых содержится незначительный по объему нормативный материал, так или иначе структурированы с учетом требований юридической техники, логики и стилистики. Более крупные, сложные (органические) источники разбиты чаще всего на части, разделы, главы, параграфы, статьи и пункты с фиксированными заголовками.

Данная проблема в целом предполагает соотнесение друг с другом различных систем и структур, олицетворяющих способы организации, с одной стороны, содержания права, с другой - его легитимных источников в разных срезах. При таком подходе обнаруживается, что внутренняя и внешняя формы права в одних отношениях характеризуются едиными чертами, в других - значительными различиями. Как общие, так и отличительные моменты присущи уже соотношению нормы права, нормативного правового предписания и относительно самостоятельного подразделения (статьи, параграфа, главы, раздела и т.п.) нормативного акта.

В одних случаях эти образования по объему и структуре совпадают: скажем, одна статья закона исчерпывается одним нормативным правовым предписанием, содержащим все необходимые элементы той или иной правовой нормы. Но нередко бывает иначе. Одно и то же нормативное правовое предписание может содержаться в двух и более нормативных актах, изданных на разных уровнях общего правового регулирования. В одной статье закона возможны несколько нормативных правовых предписа-

ний. Норма права подчас "собирается" из ряда нормативных предписаний. В одном нормативном правовом предписании могут находиться некоторые элементы ряда норм права и т.д. Следовательно, применительно к первичным ячейкам права рассматриваемая проблема не имеет единого решения. Наложение внутренней формы права на внешнюю немислимо также при сопоставлении системы норм, построенной по их видам, с системой нормативных правовых актов.

Не только в любой отрасли или институте права, но и во всяком нормативном правовом акте безотносительно к его отраслевой принадлежности возможны самые различные виды правовых норм. Факторы, от которых зависит система правовых норм, существенно отличаются от обстоятельств, которыми обуславливается система нормативных правовых актов. Если брать систему российского права в той плоскости, в которой отражается иерархия юридической силы правовых норм, то она тоже несколько отличается от системы нормативных правовых актов в соответствующем срезе. Нормы одной и той же юридической силы могут содержаться в разных нормативных актах (например, в инструкции, приказе или в положении, изданных руководством одного и того же ведомства). В то же время в одном нормативном акте возможны нормы права разной юридической силы, что бывает в Своде законов страны или в самой Конституции страны.

В юридической литературе нередко выдвигалось требование, чтобы кодификация осуществлялась в строгом соответствии с отраслями права, выражала "юридическое своеобразие и содержание соответствующего подразделения системы права"[1]. Оно, по-видимому, справедливо лишь постольку, поскольку имеются в виду отраслевые и внутриотраслевые сводные нормативные правовые акты, которые действительно строятся соответственно структурным чертам упорядочиваемого подразделения отраслевой системы права. Если же речь идет об остальных видах и разновидностях систематизации нормативного правового массива (инкорпорация, консолидация, комплексная и всеобщая кодификация), то подобное предложение в общем виде оказывается не вполне обоснованным.

Несомненна роль системы отраслей права при любой систематизации его юридических источников. Но вместе с тем нет достаточного основания усомниться в определенной самостоятельности системы этих источников, на построение которой влияет ряд дополнительных факторов объективного и субъективного порядка, в том числе «многоярусность» самих регулируемых общественных отношений, та или иная направленность воли законодателя, множественность правотворческих органов на разных уровнях, своеобразие звеньев и процессов государственного управления, интересы обеспечения последнего компактным нормативным правовым материалом, квалификации кадров, достигнутый уровень юридической техники и правореализации. Определенную роль при систематизации нормативных правовых актов играет также "принцип адресатов", который к отраслевой системе права прямого касательства все же не имеет. Фактически отрасли права и отрасли законодательства никогда полностью не совпадают ни по количеству, ни по наименованиям, ни по конкретной структуре.

Это и понятно, так как связь между ними не есть результат зеркального отражения: она носит весьма сложный опосредованный характер, в зависимости от особенностей "промежуточных" факторов проявляется по-разному. В ряде случаев в цепочке причинно-следственных связей такие отрасли даже "меняются местами", если становление новой отрасли права обуславливается преимущественно интенсивным развитием одного из существующих подразделений законодательства.

Научно обоснованное построение системы и структуры нормативных правовых актов закономерно ведет к тому, что они не в любой плоскости и не во всех элементах бывают адекватными отраслевым и иным системам и структурам содержания права. Истина всегда конкретна, и эта аксиома как нельзя кстати при решении проблемы соотношения внутренней и внешней форм права в самых различных их плоскостях.

Нормы права излагаются в различных законах и подзаконных нормативных правовых актах, учредительных документах юридических лиц, нормативных договорах, признаваемых их легитимным юридическим источником. Тексты последних часто имеют относительно обособленные подразделения в

виде частей, разделов, глав, параграфов, статей, их частей, пунктов и отдельных завершенных предложений. В этой связи возникает вопрос об их соотношении с нормами права, правильное решение которого значимо как в познавательном, так и в практическом планах. В познавательном - чтобы не смешивать разные правовые явления, в практическом - чтобы не принимать за целостную норму права какую-либо ее часть или, напротив, то, в чем содержатся элементы двух и более норм.

Деление объемных нормативных правовых актов на части, разделы, главы, статьи (параграфы) и на их части или пункты обусловливается преимущественно такими факторами, как сложность состава регулируемого комплекса общественных отношений и правила правотворческой техники. Например, в Гражданском кодексе РФ первой частью регулируются такие общие отношения, как правовой режим имущества, представительство, сделки, обязательства и заключение, исполнение, изменение или расторжение любого договора, а второй частью - отдельные семейства и виды договоров, расчеты, внедоговорные обязательства и совместная деятельность в виде простого товарищества. Внутри каждой части этого кодекса есть разделы, состоящие из глав со статьями, многие из которых имеют части и пункты. Однако ни одно из этих подразделений кодекса не может отождествляться с какой-либо целостной гражданско-правовой нормой, хотя из каждого из них извлекаются те или иные элементы норм гражданского права.

Подобная же картина характерна и для других кодифицированных и иных нормативных правовых актов, отдельные подразделения текста которых не совпадают с какой-либо целостной нормой соответствующей отрасли права ни по объему, ни по структуре.

Бывает, что разные элементы одной нормы излагаются в нескольких подразделениях закона или подзаконного нормативного акта, как это сделано, скажем, в первой части Налогового кодекса РФ (в редакции ФЗ от 9 июля 1999 года) [2], где в ст.ст.34,36,87,89 определены субъекты выездных налоговых проверок, в ст.ст.86,89 - основания и сроки таких проверок, в ст.ст.31,32,33,34,89,91,92,93,94,100 - полномо-

чия проверяющих, в ст.35 - их ответственность за неправомерные действия и причиненные убытки.

Возможен противоположный вариант, когда в одной статье закона содержатся элементы двух и более норм права. Статья 37 УПК РФ [3], к примеру, объединяет гипотезы и диспозиции норм, регулирующих полномочия прокурора в процессе всего уголовного судопроизводства.

Ввиду логической взаимосвязи между различными нормами, обусловленной переплетением упорядочиваемых ими общественных отношений, порой объединяются их гипотезы и указания на их субъектные составы. Еще чаще санкции, рассчитанные на обеспечение различных норм, сосредотачиваются в какой-либо одной статье нормативного правового акта (скажем, ст. ст.15,395 ГК РФ [4], предусматривающие возмещение убытков и применение штрафных мер и т.д.).

Эти обстоятельства, объясняемые, прежде всего, требованиями юридической техники правотворчества, еще раз подтверждают тезис, что нормативный правовой массив не состоит из совершенно однородных по структуре предписаний и нельзя искать в каждом из таких предписаний целостную структурированную клетку права, своеобразное право в "миниатюре". Однако они никоим образом не говорят и о том, что в современных условиях, когда усиливается специализация нормативных правовых предписаний, общая конструкция правовой нормы теряет свои реальные очертания, превращается все больше в сугубо логическую категорию.

Та специализация среди нормативных правовых актов и их структурных подразделений, которая свойственна многим современным национальным правовым системам, скорее касается не самих правовых норм непосредственно, а правовых предписаний. В связи с усложнением предмета и пределов общего правового регулирования, обогащением и совершенствованием метода и техники такого воздействия происходят всевозрастающее "разделение труда" между различными подразделениями нормативных правовых актов и содержащимися в них предписаниями, процессы их дифференциации, конкретизации и интеграции [5]. Но от этого, на

наш взгляд, фактически не меняются ни организационная структура правовой нормы, ни суть и назначение отдельных ее элементов. Правовая норма применительно к тем отдельным общественным отношениям, которые ею регулируются, продолжает выполнять свою прежнюю служебную роль в целостном виде.

В тексте всякого нормативного правового акта всегда содержатся определенные предписания, если под последними понимать относительно законченные формулировки (предложения). Подчас они носят индивидуальный характер, будучи адресованы одному субъекту права с конкретным заданием разового порядка. Это индивидуальные правовые предписания, направленные на индивидуальное правовое регулирование и соответственно лишенные общего (нормативного) значения. Нельзя рассматривать их в качестве какой-либо структурной части нормы права.

Относительно законченные формулировки в тексте закона или подзаконного нормативного акта, носящие общий характер, образуют нормативные правовые предписания и находятся в одной плоскости с нормой права. При этом, однако, весьма важно, чтобы такие предписания либо содержали все необходимые элементы соответствующей нормы права, либо, по крайней мере, были "привязаны" к ним.

Литература

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций в двух томах. - Свердловск, 1973. - Т.2.- С.106-107.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. -1998.- № 31. - Ст. 3824.
3. УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ.- 2001. - №52 (ч. I). - Ст. 4921.
4. ГК РФ (ч.1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ.- 1994.- № 32.- Ст. 3301.
5. Алексеев С.С. Структура советского права. - М., 1975. - С.36-37.

Нормативные правовые предписания находятся в одной с правовой нормой сфере юридической реальности, ибо ими обозначается логически завершенное нормативное положение, прямо сформулированное в каком-то относительно обособленном подразделении нормативного правового акта. Тем не менее, нельзя отождествлять их с нормами права.

Прежде всего, потому, что в отличие от норм, составляющих содержание права, нормативные правовые предписания олицетворяют одновременно и содержание, и форму права. Кроме того, нормативные правовые предписания могут быть композиционными (типичными, стандартными) и некомпозиционными (нетипичными, нестандартными). Если первые из них содержат в себе все необходимые элементы соответствующей нормы права, то вторым это вовсе не характерно.

Однако все же нормативные правовые предписания не заменяют и не вытесняют целостной структурированной нормы права. Являясь первичным элементом одновременно и содержания, и формы нашего права, они играют настолько специфическую роль, что нельзя их отождествлять с нормами права даже в тех случаях, когда в их композиции содержатся все структурные элементы соответствующих норм права.

Е.В.Березовская,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

В данной статье рассматриваются основные подходы к проблеме соотношения международного и внутригосударственного правового регулирования, дается анализ их взаимодействия.

Проблеме соотношения международного и внутригосударственного правового регулирования на протяжении многих десятилетий уделялось достаточно много внимания. В настоящее время, пожалуй, она приобрела особую остроту и актуальность в связи с расширением сферы действия, усложнением структуры, а также дифференциацией субъектов международных отношений. Именно выделение норм международного права, регулирующих отношения между государствами и производными от них субъектами, в самых различных сферах общественной жизни и возникновение неоднозначно решаемых как международно-правовой, так и национально-правовой доктринами вопросов теоретического и эмпирического характера обусловили сам факт и масштаб дискуссий по поводу природы, места международного и внутригосударственного права, их соотношения, наличия или отсутствия взаимодействия между ними.

Возникновение исходного понятия правового регулирования обусловлено объективными законами исторического развития. Появление на определенном этапе развития общества государства вызвало к жизни особый вид нормативного регулирования – регулирование общественных отношений правовыми средствами сначала на внутригосударственном уровне, а затем и в межгосударственном общении. Особенность правового регулирования заключается, прежде всего, в том, что оно исхо-

дит от государства, осуществляется при помощи системы правовых средств, опирается на возможность государственного принуждения.

Правовое регулирование - важное условие создания стабильного правового порядка, а также органов, институтов и учреждений, способных обеспечить защиту и охрану от нарушений тех прав, свобод и законных интересов граждан и иных лиц, которые закреплены действующими нормами права. Общие социальные цели правового регулирования преследуют достижение социально полезных результатов и, в первую очередь, создание необходимых условий для прогрессивного развития общества.

Наличие правового регулирования просто необходимо для обеспечения и гарантирования в нормативном порядке свободы в обществе. Правовое регулирование – это явление, необходимость которого возникает из ряда предпосылок, например таких, как утверждение справедливости, создание оптимальных условий для преимущественного действия в обществе экономических и духовных факторов. Отсутствие же эффективного механизма правового регулирования порождает произвол, своеволие в общественной жизни и жизни каждого.

Правовое регулирование можно определить как осуществляемое государством или от его имени воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения. Начинается правовое регулирование с

установления, т.е. разработки и принятия юридических норм, которые именуют также нормами позитивного права. Установление юридических норм – необходимый и вместе с тем определяющий компонент правового регулирования, поскольку здесь закладываются основы правового регулирования, определяются все важнейшие его параметры, осуществляется нормативно-правовая регламентация общественных отношений.

Таким образом, правовое регулирование представляет собой воздействие государственной власти на общественные отношения при помощи системы правовых средств, к которым относятся, в частности, нормы права, правоотношения, правоприменительные акты.

В самом общем виде правовые средства – это все те юридические инструменты, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных целей [1].

Выделяют следующие виды правового регулирования: международно-правовое регулирование, объектом которого выступают международные общественные отношения; национально-правовое, имеющее объектом внутригосударственные общественные отношения.

В свою очередь, международно-правовое регулирование в зависимости от источника подразделяется на следующие виды: двустороннее, выражающее согласованную волю двух государств; многостороннее, выражающее согласованную волю группы государств, как правило, одного экономического региона (региональное) или большинства государств, представляющих основные правовые системы мира, т.е. международного сообщества в целом (универсальное).

Сложность объекта международного правового регулирования связана, прежде всего, с тем, что в международное общение вступают субъекты, обладающие различным правовым статусом.

Наиболее типичными отношениями являются межгосударственные (межвластные) отношения. Но участниками между-

народного общения являются также субъекты, суверенной властью не обладающие.

В юридической литературе к немежгосударственным международным отношениям относят: 1) отношения между государствами и международными организациями, а также государствозподобными образованиями; 2) отношения между международными организациями; 3) отношения между государствами, международными организациями, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами – с другой; 4) отношения между физическими и юридическими лицами [2].

Многообразие международных общественных отношений обуславливает невозможность их регулирования какой-либо одной системой права: международно-правовое регулирование, имеющее объектом межвластные (публичные) отношения, дополняется национально-правовым регулированием.

В настоящее время эффективное правовое регулирование внутригосударственных отношений становится все в большей степени зависимым от согласованности норм национального права с международным правом.

Возрастание международных контактов между государствами и находящимися под их властью субъектами, а также небывалая активизация процессов миграции населения, расширения культурных и хозяйственных связей, усиление взаимозависимости и открытости обществ по отношению друг к другу в целом – соответствующие тенденции современных международных отношений.

Особую специфику имеет регулирование международных экономических отношений, которые могут быть как публично-правовыми, так и частноправовыми. Во многих случаях межгосударственные отношения выступают в качестве предпосылки для возникновения большого круга реализуемых в гражданско-правовых и иных формах экономических отношений, участниками которых будут национальные юридические лица, организации, государства и межгосударственные организации [3].

В процессе регулирования международных экономических отношений взаимосвязь международного права и внутригосударственного права проявляется наиболее ярко, что приводит к выводу о комплексном регулировании данного вида отношений.

Значимость и актуальность исследований в сфере правового регулирования придают процессы глобализации. Очевидно, что современное развитое государство при осуществлении своих функций связано не только с внутренними социальными факторами, но и влиянием социальности в мировом масштабе. Не будет ошибкой утверждать, что процесс глобализации является одним из факторов, определяющих содержание современного права [4]. Процессы глобализации в значительной степени затронули уровень национальных правовых систем отдельных государств, равно как и право международное.

Взаимодействие внутригосударственного и международного правового регулирования предопределяется стремительно развивающейся интернационализацией общественных отношений, международной интеграцией на основе конструктивного взаимодействия большинства государств.

К сожалению, на сегодняшний день все больше возникает оснований констатировать тот факт, что ослабляются позиции международного права в целом и международно-правового регулирования в частности.

Следует отметить, что речь идет, по сути, не об отсутствии должного правового регулирования, а о слабости средств его обеспечения, как собственно юридических, так и материально-технических, организационных, силовых. В некоторых государствах нормы международного права потеряли свою эффективность, поскольку даже будучи надлежащим образом ратифицированы и закреплены в национальной правовой системе, могут быть просто проигнорированы, т.к. политическая позиция представителей власти опирается на силу, а заявленные демократические цели и мо-

тивы носят декларативный характер. Эту ситуацию необходимо исправлять совместными действиями в направлении усиления позиции верховенства общепризнанных принципов и норм международного права.

Взаимодействие международного и внутригосударственного права происходит в виде взаимного влияния друг на друга. При этом рядом исследователей подчеркивается первичность внутригосударственного права в том смысле, что «государства создают международное право, а не наоборот» [5]. При создании норм международного права государства ориентируются на собственный правопорядок, основы социального и политического строя, закрепленные в основных законах. Государства, как правило, не принимают участия в международных соглашениях, не соответствующих принятому в них публичному порядку, а также, если такое участие налагает на них обязательства по серьезному изменению национального законодательства.

Внутригосударственное правовое регулирование может служить прообразом универсального международного правопорядка, когда эффективность национального права подтверждена действующей практикой, заимствованием другими государствами. Так, например, было с созданием международных единообразных норм в области права интеллектуальной собственности, международной купли-продажи, вексельного права и т.д.

В процессе правового регулирования происходит согласование положений международного и внутригосударственного права. Это необходимо еще и в связи с тем, что внутригосударственное право порой призвано обеспечить выполнение положений права международного. Однако в ходе такого согласования определяющим всегда будет являться внутригосударственное право: положенные в основу его государственного и общественного строя принципы будут определять условия взаимодействия двух правовых систем между собой.

И.И. Лукашук отмечал, что «основная роль внутригосударственного права для международно-правового регулирования состоит в том, что оно служит важным и необходимым средством реализации международно-правовых норм в сфере действия государственного суверенитета» [6].

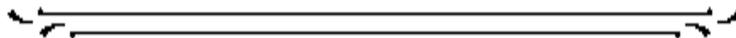
Исходя из представленной позиции, можно констатировать, что национально-правовое регулирование, связанное с реализацией международно-правовых норм, является частью механизма международно-правового регулирования международных общественных отношений. Поэтому международное право и национальное право комплексно осуществляют регулирование международных общественных

отношений, взаимодействуя и дополняя друг друга.

Исследование теоретических проблем соотношения международного и внутригосударственного правового регулирования позволяет сделать вывод о том, что в последнее время наблюдается определенный прогресс в развитии и совершенствовании регулируемых данными системами права общественных отношений. Нормы национального права оказывают влияние на международную позицию государства, а нормы международного права, в свою очередь, отраженно воздействуют на изменение содержания внутригосударственного правопорядка.

Литература

1. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М., 2011. - С. 582.
2. Бирюков П.Н. Международное право. М., 2009. С. 17.
3. Богуславский М.М. Международное экономическое право. - М., 1986.- С. 40.
4. Вагина Н.М. Принципы публичного права. – Самара, 2004. - С. 164.
5. Тункин Г.И. Международное право. - М., 1982. - С. 75.
6. Лукашук И.И. Механизм международно-правового регулирования. - Киев, 1980.- С. 19.

Л.Л. Сабирова,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

**НАДЛЕЖАЩИЙ ОТВЕТЧИК В ДЕЛАХ О ВОЗМЕЩЕНИИ
ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННЫМИ
ОРГАНАМИ, ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ,
А ТАКЖЕ ИХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ**

Статья посвящена рассмотрению отдельного вопроса института имущественной ответственности публично-правовых образований за действия своих органов и должностных лиц при осуществлении ими публичной власти, а именно: анализируется понятие «ответчик» по делам данной категории. Автор рассматривает вопросы: подлежит ли возмещению вред, причиненный при осуществлении публичной власти, отвечает ли за действия должностных лиц и органов публично-правовое образование своей казной, а не сам орган, и т. д. Обозначенные вопросы в настоящее время приобрели особую важность, что отразилось и на судебной практике, и в содержании анализируемого соответствующего Обзора практики, данного Президиумом Высшего арбитражного Суда Российской Федерации.

Вопрос о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами – один из самых обсуждаемых в отечественном правовом сообществе вопрос.

Институт имущественной ответственности государства и муниципальных образований за действия своих органов и должностных лиц при осуществлении ими публичной власти – не новый правовой институт для нашей страны. Однако его становление происходило весьма сложно, и итогом развития отечественной доктрины и судебной практики по этому вопросу можно считать включение в 1994-1996 гг. в новый Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [2] норм ст.ст. 16, 1069, 1070.

Ст. 45 Конституции Российской Федерации [5] провозгласила государственные гарантии защиты прав и свобод, а так же право каждого защищать свои права всеми не запрещенными законом способами. Во исполнение этих положений были разработаны и приняты общие нормы ГК РФ, закрепляющие способы защиты гражданских прав и обязанностей (ст. 12 ГК РФ). Одним из способов защиты является возмещение убытков. Лицо, право которого нарушено, может требовать полного воз-

мещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (п. 1 ст. 15 ГК РФ). В статье 16 ГК РФ предусмотрена интересующая автора обязанность возмещения Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием убытков, причиненных гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления.

Следует отметить, что обязательства вследствие причинения вреда (деликтные обязательства) – обширный институт гражданского права. Но необходимо выделить общие принципы и особенности деликтных обязательств. Это, в первую очередь, то, что ответственность всегда полная, т.е. должен быть возмещен весь причиненный вред; то, что судебная защита нарушенных прав осуществляется на основании иска о взыскании убытков.

Ответственность за причинение вреда наступает при наличии следующих необходимых условий:

- наличие самого вреда, в том числе и морального, т.е. уничтожение, умаление какого-либо материального блага, охраняемого законом;
- противоправность поведения лица, причинившего вред, т.е. нарушение данным лицом правил поведения, установленных законом;
- вина должника в форме умысла и неосторожности. Однако имеются исключения. Например, независимо от вины должностных лиц возмещается вред, причиненный решениями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда;
- наличие причинной связи между противоправным поведением виновного лица и наступившим вредом [4].

Именно отсутствие причинной связи между действиями ответчика и наступившим вредом является наиболее распространенным основанием для отказа в иске [11].

Конечно, особенность рассматриваемых отношений с участием государства и муниципальных образований накладывает и ряд особенностей на причинную связь между противоправным действием и нанесенным вредом. Некоторые из них будут рассмотрены ниже.

Отечественным гражданским законодательством установлены дополнительные гарантии для защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти, направленные на реализацию положений статей 52 и 53 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, в том числе злоупотреблением властью [7].

Своевременным и долгожданным для практикующих юристов явился «Обзор практики применения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, орга-

нами местного самоуправления, а также их должностными лицами» (информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 145) [3], далее по тексту именуемый Обзором.

Настоящая статья посвящена рассмотрению одного из некоторых проблемных вопросов, возникающих при разрешении судами РФ, в первую очередь, арбитражными судами, дел вышеуказанной категории при защите прав частных лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, а именно: анализу понятия «ответчик» в делах данной категории.

По делам данной категории ответчиком выступает соответствующее публично-правовое образование, к которым относятся Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования. Согласно ст. 5 Конституции РФ Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов - равноправных субъектов Российской Федерации. Муниципальное образование - городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения [12].

Согласно ст. 1069 ГК РФ «вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования». Отметим, что ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 30.04.2010 N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [8] закреплено, что возмещение вреда

в соответствии с указанной статьей ГК РФ не препятствует присуждению компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Согласно ст. 1071 ГК РФ к органам и лицам, выступающим от имени казны при возмещении вреда за ее счет, относятся соответствующие финансовые органы, если в соответствии с пунктом 3 статьи 125 ГК РФ эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

В п.12 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации (ВС РФ) и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (ВАС РФ) от 01.07.1996 №6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[9] говорится, что, даже если требование о возмещении вреда, причиненного при осуществлении публичной власти, предъявлено к конкретному государственному или муниципальному органу, суд должен рассматривать его как требование к соответствующему публично-правовому образованию и должен привлечь в дело в качестве ответчика компетентный финансовый или иной уполномоченный орган соответствующего образования.

Позднее п.1 Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»[13] судам рекомендовано при подготовке дела к судебному разбирательству установить орган (главного распорядителя бюджетных средств), который должен выступать в суде от имени публично-правового образования, а если истец в своем исковом заявлении указал такой орган неверно, известить надлежащий орган о месте и времени разбирательства. При этом данный орган привлекается в дело в качестве представителя публично-правового образования, а не в качестве ответчика.

П.1 Обзора указал, что в силу ст.ст. 16, 1069 ГК РФ «ответчиком по иску о возме-

щении вреда, причиненного государственными или муниципальными органами, а также их должностными лицами, является соответствующее публично-правовое образование. В связи с этим замена органа, уполномоченного представлять публично-правовое образование, не является заменой ответчика в смысле статьи 47 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». При этом не требуется согласие истца на привлечение в дело уполномоченного государственного органа – главного распорядителя бюджетных средств как представителя ответчика – публично-правового образования.

Следует согласиться с мнением, что нельзя принять к немедленному рассмотрению исковое заявление, в котором в качестве ответчика указано публично-правовое образование, но отсутствуют сведения о конкретном органе, который уполномочен в суде выступать от его имени, и о местонахождении такого органа[1]. В подобной ситуации суд оставляет исковое заявление без движения, предлагая истцу составить дополнение к иску, или суд вправе уведомить истца об органе, уполномоченном от имени публично-правового образования выступать по делу.

Ст. 126 ГК РФ гласит, что «Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам принадлежащим им на праве собственности имуществом, кроме имущества, которое закреплено за созданными ими юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также имущества, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности», т.е. имуществом, составляющим казну соответствующего уровня. По мнению автора, ограничивать взыскания только средствами бюджета недопустимо, т.к. это противоречит ст.ст. 126, 214, 215 ГК РФ. При этом судам следует указывать главного распорядителя бюджетных средств в резолютивной части судебного

акта о взыскании средств с публично-правового образования за счет казны [10].

Кроме того, в этой же ст. 126 ГК РФ обозначено общее правило, согласно которому Российская Федерация не отвечает по обязательствам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а субъекты Российской Федерации, муниципальные образования не отвечают по обязательствам друг друга, а также по обязательствам Российской Федерации.

Различая общий (ст. 1064 ГК РФ) и специальный (ст. 1069, 1070 ГК РФ) деликты, следует различать и правовые последствия совершения правонарушений государственными и муниципальными органами и их должностными лицами. Значимость данного вопроса в том, что только за совершение специального деликта возможно возмещение вреда за счет соответствующей казны.

В п. 12 Обзора приводится следующий пример. Комитетом по градостроительству и архитектуре администрации муниципального образования вынесено впоследствии в судебном порядке признанное недействительным предписание о демонтаже рекламной конструкции, принадлежащей индивидуальному предпринимателю. Осуществляя демонтаж по поручению Комитета, муниципальное унитарное предприятие повредило саму рекламную конструкцию и ограждение земельного участка, также принадлежащего предпринимателю. Решением суда с муниципального образования взысканы денежные средства в размере расходов предпринимателя на установку рекламной конструкции на прежнем месте и ее транспортировку, а также дополнительных расходов на размещение рекламы, т.к. демонтаж проводился согласно предписанию Комитета. А расходы индивидуального предпринимателя на ремонт рекламной конструкции и ограждения земельного участка взысканы с унитарного предприятия, осуществлявшего демонтаж. Суд указал, что вред, причиненный исполнением муниципальным унитарным предприятием незаконного предписания органа местного самоуправления, подлежит возмещению муниципальным образованием, а вред, причинен-

ный в результате исполнения указанного предписания, - муниципальным предприятием. Таким образом, суд констатировал, что Комитет, вынося предписание о демонтаже рекламной конструкции, действовал в рамках своей компетенции и обладал властными полномочиями по отношению к индивидуальному предпринимателю – собственнику конструкции. Отсюда следует и то, что унитарное предприятие, выполняя предписание Комитета, было право, полагаясь на законность его актов. Поэтому предприятие отвечает только за тот вред, что был причинен действиями его работников в связи с непрофессиональным демонтажом конструкции. Казна отвечает за действия подобного подрядчика только в тех случаях, когда поручение дано ему властным по отношению к потерпевшему субъектом.

Следует отличать подобные ситуации от ситуаций, когда публично-правовые образования выступают участниками не вертикальных правоотношений. В последнем случае публичное образование не обладает никакими властными полномочиями по отношению к своим контрагентам. Согласно ст. 124 ГК РФ «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений - гражданами и юридическими лицами». Как известно, органы государственной власти и органы местного самоуправления действуют от имени соответствующего образования в рамках установленной компетенции.

В свете вышесказанного интересен тот факт, что еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10.06.1943 г. № 11/М/6/У «О судебной практике по искам из причинения вреда» [6] разъяснялось следующее: положения ГК РСФСР и других союзных республик применяются при разрешении дел о возмещении за «вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц в области административного управления, а

ответственность за убытки, причиненные такими должностными лицами при выполнении ими хозяйственных или технических функций», регулируются нормами общими деликтного права. То есть налицо - сложившееся правило, уже ставшее традиционным для нашей правовой системы.

За последние годы в нашей стране существенно изменился характер взаимодействия публичной власти и частных субъектов. Так, значительно увеличилось участие частных лиц в различных направлениях предпринимательской деятельности, и, как следствие, возросли размеры вреда, кото-

рые государство потенциально способно причинить хозяйствующим субъектам. В этой социально-экономической ситуации еще более важным стало значение института возмещения вреда, причиненного публичной властью, что говорит о соблюдении и дальнейшем развитии конституционного принципа правового государства, возлагающего на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность.

Литература

1. См.: Бакулин А.Ф., Камаева А.В. Президиум ВАС РФ дал рекомендации по разрешению споров о возмещении вреда государством или муниципалитетом// Арбитражная практика. – Доступно: [www/intalev.ru/aggregator/press/id_94544/](http://www.intalev.ru/aggregator/press/id_94544/).
2. Гражданский кодекс РФ (части первая, вторая, третья, четвертая) // Российская газета. - 1994. - №238-239; 1996. - №23 - 27; 2001. - №233; 2006. - №282.
3. Обзор практики применения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 145 // Вестник ВАС РФ. - 2011.- №8. - С. 140-157.
4. Комягин Д. Правовое регулирование возмещения ущерба, причиненного органами государственной власти// Финансовая газета. Региональный выпуск, 1996. – [www/juristlib.ru/book_205.html](http://www.juristlib.ru/book_205.html)
5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.)// Российская газета. – 1993. - N 237.
6. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). – М., 2010.- С. 498.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 N 22-О// СПС КонсультантПлюс.
8. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 01.07.1996 №6/8// Доступно на официальном сайте ВАС РФ <http://www.arbitr.ru/>
9. О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 // Доступно на официальном сайте ВАС РФ <http://www.arbitr.ru>
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.11.2010 № 6763/10. Доступно на официальном сайте ВАС РФ <http://www.arbitr.ru>.
11. См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 07.10.2008 № А29-702/2008; ФАС Восточно-Сибирского округа от 22.01.2009 № А10-1803/07 –Ф02-6477/08 по делу № А10-1803/07; ФАС Поволжского округа от 19.05.2008 № А12-14003/07-С60 по делу № А12-1400307-с60 // СПС КонсультантПлюс.
12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2003.- № 40.- Ст. 3822.
13. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30.04.2010 N 68-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. База данных: законодательство.

3.3. Маздогова,

доцент кафедры общеправовых дисциплин
(Северо-Кавказский ИПК (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ)

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПАРТИЯ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Рассматриваются вопросы механизмов образования, основные цели, идеологическая доктрина парламентских партий, структурно-функциональные характеристики парламентских партий и их отличие от структуры и форм деятельности политических партий.

Парламентские партии представляют собой качественно новый этап развития и трансформации партий политических. Политические партии - специфический элемент политико-правовой системы, характеризующийся рядом признаков.

В научной, монографической, справочной литературе встречается более 200 определений и называется более 30 разновидностей политических и парламентских партий, что обусловлено сложностью выделения наиболее существенных характеристик, определяющих типичный портрет и политическую суть этих феноменов.

В современной науке существует множество определений категории "парламентская партия". Не вдаваясь в сравнительный анализ таких определений, можно констатировать, что все специалисты стремятся определить парламентскую партию исходя из ее политико-онтологических свойств и целей [7. С.42-47].

Первое определение политических свойств партий дал в начале XIX века А. де Токвиль. В предложенной им теории фактором, влияющим на появление партий, выступает специфика различных фаз истории. На переломе времен, по словам Токвиля, наступает «время великих революций и великих партий» [8. С.132]. В эти моменты общественным мнением овладевает идея коренного переустройства общества и вся страна разбивается на лагеря, с радикально различающимися взглядами на будущее нации.

Партии существовали и до, и вне демократий. В целом, политическая партия -

это организация, объединяющая на добровольной основе наиболее активных представителей тех или иных классов, социальных слоев или групп и предназначенная для их социального просвещения и придания их действиям по защите своих интересов целенаправленного и организованного характера, отстаивания их интересов в системе политических отношений и институтов [1. С.13].

Существует определение партий и в марксистско-советской традиции, как больших групп людей, выражающих и защищающих интересы социальных классов. Эти интересы могут быть экономическими, идеологическими, политическими или национально-культурными.

Политическую партию характеризует доступ к власти. Исторический опыт показывает, что политические партии всегда и везде создавались как инструмент борьбы за власть, трансформации интересов различных социальных общностей, идейно-политических течений в реальную политику государства. И главная цель их деятельности - защита социально-политических интересов определенных групп населения, ради чего и ведется борьба за завоевание и удержание власти, установление взаимосвязей между обществом и государством. Эти оценки относятся к типичным, наиболее распространенным видам партий и позволяют отличить их от политических, малочисленных клик, групп давления, досуговых клубов.

Таким образом, политическая партия является добровольным союзом на идеоло-

гической основе, направленным на завоевание либо на участие во власти на государственном уровне. На эту сторону обратил внимание М. Вебер, определивший партию как ассоциацию добровольных членов, цель деятельности которых «обеспечить власть внутри корпоративной группы для своих лидеров, с тем, чтобы добиться духовных или материальных преимуществ для своего активного членства» [3. С.127].

Можно выделить четыре образующих партию признака:

1) любая партия есть носитель идеологии или, по меньшей мере, особого видения мира и человека;

2) партия - это организация, т.е. достаточно длительное объединение людей на самых разных уровнях политики - от местного до международного;

3) цель партии - завоевание и осуществление власти;

4) каждая партия старается обеспечить себе поддержку населения - от голосования за нее до активного членства [2, с.98].

Роль и место партий в политико-правовой системе определяется рядом факторов. Еще А. де Токвиль подчеркивал, что нельзя говорить о партии как объединении людей со схожими интересами или идеологией в стране с обширной территорией, где интересы отдельных групп населения настолько расходятся, что превращают в своеобразные народы [8. С.56]. Поэтому для существования политических партий нужны дополнительные объединяющие факторы. Жизнь политических партий «поддерживается» на региональном уровне за счет использования дополнительного строительного ресурса - законодательного, парламентского.

Парламентские партии возникают в обществе, достигшем определенной степени социальной сложности, когда большинство его членов в той или иной мере вовлекаются в политический процесс. В странах Запада такие условия сложились во второй половине XIX в.

Поэтому определение парламентских партий в отличие от политических может

быть дополнено новыми признаками. Парламентские партии могут рассматриваться как институционализированный общественно-политический механизм, основная цель которого получение контроля над депутатскими мандатами путем победы на избирательных кампаниях. Идеологическая доктрина парламентских партий служит вспомогательным инструментом электоральной борьбы, а организационная структура настроена на обслуживание электоральных интересов.

Следовательно, устойчивая правовая связь тех или иных частей, слоев народа (классовых, национальных, социальных групп) опосредована парламентскими партиями. Общество-это не однородная масса, и его различные части имеют различные потребности и интересы, которые они хотели бы защищать и проводить в жизнь с помощью органов власти. Поскольку группы борются между собой, конфликтуют, сложную политическую игру ведут и представители их партий.

Всякий социальный процесс «состоит из системы конфликтов социальных субъектов различного ранга и уровня» [9, с.23]. В итоге действия этих социальных субъектов ведется и борьба за власть и её удержание. Для легальных политических партий борьба за власть ведется, прежде всего, в ходе избирательной кампании в форме состязания электоральных технологий, а битва за удержание власти происходит в правовом пространстве деятельности представительных институтов.

Политические свойства парламентских партий выражаются в репрезентации интересов части гражданского общества. Для выполнения этой цели объединения наиболее политически активных членов общества -политические партии проходят избирательные процедуры и принимают участие в законодательной деятельности выборного органа законодательной власти.

Таким образом, образование парламентских партий это результат институционализации политических партий в систему органов законодательной власти.

Однако парламентская партия обладает всеми признаками политической партии, интегрирующей интересы части общества и соответствующих политических и экономических элит. Основа такого объединения - общие политические взгляды и цели, которые могут выражаться в форме идеологической доктрины (системообразующей идеи), совокупности особых интересов различных социальных групп или конкретного лидера.

Все три указанных фактора имеют место в деятельности практически любой парламентской партии, составляя в совокупности ее идеологический комплекс. Все парламентские партии представляют собой, прежде всего, партии особых интересов, в какой бы доктринальной или лидерской форме эти интересы публично ни выражались. В зависимости от того, какой из перечисленных факторов преобладает как идейное основание деятельности, парламентские партии можно разделить на доктринальные (идеологические), прагматические (патронажные) и харизматические (лидерские).

При этом носителями идейных основ деятельности партии любого из указанных типов всегда являются конкретные персоналии, входящие в ее руководство и идейный актив и составляющие в этом смысле внутрипартийную идеологическую элиту. Как структурный элемент политико-правовой системы парламентская партия представляет собой организационно упорядоченную группу, принимающую участие в законодательном процессе. Современные парламентские партии имеют иерархически организованную структуру, включающую руководителей и рядовых членов партии, центральные и региональные руководящие органы, территориальные и иные структурные подразделения.

Принципиальное отличие политической партии от других структур гражданского общества состоит в том, что ее главной и основной целью является борьба за завоевание и использование государственной власти как высшей формы политической власти. Ни одна другая институциональ-

ная структура гражданского общества не имеет именно такой цели в качестве основной, хотя воздействие тем или иным способом на принятие государственных решений предполагается в качестве значимого направления деятельности большинства таких структур и гражданского общества в целом.

Принципиальное отличие парламентской партии от политической - прохождение избирательного ценза при проведении выборов в законодательные органы власти.

Структура и формы деятельности парламентских партий принципиально отличны от структуры и форм деятельности партий политических. Основные отличия наглядно видны в институциональном дизайне парламентских партий, который состоит из совокупности различных элементов: цели, задач, функций и строения парламентских партий.

Завоевание государственной власти само по себе не является абсолютной и конечной целью политической партии. Государственная власть необходима любой партии для того, чтобы использовать властно-принудительные возможности государства как политического института для придания статуса общегосударственным идеалам и интересам, которые выражает данная партия, и для их практической реализации через законодательство и исполнительные механизмы государственного управления. Использование государственной власти в указанном смысле - неотъемлемая составляющая двуединой цели политической и парламентской составляющей партии, которая должна не только уметь завоевывать власть, но и уметь ею пользоваться.

Завоевание и использование политической партией государственной власти - это обретение и практическая реализация партией возможностей определяющим образом влиять через своих представителей в органах государственной власти на принятие и исполнение законодательных и управленческих решений по регулированию жизнедеятельности общества и государства.

В политической системе демократического типа борьба за завоевание государственной власти - это конкурентная политическая борьба за голоса избирателей в рамках избирательного процесса, в результате которой политические партии должны решить свою первую целевую задачу - обеспечить представительство партии в органах государственной власти, ее легитимацию в системе государственно-властных отношений.

Партии, не имеющие своего представительства, а следовательно, и политического влияния в органах государственной власти, как правило, находятся на периферии политического процесса, до тех пор пока на очередных выборах не добиваются такого представительства.

Система парламентских партий является неотъемлемой составной частью избирательного механизма. Политические партии обеспечивают упорядочение и структуризацию электорального поля и выполняют функцию "избирательной машины", предназначенной для подготовки конкурирующих проектов развития общества и государства в виде партийных программ и предвыборных платформ и для организации продвижения в органы государственной власти представителей партии, которые должны осуществлять реализацию таких проектов на государственном уровне [10, С. 26].

Партийные предвыборные проекты и кандидаты являются теми продуктами, которые партии в качестве «избирательных машин» представляют на выбор избирателям. Очевидно, что от «потребительских качеств» их продуктов зависит успех политической партии на выборах. В этом смысле партии играют роль основных акторов политического рынка, на котором происходит обмен голосов избирателей на предвыборные обещания кандидатов, лояльности и поддержки граждан - на проектируемые политиками и управленцами решения.

Для достижения своих главных целей политические партии должны участвовать либо только в парламентских выборах при

таких формах правления, в рамках которых формирование правительства осуществляется парламентом, либо в парламентских выборах и выборах главы государства при таких формах правления, в рамках которых глава государства непосредственно является главой исполнительной власти или он формирует правительство с согласия или без согласия парламента [6, С.67].

В политических системах демократического типа закон признается основополагающим инструментом государственного управления, а глава государства и исполнительная власть вне зависимости от способа ее формирования обязаны осуществлять свою деятельность исключительно в рамках и в соответствии с законодательством. В таких политических системах любое государственное решение легитимируется либо непосредственно в форме закона, либо в форме нормативного правового акта предписанного законом и направленного на конкретизацию отдельных законодательных положений. Это нисколько не умаляет ключевую роль и самостоятельность исполнительной власти в государственном управлении, но определяет фундаментальный принцип демократии - предписанность задач и правил деятельности исполнительной власти законодательством. Соблюдение абсолютного приоритета права и закона над действиями всех ветвей государственной власти, принципа правозаконности в его современной интерпретации - основополагающий критерий оценки того, является ли политический режим действительно демократическим и правовым.

Поэтому завоевание государственной власти в условиях признания приоритета закона как инструмента социального регулирования и государственного управления - это, прежде всего, получение по результатам парламентских выборов значимого в смысле доминирующего влияния на законодательную деятельность числа мест в парламенте представителями данной политической партии. При этом, как показывает мировая практика, в политических системах демократического типа партии,

не имеющие представительства в парламенте, как правило, неконкурентоспособны на выборах главы государства и исполнительной власти.

Парламентские партии охватывают весь спектр задач парламентской деятельности: разработку стратегии и тактики избирательных кампаний, программ, реализации которых они будут добиваться в органах власти; изучение общественного мнения об обстановке в различных регионах и стране в целом, оценка формальных и неформальных лидеров; подбор и выдвижение кандидатов, их подготовка к участию в избирательной кампании, а затем и к деятельности в системе государственных органов; идеологическая и организационная работа по обеспечению победы кандидатов на выборах; решение технических и финансовых вопросов, связанных с выборами; организация противодействия конкурирующим партиям и их кандидатам; контроль за деятельностью избранных депутатов и их фракций в парламенте, муниципалитетах и т. д.

Парламентские партии имеют компактную организационную, структуру и постоянно функционирующие органы управления. Принципы их внутренней жизни различны и в некоторых случаях допускают существование различных течений и даже фракций.

Можно утверждать, что конечный практический продукт деятельности любой политической партии - это законы, принятие и вступление в действие которых партия сумела обеспечить через своих представителей в органах государственной власти [7. С.42-47]. Именно за принятие или непринятие тех или иных законов партии, представленные в парламенте, несут непосредственную ответственность перед своими избирателями и обществом в целом. Содержательная сторона и результаты законодательной деятельности партии являются тем объективным критерием, который позволяет однозначно оценивать истинные, а не декларируемые идеалы и интересы, выражаемые политической партией, и ее практическую

эффективность как политического института гражданского общества.

Таким образом, законодательную деятельность следует рассматривать как основной вид практически значимой для общества в условиях демократии и правового государства публичной деятельности политической партии, результатом которой является реальная продукция, предъявляемая обществу, а также как инструмент практического выражения истинных идейных установок и интересов партии и придания им общезначимого правового статуса. Политические партии, признающие приоритет законодательной деятельности и идеологически и организационно настроенные, в первую очередь, на парламентские формы политической работы, относятся к партиям парламентского типа. Политические партии, отдающие приоритет внепарламентским формам публичной деятельности, агитационно-массовым и пропагандистским методам политической работы, по сути отрицают приоритет законодательства в государственном управлении. Такие партии предполагают использование иных властно-принудительных механизмов государственной власти для придания их идеалам и интересам общезначимого характера.

Исходя из двуединой цели политической партии, ее публичную деятельность также следует рассматривать как процесс, включающий две постоянно взаимодействующие составляющие, которые при этом с периодичностью, заданной периодичностью проведения выборов, сменяют друг друга в качестве приоритетной. Первая составляющая - это публичная деятельность партии, направленная на завоевание государственной власти в широком смысле, включающем удержание и расширение представительства партии в органах государственной власти. Эта составляющая является абсолютно приоритетной и ключевой в периоды проведения избирательных кампаний и остается важной, но становится фоновой в периоды между избирательными кампаниями. Вторая составляющая - это деятельность

партии по использованию государственной власти, результаты которой служат объективным критерием оценки ее практической значимости для целей общественного развития. Эта составляющая становится приоритетной в периоды между избирательными кампаниями. Именно вследствие невозможности осуществлять такую деятельность партии, не добившиеся представительства в парламенте по результатам выборов, и уходят на периферию политического процесса. Для таких партий методы и формы проявления политической активности в периоды между избирательными кампаниями имеют иную специфику, чем для партий, представленных в органах законодательной власти [4. С.146-149]. В своей практической деятельности политические партии руководствуются известным правилом - "подготовка к следующим выборам должна начинаться сразу же после подведения итогов предыдущих". Такая подготовка неразрывно связана и естественным образом базируется на текущей законодательной и в целом парламентской

деятельности партии, которую в этом контексте можно рассматривать и как своеобразный процесс накопления политической энергии к следующей избирательной кампании.

Деятельность партии по завоеванию государственной власти и ее деятельность по использованию власти существенным образом отличаются друг от друга по условиям, формам и методам политической конкуренции.

Деятельность партии по завоеванию власти должна в принципе охватывать все общество, осуществляется в системе социальных отношений, и ей присущи, прежде всего, формы и методы публичной, открытой политической конкуренции, основанные на политической рекламистике. Деятельность по использованию власти охватывает сферу взаимоотношений элитных групп, способных оказывать реальное влияние на принятие государственных решений, в которой значимую роль играет государственная бюрократия как составная неизбираемая часть политической элиты.

Литература

1. Боднар А. Основы политологии.- М., 1990. – 225 с.
2. Борисов Л.П. Политология: учебное пособие.- 2-е изд., доп. и перераб.- М.: Белые альвы, 1998.- 160 с.
3. Вебер М. Избранные произведения.- М.: Прогресс, 1990.- 808 с.
4. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку.- 2-е изд.- М.: Логос, 1999.-544 с.
5. Ерыгина, В.И. Исследование сущности и признаков парламентаризма в отечественной юридической науке // Государственная власть и местное самоуправление.- 2010.- №3.
6. Кудинов, О.П., Шипилов, Г.А. Диалектика выборов. - М.: ЗАО ПО «Мастер». - М., 1997. - 251 с.
7. Нисневич, Ю.А. Законодательная деятельность как ключевой фактор в деятельности политической партии // Власть. - 2003.- № 7.- С.42-47.
8. Токвиль, А. Демократия в Америке.- М.: Прогресс, 1992.-554 с.
9. Турэн, А. Социальные конфликты и политические партии.- М., 1993.- 562 с.
10. Эллис З. Политические партии и возобновление истории // Политические исследования.- 1994.- № 2.- С.26.

Э.Е. Абдрашитов,
кандидат исторических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СТОКГОЛЬМСКИХ КОНВЕНЦИЙ 1915 ГОДА

В статье представлен анализ причин принятия Стокгольмской конвенции 1915 г., а также роль данного нормативного акта в процессе правоприменения норм международного права к военнопленным.

Первая мировая война была необычной для современников войной с точки зрения размаха боевых действий, количества участников и использования техники. В результате количество лиц, пострадавших от этой войны, превысило все мыслимые размеры. Международное право для обозначения данных лиц использует термин «жертвы войны».

На начало первой мировой войны положение жертв войны регулировались правилами Гаагских конвенций о законах и обычаях сухопутной войны 1898 г., которые, как показала практика, начали давать сбой с первых дней войны. Во исполнение данной конвенции на начало войны действовали правила Положения о военнопленных, объявленного в Приказе военного ве-

домства 1904 г. № 278 и Инструкции для содержания военнопленных русско-японской войны от 23 июля 1904 г. № 203 [1].

Россия наряду с высоким показателем погибших воинов дала один из самых высоких показателей численности солдат и офицеров, попавших в плен. По данным современных исследователей, на 100 погибших в российской армии приходилось 300 военнопленных. Для сравнения - в британской армии этот показатель составлял 20 чел., во французской - 24 чел., а в германской армии - 26 чел. [2]. По сведениям, приводимым О.Д.Марковым, соотношение пленных и пропавших без вести в различных родах войск выглядело следующим образом [3]:

Род войск	Общее количество	(%) Ко всем потерям
гвардия	32952	19
гренадеры	48370	40
пехота	3028430	56
стрелки	337452	35
кавалерия	10281	39
казаки	6455	14
артиллерия	66217	65
ополчение	56451	78
всего	3638271	52

С учетом того, что российские военнопленные оказались в тяжелой ситуации, находясь в плену в Германии и Австро-Венгрии, а военнопленные германской и австро-венгерской армии - в лагерях России, воюющие стороны осознавали необходимость принятия экстренных мер, направленных на облегчение положения военнопленных. При этом власти Германии и Австро-Венгрии в данном направлении

предпринимали больше усилий по сравнению с российской стороной.

Летом 1915 г. в Копенгагене при посредничестве Красного Креста Дании и Швеции состоялась неофициальная встреча представителей России и Германии, выступающих от Красного Креста и негосударственных структур этих стран, отвечавших за оказание помощи пленным. На совещании прозвучала мысль о необходимости проведения специальной кон-

ференции, которая должна была принять конвенцию, регламентирующую статус военнопленных, так как действующие нормы международного права не отвечали в полной мере сложившимся реалиям: они не могли предвидеть масштабы и специфику плены в годы первой мировой войны. Германия и Австро-Венгрия сразу поддержали идею проведения конференции. Россия взяла паузу для выработки собственной позиции по данному вопросу. На совещании военного министерства и всех заинтересованных сторон было принято решение о целесообразности участия России в данной конференции.

Первая Стокгольмская конференция открылась 22 ноября 1915 г. под председательством шведского принца Карла. В ней приняли участие делегации России, Германии, Австро-Венгрии, Швеции [4]. Российская сторона выдвинула свои претензии по поводу содержания российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, где отмечались случаи проживания пленных в землянках и в бараках, не соответствующих всем санитарным нормам, отдельно отмечалось недостаточное питание пленных и нарушение руководством лагерей суточных норм питания пленных, утвержденных в Германии и Австро-Венгрии, что вело к голоду и распространению эпидемий. Большие нарекания российской стороны вызывала ничем не оправданная жесткость охраны по отношению к военнопленным. В качестве примера приводилась ситуация, сложившаяся в германских лагерях Альтенграбов, Бромберг, Кюстрин, Стендаль, Тухель и ряде других. Одновременно российская сторона признавала, что положение русских пленных значительно улучшилось в 1915 г. по сравнению со вторым полугодием 1914 г.

Австро-венгерская и германская стороны выразили свои претензии по поводу содержания в российских лагерях их военнопленных. Они в точности повторяли жалобу российской стороны. В качестве примера, подтверждающего аргументы Берлина и Вены, можно привести воспоминания одного из германских солдат, попав-

ших в плен и оказавшихся в России. По его воспоминаниям, около 3 тыс. военнопленных, в основном австрийцев, содержалось в лагере в г.Нерчинске.

С начала 1915 г. пленные практически не получали мяса, в супе почти не было никаких продуктов, а качество хлеба не выдерживало никакой критики. Более 80% пленных весной 1915 г. переболели различными кишечными и инфекционными заболеваниями, смертность при этом составила 6,87% [5]. С августа 1915 г. пленным прекратили выдачу чая и сахара, хотя это было положено правилами, принятыми в самой России. Только 7 октября до пленных дошли первые денежные переводы из Германии - по 8 руб. на человека. С декабря 1915 г. положение пленных существенно улучшается, очевидно, здесь не последнюю роль сыграла первая Стокгольмская конференция [6]. Всего в российском плену оказалось около 190 тыс. военнослужащих германской и 2 млн. 250 тыс. австро-венгерской армий [7]. Однако данные цифры также нельзя считать окончательными. По данным германского военного ведомства в российский плен попало около 120 тыс. чел., военное ведомство Австро-Венгрии признавало наличие в России 2 млн 111 тыс. военнопленных. По данным РОКК, в России находилось 1 млн. 782 тыс. военнопленных, по сведениям Генерального штаба России - 1 млн 961 тыс. чел, Центропленбежа - 2 млн. 328 тыс. чел. По данным И.П.Щерова, в России в плену находилось 1 млн 876 тыс. военнопленных солдат и офицеров австро-венгерской армии, 186 тыс. германской армии, 64,5 тыс. турецкой армии и 670 чел. болгарской армии. Всего 2 млн 112 тыс. чел.[8]

Многие специалисты полагают, что положение германских и австро-венгерских военнопленных в России было хуже, чем положение пленных россиян в Германии и Австро-Венгрии. С 1914 по 1917 гг. в России умерло в плену 417 тыс. военнопленных Германии и Австро-Венгрии, что в два раза превышает количество умерших россиян, находившихся в плену в этих странах [9].

На конференции в Стокгольме принимается специальная конвенция. Стороны брали обязательства по устранению всех препятствий в организации переписки пленных с родиной, за исключением особо оговоренных случаев, переписка должна была носить регулярный характер. В месяц пленный мог послать два закрытых письма и две почтовые открытки. Стороны обязались увеличить численность цензоров, чтобы ускорить прохождение через них писем и ввести единую систему регистрации корреспонденции в почтовых службах [10]. Следует подчеркнуть, что решения конференции не остались только на бумаге. В 1915 г. через Копенгаген прошло из Германии в Россию и наоборот 90 тыс. писем, а в 1916 г. уже 1 млн 400 тыс. [11].

Военнопленные получали право на денежные переводы с родины, им разрешалось читать книги, изданные до 1913 г. Каждые 10 дней пленный германский офицер мог получать денежный перевод до 40 марок, австро-венгерский до 50 крон, российский до 10 руб., рядовой состав 20 марок, 25 крон и 10 руб. соответственно [12]. Стороны определяли технические условия перевода денежных средств и быстрой их доставки до адресата. Наиболее актуальна эта проблема была для России, где постоянно посылки и переводы либо вообще не находили адресата, либо получались пленными с большим опозданием. Конвенция регламентировала перечисление пожертвований, собранных для военнопленных. Россия и Австро-Венгрия договорились о пересылке пожертвований через территорию Румынии, Россия и Германия - через Швецию. Вся присылаемая для военнопленных литература должна была иметь перевод. Проблемы возникли с получением литературы на венгерском языке. В России мало кто знал венгерский язык. В то время как в самой Венгрии, также не было значительного количество профессиональных переводчиков с венгерского на русский язык, поэтому книги, поступавшие из Венгрии сопровождалась переводом на французский язык. В них не должно было быть пометок и записей, сделанных карандашом.

Стокгольмская конвенция особо оговаривала недопустимость применения к

пленным пыток и других проявлений жестокости. Особое внимание в конвенции уделялось развитию самоуправления военнопленных в виде лагерных комитетов. К 1917 г. по неполным данным российской стороны комитеты самоуправления действовали в 125 германских и 19 австро-венгерских лагерях [13]. Еще одной формой лагерного самоуправления становится создание касс взаимопомощи, формировавшиеся из добровольных пожертвований самих пленных в пользу своих товарищей, не имевших средств к существованию [14]. Для исполнения реализации конвенции на практике в Копенгагене создавалась смешанная комиссия из представителей всех заинтересованных сторон. Представители комиссии посещали лагерь военнопленных с целью мониторинга соблюдения положений конвенции 1915 г.

Более того, в Вене, Будапеште, Петрограде и Берлине создавались комитеты помощи военнопленным с отделениями на местах. В состав комитетов входили граждане страны пребывания комитета и граждане нейтральных государств. Комитеты собирали просьбы и жалобы военнопленных, следили за регулярностью почтового сообщения военнопленных с родиной, распределяли подарки среди них [15].

Конвенция 1915 г. отдельно касалась вопроса учета численности погибших военнопленных. На каждого умершего военнопленного составлялся специальный формуляр, в котором фиксировались ФИО погибшего, дата и место рождения. В России формуляры заполнялись на латинском алфавите, а в Германии и Австро-Венгрии на кириллице [16]. Кроме этого, конвенция регулировала еще несколько проблем, включая поиск пропавших без вести, обмен реликвиями и имуществом умерших пленных.

Следует подчеркнуть, что конвенцию 1915 г. в полной мере соблюдала Австро-Венгрия. Германия также реализовала на практике большинство положений конвенции, за исключением пункта о создании лагерных комитетов. В России были созданы различные бюрократические препятствия, мешавшие плодотворной работе комитетов военнопленных [17].

В мае 1916 г. в Стокгольме состоялась вторая конференция по делам военноплен-

ных. Результатом ее работы стало заключение протокола от 13 мая 1916 г., в котором подтверждалось стремление сторон к созданию при необходимости смешанных комиссий для проверки лагерей и регламентировалась процедура подачи жалоб со стороны военнопленных. Кроме этого, в протоколе оговаривалась возможность направления в лагеря военнопленных священнослужителей, но при условии, что они останутся в лагере до окончания войны [18].

Во всех воюющих странах создавались различные благотворительные организации, занимавшиеся сбором средств в пользу военнопленных. Они, наряду с Красным Крестом, курировали всю работу, связанную с оказанием помощи военнопленным. В России за оказание помощи военнопленным, их регистрацию отвечало Центральное справочное бюро Российского общества Красного Креста. Однако из-за отсутствия опыта проведения данного вида работы и нехватки кадров РОКК до конца 1915 г. не проводило систематического учета попавших в плен солдат и унтер-офицеров, что вызывало большую критику со стороны общественности. Для оптимизации работы в Центральном справочном бюро РОКК создается отдельный комитет во главе с сенатором А.Д.Арбузовым, кото-

рый должен был сосредоточиться на ведении работы с российскими военнопленными. Согласно нормам международного права, каждая страна имела возможность оказывать своим пленным материальную и духовную помощь. Для проведения такой работы в России был создан Комитет помощи русскими военнопленным под покровительством императрицы Александры Федоровны. Однако деятельность данного комитета была малоэффективной и подвергалась жесточайшей критике, зачастую справедливой, как со стороны общественности, так и со стороны самих военнопленных.

Таким образом, можно сделать вывод, что принятие первой и второй Стокгольмской конвенции благотворно влияло на условия содержания военнопленных, за счет того что был разработан детализирующий уровень правовых актов и конкретизированы меры ответственности за их неисполнение. В России при применении новых правил столкнулись с многочисленными бюрократическими препонами, поэтому положительный результат в полной мере достигнут не был. В Германии и Австрии исполнение требований правил документа было более успешным, однако процесс буксовал ввиду низкой финансовой обеспеченности.

Литература

1. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.1 Оп.6. Д.917. Л.7.
2. Щеров И.П. Центропленбеж в России (1918-1922 гг.). - Смоленск, 2000. - С.4.
3. Марков О.Д. Русская армия 1914-1917. - СПб., 2001. - С.87.
4. Московский Городской Комитет помощи русским военнопленным//Русский военнопленный. - 1917. - №2. - С. 3.
5. Штерн О. Царские пленники. 1914-1918. - М., 1992.- С.22, 25.
6. Там же. - С.26.
7. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны. - М., 1999. - С. 11,13.
8. Щеров И.П. Указ.соч.
9. Васильева С.Н. Указ.соч. - С. 96.
- 10.Заключительный протокол Совещания уполномоченных Обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России от 1 декабря 1915 г.// Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных/ сост. Г.П.Альбат. - М., 1917. - С.36.
- 11.Бюро в Копенгагене//Русский военнопленный. - 1917. - №3. - С.5.
- 12.Заключительный протокол Совещания ... С.37.
- 13.Лагерные комитеты//Русский военнопленный. - 1917. - №4. - С.4.
- 14.Отдел «Общения русского солдата в плену с семьей и родиной» при Московского городском комитет помощи русским военнопленным//Русский военнопленный. - 1917.- №3.- С.2.
- 15.Заключительный протокол Совещания ... С.34.
- 16.Там же. С.35
- 17.Васильева С.Н. Указ.соч. - С. 21.
- 18.Вестник Красного Креста. - 1916. - №1.- С. 116.

В.Б.Синников,
кандидат педагогических наук, доцент
заместитель начальника
по профессиональной
служебной и физической подготовке
(КЮИ МВД России)

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ МВД РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАФЕДР И УЧЕБНО-СТРОЕВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

В статье рассматривается вопрос о реализации схем взаимодействия структурных подразделений вуза для повышения эффективности учебно-воспитательной работы.

Воспитательная работа в учебном заведении системы МВД России – сложный и многогранный процесс, имеющий две взаимосвязанные стороны: обучение и воспитание. Главным направлением этого двуединого процесса является подготовка сознательных, обладающих высокими морально-нравственными и профессиональными качествами сотрудников.

В настоящее время в системе МВД России, в том числе и в вузах МВД России идет процесс реформирования воспитательной работы (приказ МВД России от 1.02.2007 года №120 «О комплексном реформировании системы воспитательной работы в органах внутренних дел»).

Очевидно, что эффективность учебно-воспитательной работы возрастает тогда, когда достигнуто педагогическое взаимодействие между профессорско-преподавательским составом и руководителями учебно-строевых подразделений.

Как показывают наблюдения, профессорско-преподавательский состав в основном ведет воспитательную работу в процессе обучения (70% - в ходе проведения плановых занятий и 20% - в ходе проведения самостоятельной подготовки). Во внеучебное время основная воспитательная работа лежит на руководителях курсов. Они практически на 60% заняты проведением культурно-массовой и спортивной работы, на 90% - проведением воспитательной работы с курсантами и слушателями, на 95% -

выполнением хозяйственных и других задач по обеспечению жизнедеятельности вуза.

Решение сложных и ответственных задач средствами учебно-воспитательной работы требует комплексного подхода.

Процесс подготовки специалистов для ОВД включает в себя, во-первых, овладение курсантами и слушателями необходимыми для их последующей деятельности теоретическими знаниями, отвечающими вузовскому уровню; во-вторых, формирование практических навыков и умений по выполнению служебных обязанностей, соответствующих требованиям квалификационных характеристик выпускаемых институтом специалистов.

Решение этих задач сопряжено с проблемами, которые сопутствуют современному состоянию всего общества, в том числе высшему образованию. Поэтому одно из приоритетных направлений развития образовательной системы представляет собой тесное взаимодействие кафедр с руководителями учебно-строевых подразделений в вопросах организации учебно-воспитательного процесса. Взаимодействие преподавателей с офицерами курсов обусловлено единством задачи подготовки специалистов органов внутренних дел.

В современных условиях большинство абитуриентов, поступающих в вуз, — вчерашние выпускники общеобразовательных школ. И это, безусловно, учитывают пре-

подаватели кафедр и руководители учебно-строительных подразделений в своей повседневной педагогической деятельности, так как учебно-воспитательный процесс в высших учебных заведениях по сравнению с общеобразовательной школой имеет ряд особенностей. К их числу можно отнести следующие:

— сочетание широких образовательных и воспитательных целей с задачами профессиональной подготовки специалистов конкретной квалификации в системе правоохранительной деятельности;

— своеобразие объекта обучения (возрастные, социальные, психологические, физиологические и другие особенности курсантов и слушателей);

— особенности процесса обучения (сочетание теоретического обучения с практической направленностью в подготовке специалистов; многообразие целевых форм и эффективных методов обучения специалистов; большая степень ответственности и самостоятельности курсантов и слушателей в овладении программным материалом за счет увеличения объема самостоятельной работы и выполнения творческих индивидуальных заданий; преобладание дедуктивного метода передачи информации над индуктивным; своеобразие проверки и оценки успеваемости курсантов и слушателей);

— особенности воспитательного процесса (своеобразие социальной среды; потребность в использовании особых форм и методов профессионального воспитания; гибкое сочетание воспитательной роли коллектива с индивидуальным подходом к личности каждого воспитуемого; использование различных организаций и общественных формирований для повышения эффективности и качества воспитательной работы в курсантских и слушательских коллективах в учебном заведении в целом).

Наряду с этими особенностями характерным для вузов является обязательное сочетание учебно-воспитательной работы с научно-исследовательской работой слушателей (НИРС), способствующей развитию

профессионального мышления и формированию навыков исследовательской деятельности.

Необходимо также отметить тот факт, что учеба курсантов и слушателей юридических вузов МВД России сопряжена с несением службы во внутреннем наряде, охраной общественного порядка, участием в совершенствовании учебно-материальной базы института. Все это не только готовит курсантов и слушателей к условиям полицейской работы, но и учит их рационально распределять свое время и быть дисциплинированными.

Интенсивность занятий вызывает необходимость выработки у курсантов и слушателей надлежащей учебной дисциплины для достижения успеха в приобретении умений и навыков. Как показывают наблюдения, курсанты и слушатели, ослабившие подготовку к учебным занятиям по неуважительным причинам, весьма трудно ориентируются в содержании предстоящей работы, с низкими результатами сдают экзамены. В связи с этим, как со стороны преподавателя, так и со стороны руководителей курсов выработана практика взаимосвязанной системы контроля посещения занятий и консультаций, самостоятельной подготовки.

Одним из важных факторов воспитания добросовестного отношения к учебе является работа общественных формирований с неуспевающими курсантами (слушателями). На своих заседаниях члены этих подразделений заслушивают таких курсантов (слушателей), выясняют причины низкой успеваемости.

В условиях высшего учебного заведения МВД России главная цель педагогической деятельности начальников курсов - способствовать развитию профессионально важных качеств личности курсантов, слушателей через организацию разнообразных видов деятельности: интеллектуально-познавательной, ценностно-ориентированной, служебно-боевой, хозяйственной, общественной, художественно-творческой, спортивной, а также

свободного общения. Их задачей является концентрация и интеграция всех позитивных влияний на личность курсанта, слушателя (педагогической среды вуза, семьи, вневузовских учебно-воспитательных учреждений и других), а также нейтрализация и устранение негативных воздействий на каждую личность воспитуемого и целые курсантские коллективы.

Анализ, проведенный психологами института совместно с кафедрой философии, политологии, социологии и психологии, показывает, что в развитии личностных качеств подчиненных существенным воспитательным потенциалом обладает личность руководителя курса: его отношение к жизни, нравственное кредо, эстетическая выразительность, общая культура, педагогическое мастерство.

На первом курсе курсанты выше других ценят в своих руководителях требовательность к подчиненным и личную дисциплинированность (50%), уважительное отношение к курсантам и слушателям (30%). И это не случайно. Наблюдения показывают, что к поступившим на первый курс предъявляются требования соблюдения распорядка дня, служебной дисциплины, следовательно, и курсанты предъявляют адекватные требования к своим руководителям, внимательно следят за их личной дисциплинированностью.

На втором курсе в первую очередь отмечают культуру внешнего вида (40%), терпение, выдержку в достижении целей (26%), объективность и справедливость при принятии решений (26%). Практика показывает, что, поскольку сотрудники курсов в высшем учебном заведении не ведут учебных дисциплин и не могут быть примером глубокого знания предмета, курсанты видят в них эталон в ношении служебной формы одежды. Кроме того, особенностью второкурсников, о чем свидетельствует изучение документов дисциплинарной практики, является возрастающий процент нарушения курсантами служебной и учебной дисциплины; очевидно, в связи с этим в руководителях курса под-

чиненные ценят объективность и справедливость при принятии решений, а также выдержку и терпение.

На третьем и четвертом курсах на первое место курсанты ставят требовательность к подчиненным и личную дисциплинированность руководителей (53%). Очевидно, пребывание на стажировке в практических органах активизирует процесс осознания, что немалое значение в решении задач имеет личная дисциплинированность и ответственность руководителя.

Слушатели *пятого курса* предъявляют новые требования к руководству курса - обладание широким кругозором, высоким уровнем общей культуры (40%), уважение личности обучающегося как личности сотрудника-офицера (36,6%). Поскольку к пятому курсу обучающиеся уже приобрели определенный багаж знаний, сформировали свою точку зрения, они постепенно переходят в новое качество слушателя-офицера, очевидно, поэтому, меняются требования к личности руководителя факультета, курса.

Безусловно, разнообразие и эффективность способов реализации основных форм и методов взаимодействия кафедр с руководителями учебно-строевых подразделений должны быть закреплены в функциональных обязанностях руководи-телей.

В данной работе рассмотрены лишь некоторые аспекты взаимодействия руководства курсов с преподавателями кафедр. Особо отметим то обстоятельство, что и те и другие, каждый в пределах своей компетенции, несут ответственность за подготовку специалиста и офицера органов внутренних дел, его воспитание, прежде всего, методом убеждения без применения мер дисциплинарного воздействия. Использование разноуровневого подхода побуждает курсантов (слушателей) пересмотреть отношение к учебе, службе, не допускать нарушений дисциплины, что в целом существенно повышает уровень подготовленности специалиста.

Г.И. Уразаева,

кандидат психологических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

СТРАТЕГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В данной статье рассматривается структура профессиональной подготовки сотрудников полиции на этапе обучения в юридических институтах МВД России. Системообразующим элементом в структуре профессионального обучения является психологическая подготовка полицейского к повседневным и экстремальным условиям служебной деятельности. В качестве структурных составляющих профессиональной подготовки описываются личностная и социально-психологическая готовность к деятельности, профессионально ориентированная психолого-педагогическая подготовка, специальная подготовка (углубленная факультативная подготовка по отдельным, профессионально значимым сферам психологического знания). Характеризуются задачи обучающего, а также формы и средства практико-ориентированной подготовки.

Высокая социальная значимость деятельности органов внутренних дел в современных условиях определяет необходимость оптимизации основных форм, подходов и технологий профессионального обучения курсантов и слушателей ведомственных образовательных учреждений МВД России [6].

Современные исследования подтверждают, что профессиональное развитие личности сотрудников правоохранительных органов обусловлено значительным числом причин и факторов, которые нуждаются в специальном изучении [1, 3, 4, 5, 10, 13 и др.]

Приоритетной задачей на этапе профессионального обучения курсантов и слушателей юридических институтов МВД России нам видится психологическая подготовка будущих сотрудников к повседневным и экстремальным условиям служебной деятельности.

Общей стратегической целью психологической подготовки сотрудников полиции в процессе профессионального обучения в ведомственных учебных заведениях является качественное системное профессионально ориентированное психологическое образование, которое предполагает развитие способностей практического использования полученных теоретических знаний психологии для решения проблем конкретного человека, реальной группы в юридически значимой ситуации.

Образом данной цели в учебно-воспитательном процессе является подготовка социально адаптированных и активных, эффективных специалистов с развитым профессиональным самоопределением, то есть готовностью осознанно и самостоятельно планировать и реализовывать перспективы своего профессионального развития [7, 8, 10, 11]. Для этого необходимо обучение студентов фундаментальным основам психологической науки, навыкам теоретического и практического овладения знаниями и методами построения общения и взаимодействия с людьми в различных условиях их жизнедеятельности [9, 12].

Указанная цель достигается посредством формирования у курсантов и слушателей особого типа рефлексивного мышления, в основе которого лежит представление о сложности, амбивалентности содержания психической деятельности и феноменов поведения человека, понимание неоднозначности существующих, устоявшихся форм и способов оценки поведения человека [2].

В данном случае наиболее целесообразно использование в качестве основы организации управления учебно-воспитательным процессом стратегии личностно-ориентированного обучения, модели совместной продуктивной и творческой деятельности педагога с обучаемым как целостной учебно-воспитательной ситуации [8, 12].

В рамках общей стратегической цели выделим составляющие её частные цели обучения юридической психологии:

1) формирование профессионально ориентированной психологической готовности – теоретическое и практическое овладение основами психологических знаний и методами организации взаимодействия с людьми в различных условиях их жизнедеятельности;

2) формирование интеллектуальной готовности – развитие профессионального, рефлексивного мышления;

3) формирование личностной готовности – личностной позиции в контексте субъект – субъектных отношений;

4) формирование социально-психологической готовности – развитие основных видов социального поведения (организационного, конвенционального, ритуального, ролевого, творческого), развитие адаптивности и вариативности личности будущего специалиста, его лидерских склонностей, деловой инициативы, коммуникативно-организационных способностей, навыков предприимчивости и выживаемости на основе нравственного, правового сознания.

Ведущими методологическими принципами психологической подготовки сотрудников полиции выступают:

1) принцип системности (П.К. Анохин, Б.Ф. Ломов, Л.М. Аболин). Применительно к нашему вопросу он определяется следующим образом: если рассматривать профессиональное мастерство как системное, сверхчувственное качество специалиста, характеризующееся единством интеллектуальных, волевых, эмоциональных и телесных моментов саморегуляции деятельности, то в основе формирования профессионального мастерства будут лежать не отдельные, изолированные условия, действия и операции, а некоторая последовательность и взаимосвязь вышеперечисленных моментов саморегуляции деятельности (Л.М. Аболин);

2) принцип субъектности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.И. Слободчиков) – субъектности как рефлексивного и творчески преобразующего отношения челове-

ка к своей жизни как к предмету собственной деятельности (В.И. Слободчиков);

3) принцип толерантности (Л.М. Попов) – терпимо-уважительного отношения к другому человеку, его индивидуальным склонностям; способности адаптироваться к другому, войти в его положение и стимулировать его личностный рост;

4) принцип саморазвития и самореализации (А. Маслоу, К. Роджерс) – реализации субъектом на протяжении всей жизни своего потенциала с целью стать полноценно функционирующей личностью;

5) принцип единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн) – признания неразрывной взаимосвязи психики (сознания) и деятельности (поведения);

6) принцип приоритетов в шкале ценностей: приоритет общечеловеческих ценностей для всех людей любой нации, языка, расы, вероисповедания при соблюдении ценностей национальной культуры (М.И. Махмутов).

Основные направления организации обучения, обеспечивающие психологическую подготовку сотрудников полиции: научное (в том числе теоретическое и прикладное) и практическое. Их единство обеспечивается 4-х компонентной структурой процесса обучения, профессиональной подготовки.

СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

I. Личностная и социально-психологическая готовность к деятельности

Основные системы управления: личность в группе, интеллект, процесс саморегуляции.

Задачи обучающего:

1.1. Создание психолого-педагогических условий для личностного роста и развития, преодоления обучающимися субъективных проблем, актуализации у обучаемых нравственных ориентиров (диспозиций) в предстоящей работе с людьми.

1.2. Развитие у обучаемых адаптивности и вариативности поведения, конкурентоспособности личности.

1.3. Формирование у курсантов и слушателей самоконтроля и самооценки действий, поведения, деятельности, общения.

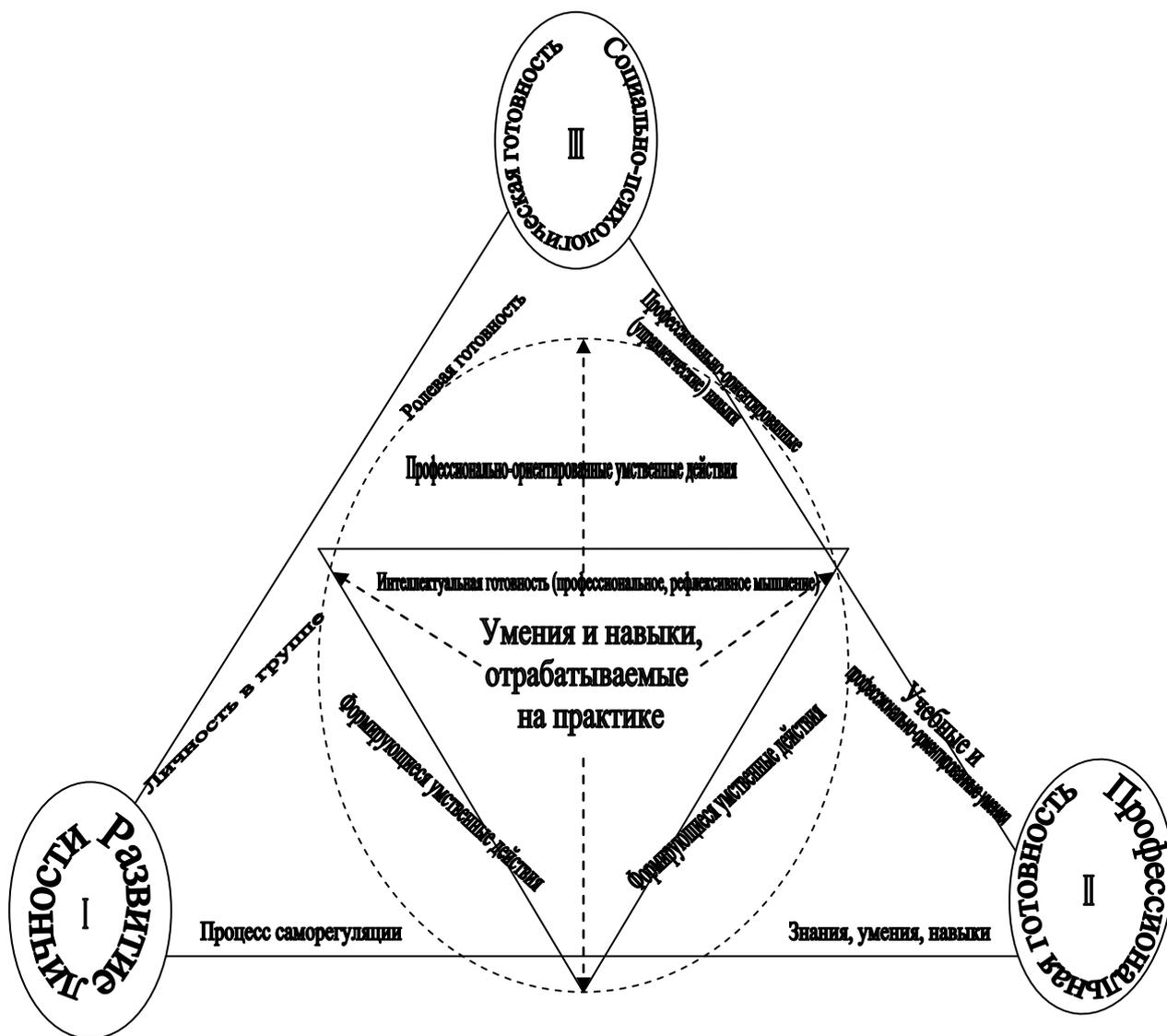

Рис. 1. Модель взаимосвязи структурных составляющих профессиональной подготовки по психолого-педагогическим дисциплинам

Формы и средства практико-ориентированной подготовки:

- индивидуальное и групповое консультирование студентов;
- тренинги (саморегуляции, коммуникативные, интеллектуальные);
- оптимальная дистанция между преподавателями и обучающимися, формирование профессионально-развивающей среды;
- индивидуальная работа с одаренными курсантами и слушателями в форме научно-исследовательской и социально-психологической подготовки (тренинги, конференции, круглые столы, семинары, кружки, факультативы, подготовка кон-

курсных научно-исследовательских работ и др.);

- наставничество с целью улучшения профессиональных навыков, тренировки перцептивных навыков и навыков концептуализации, реализации на практике профессиональных умений.

II. Профессионально ориентированная психолого-педагогическая подготовка

Основные блоки в системе управления: знания, умения, навыки, формирующие умственные действия.

Задачи обучающего:

2.1. Развитие у обучаемых разных видов мышления: теоретического и практического, продуктивного и репродуктивного,

аналитического и интуитивного, творческого и критического;

2.2. Формирование навыков обнаружения психологической информации в речи, поведении собеседника, в продуктах его творческой деятельности (от того, насколько качественно в своих специфических признаках она будет выделена, будет зависеть и качество всех остальных этапов ее переработки и использования).

Формы и средства практико-ориентированной подготовки:

- последовательная презентация основных направлений академической и практической психологии, педагогики, юридической психологии (расширение аспектов анализа психики позволяет курсантам и слушателям определиться в собственном отношении к каждой из представленных парадигм и одновременно усмотреть возможные перспективы дальнейшего развития теоретических взглядов на предмет психологической, педагогической науки);
- отработка профессиональных умений и навыков на практических занятиях и постоянно действующих семинарах различной методологической ориентации;
- практикумы по формированию умения учиться;
- научно-практические и студенческие конференции;
- групповые активные методы обучения (прежде всего, проблемное обучение, интерактивное обучение).

В диалоговых учебно-воспитательных ситуациях развивается наиболее широкий спектр профессионально-важных качеств: от навыков активного слушания и ведения дискуссий до профессионально личностных качеств, таких как ответственность, самоконтроль и др.

III. *Специальная подготовка (углубленная факультативная подготовка по отдельным, профессионально значимым сферам психологического знания)*

Основные блоки в системе управления: специальные и социально-психологические знания, умения, навыки, формирующиеся профессиональ-

но ориентированные умственные действия.

Задачи обучающего:

3.1. Углубление профессиональной специализации (психологических основ диагностики уровня развития личности, группы, сформированности управленческих знаний, умений, навыков).

3.2. Совершенствование социально-психологической и профессиональной ролевой подготовки: развитие системы представлений о социальной роли юриста, развитие ролевого поведения.

3.3. Развитие навыков профессиональной рефлексии.

Формы и средства практико-ориентированной подготовки:

- общепрофессиональные дисциплины, спецкурсы, факультативы, тренинги, практика, социально-психологические практикумы (в рамках социальной психологии, конфликтологии);
- привлечение к учебному процессу высококвалифицированных практикующих специалистов;
- стимулирование и подкрепление профессионально ориентированной активности обучающихся (поддерживая желание курсантов и слушателей самостоятельно обеспечивать себя, стоит обосновать необходимость делать это, используя те навыки и способности, которые являются ценными в будущей профессии);
- привлечение к практической деятельности через прикладные проекты (например, разработка рекламы своего вуза открывает обучающимся возможности для своей профессиональной самореализации);
- поддержка профессионально-общественных и научных студенческих объединений (идентифицируя себя с профессиональным сообществом, курсанты чувствуют свою самостоятельность, что укрепляет и стабилизирует профессионально-личностную позицию).

Таким образом, в процессе обучения обеспечиваются условия для развития уникальных способностей, индивидуальности каждого обучающегося. У курсантов развивается профессиональ-

ное сознание, мышление, происходит научение опыту анализа психологических феноменов в контексте жизненного пути человека, формируется умение применить академические психологические знания в практике социального взаимодействия.

Эффективность современных технологий обучения и подготовки специалиста нового типа непосредственно зависит от преподавателей вуза, субъектов управления, умеющих выбрать и успешно реализовать технологию, адекватную целям и задачам развития обучаемых.

Литература

1. Бабичев И.В. Акмеологические факторы развития профессионально-важных качеств оперативных сотрудников правоохранительных органов: дис.канд.психол.наук. – М., 2011. – 161 с.
2. Барышева Т.Д. Психолого-акмеологические технологии развития рефлексивности обучающихся в профессиональном образовании // Дополнительное профессиональное образование: от спроса до признания. Тезисы докладов 7-й Всероссийской конференции Межгосударственной ассоциации последиplomного образования, РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина. — М., 2011. — С.5-6.
3. Вольнов Р.В. Психолого-правовые особенности обеспечения психологической безопасности личности: дис. ...канд.психол.наук по спец. 19.00.06 (юридическая психология).. – М., 2011. – 185 с.
4. Еремеев С.Г. Психологическое воздействие следователя на участников уголовного судопроизводства, его правомерность и допустимость: дис. ...канд.психол.наук. – М., 2010. – 278 с.
5. Кузнецов Л.Ю. Негативные эмоциональные состояния у сотрудников органов внутренних дел в опасных ситуациях профессиональной деятельности и пути их психологической профилактики: дис.канд.психол.наук. – М., 2010. – 217 с.
6. Модернизация российского образования: тренды и перспективы. Книга 2 / Т.Д. Барышева и др.; отв. ред. А.А. Киселев. — Краснодар: АНО «Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012. — 362 с.
7. Недосека Е.В., Недосека О.Н. Социальная адаптация: учеб. пособие. – Мурманск: Изд-во МГГУ. - 2011. – 140 с.
8. Планирование и организация изучения качества воспитательного процесса в учреждениях профессионального образования : метод. рекомендации / авт.-сост. : Т. А. Сезень и др. ; под ред. О. С. Поповой, С. Р. Бутрим.–Минск : РИПО, 2011. – 257с.
9. Секреты педагогического мастерства: монография / В.Э. Черник и др. ; под общ. ред. Е.В. Коротаевой, С.С. Чернова. — Книга 4. — Новосибирск: ЦРНС, 2009. — 172 с.
10. Старостин С.Н. Влияние профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел на выбор стратегий поведения в служебных конфликтах: дис....канд.психол.наук.– М., 2011. – 139 с.
11. Тузова О.Н. Адаптация личности. Теория и практика: монография. — Мурманск: МГПУ, 2009. — 107 с.
12. Тучкова Т.В. К вопросу об условиях и механизмах создания психологической безопасности образовательной среды // Психологическая безопасность личности в образовательном пространстве: материалы I Всероссийской виртуальной научно-практической конференции 1-30 ноября 2010 г. / отв. ред. М.Ю. Двоглазова. — Мурманск: МГГУ, 2011. — С.129-133.
13. Шихова А.П. Профессиональный стресс в деятельности сотрудников специализированных подразделений дознания: дис. ...канд.психол.наук. – СПб., 2009. – 177 с.

Д.В. Деккерт,
соискатель
(ФГБОУ ДПО
«Учебный центр ФПС по Челябинской области»)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ГПС МЧС РОССИИ

Рассматриваются вопросы формирования профессиональной культуры сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России. Особая роль в этом отводится процессу обучения и развития коммуникативных качеств сотрудника. Практическая психологическая подготовка является тем направлением, которое позволяет развивать у слушателей наилучшие коммуникативные качества в процессе становления их профессиональной карьеры.

В нынешний век развивающихся технологий наибольшую ценность всё более и более приобретают не только определённые личностные качества специалиста, но и профессиональные. Развитие всего человечества напрямую связано с модернизацией труда в той или иной сфере. Проблема становления специалиста любой отрасли достаточно актуальна. Формирование личности сотрудника ГПС МЧС России - достаточно длительный и трудоёмкий процесс. В современных условиях для сотрудника МЧС жизненно важным является готовность к сотрудничеству, взаимопониманию, решению профессиональных проблем, умение грамотно общаться, находить точки соприкосновения и достигать консенсуса, что во многом определяет не только процесс социальной адаптации, но и процесс профессиональной реализации. На наш взгляд, коммуникативные качества являются элементом профессиональной культуры. В связи с этим особую роль в формировании профессиональной культуры сотрудника играет процесс обучения. Безусловно, нельзя считать его главенствующим, но, на наш взгляд, он является одним из важнейших.

Субъективная и объективная сущность человека по своему исходному основанию связана со способностью индивида превращать собственную жизнедеятельность

в предмет практического преобразования. Характерными свойствами этого процесса является способность человека управлять, преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий. Фундамент этого закладывается в процессе обучения. Формирование профессиональной культуры сотрудника Государственной противопожарной службы МЧС России – процесс достаточно продолжительный. Но требование времени таково – это процесс не должен быть затянут. В этой связи особая ответственность ложится на учреждения дополнительного профессионального образования в системе МЧС России. Эту роль выполняют Учебные центры Федеральной противопожарной службы. В рамках подготовки сотрудников МЧС, вне зависимости от специализации, активный деятельностный подход призван обеспечивать психологическую, мотивационную и предметную готовность обучающего к профессиональной деятельности. Это проявляется в том, что субъект деятельности (слушатель), приобретает видение себя как развивающейся личности, создаёт концептуальную модель деятельности и получает навыки её построения.

Формирование коммуникативной составляющей как элемента профессиональной культуры в условиях учебного образовательного учреждения МЧС России предполагает наличие собственной познавательно-волевой активности обучающегося, ориентировочно-поисковой деятельности. Но, с другой стороны, велика роль преподавательского состава и кураторов групп. Таким образом, если вывести целостную картину по процессу формирования профессиональной культуры в рамках учебного процесса, то можно выделить несколько стадий: 1) первоначальная, в которой сочетаются такие методы, как самоисследование, самонаблюдение, элементы моделирования ситуаций, отношений и деятельности; 2) основная, характеризующаяся методом моделирования; 3) заключительная.

Акцентуация на данных стадиях образовательного процесса в учебных центрах основана на симбиозе трёх отраслей обучения – теоретическом, практическом и учебном проектировании, так как данные компоненты профессионального образования соотносимы с наличием теоретических, проектировочных и практических составляющих в профессиональной деятельности.

Жизненный опыт представляет собой самобытный синтез разнообразных умений и навыков, эмпирических знаний, нравственных принципов, вырабатываемых в процессе жизни и направленных на решение её проблемы, следовательно, регулярно проверяемых практикой. [1]

Особое место в формировании профессиональной культуры сотрудников МЧС

России занимает практическая психологическая подготовка. Причём не в виде отдельной учебной дисциплины, а как комплекс разработок к каждой преподаваемой дисциплине. Наиболее удобной формой применения психологии в учебном процессе являются: групповая работа в виде дискуссии, группового принятия решения, группового обсуждения отдельного случая, игровые методы, элементы социально-психологического тренинга в обучении.

При работе в группах слушатели анализируют ситуации путём обсуждения, находя истину, или правильное решение, преодолевая, таким образом, определённые психологические барьеры. Также в процессе такого группового взаимодействия апробируется и реализуется адекватный мотивам и целям профессиональной деятельности индивидуализированный поведенческий вариант, устанавливается необходимый баланс рационального и эмоционального в саморегуляционном процессе. [2]

Коммуникативная составляющая профессиональной культуры сотрудника – неотъемлемая часть его профессиограммы. Наиболее удобным и продуктивным способом развития данного качества являются групповое обсуждение и последующая практическая реализация решения вопроса. Всё это в свою очередь предполагает проектирование модульной системы обучения на образовательные учреждения МЧС России. Данный передовой опыт моделирования и разбора конкретных ситуаций может способствовать наибольшему эффекту подготовки слушателей.

Литература

1. Запрутин Д.Г. Коммуникативная активность как фактор формирования профессиональной культуры будущих сотрудников МВД // Коммуникативный процесс в вузе: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. - Челябинск, 2008. - С. 47.
2. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. - Л., 1985. - С. 175.

К.В. Рылов,
аспирант

(Академия социального образования (г. Казань))

**РЕФОРМЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ПЛЮСЫ И МИНУСЫ**
(на примере упразднения неоднократности преступлений)

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с реформами в уголовном законодательстве. В частности, на примере упразднения неоднократности преступлений автор выражает собственную позицию вслед за точкой зрения ряда ученых, представленной в рамках данной статьи.

В концепции судебной реформы определены ее цели и задачи, направленные на повышение эффективности судебной системы в целом и совершенствование законодательства. В основе правоохранительной деятельности должен быть признан приоритет защиты основных конституционных прав и свобод человека.

Ключевым содержанием правосудия является деятельность по охране прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов организаций, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя государства и так далее. Сюда же относится деятельность по предупреждению совершения преступлений, применению юридических мер воздействия на преступников, а также правозащитная деятельность [1].

В основе этой деятельности лежит уголовный закон. Следовательно, именно норма уголовного закона является основой для оценки деяния с точки зрения общественной опасности его совершения. Перечень общественно опасных деяний, содержащихся в уголовном законе, подлежит расширению, не иначе как в установленном законом порядке.

На основании ст. 1 Уголовного кодекса РФ новые законы, «предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий кодекс» [2].

Судебное толкование, научное комментирование какой-либо правовой нормы уголовного закона производится только на

основе закона, в рамках закона и в пределах законодательных формулировок. При наличии в законе пробела, то есть обстоятельства, при котором правовая норма не регулирует или недостаточно регулирует какое-либо общественное отношение, этот пробел в уголовном праве устраняется только законодательным путем. Запрет применения уголовного права по аналогии установлен в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса РФ [3].

Проявление различных форм негативных социальных отклонений, перерастание их в общественно-опасные требует специального криминологического изучения для выработки антикриминальных мер воздействия на них, что невозможно без уяснения сущности каждого конкретного преступления, анализа данной формы преступного поведения. В связи с этим возникает целый ряд проблемных вопросов, касающихся уголовно-правовых норм об ответственности за совершенное деяние [4].

Для решения необходимо создание реально действующего правового механизма. Как и другие правовые нормы, уголовно-правовые нормы безусловны. Поэтому реформы в области законодательства с учетом особенностей регулирования в сфере уголовного права периодически происходят, но всегда ли они облегчают механизм уголовно-правового регулирования?

Нельзя не отметить, что на практике назначения наказаний некоторые новшества

вносят еще большую противоречивость и неоднозначность применения норм.

Весьма показательным в этом отношении является упразднение неоднократности преступлений законом № 162-ФЗ от 8.12.2003 г. Ликвидация неоднократности означает фактически отказ от упрощенной квалификации нескольких преступлений. Правоприменитель, следовательно, должен учитывать при вынесении решения о наказании каждое преступное действие по отдельности вместо практиковавшейся ранее повышенной ответственности за последний криминальный эпизод. Однако в Уголовном кодексе сохранена практика преследования случаев уклонения от отбывания наказаний в виде штрафа (ч. 5 ст. 46 УК РФ), исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ), ограничение свободы (ч. 4, ст. 53 УК РФ) в виде замены первичной меры ответственности более суровым наказанием. Формально повторного осуждения нет, а существенное ужесточение уголовной ответственности (даже за пределами санкции статьи, по которой лицо первично было осуждено) имеет место. Вряд ли это представляется логичным и законным. Узкое толкование этого юридического определения – (нельзя обособленными приговорами наказывать дважды за одно и то же преступление) – исключает претензии к любой сфере множественности [5]. То есть прежний факт преступного поведения не наказывается, а лишь учитывается при новом преступном действии одного и того же лица как обстоятельство, влияющее на квалификацию или размер наказания за вновь совершенное злодеяние.

Положение о невозможности двойной ответственности за одно и то же преступление проявляется в законно-дательных решениях проблем, связанных с институтом множественности [6].

Множественность есть форма повторного вызова преступника к закону и всей правоохранительной системе. Но здесь можно предложить следующий аргумент: чем больше форм множественности содержит закон, тем больше официальных,

оказывающих превентивное воздействие возможностей для дифференциации уголовной ответственности, тем ближе мы к идеалу уголовного права – справедливости. Можно, конечно, жонглировать терминами, а можно взглянуть на вопрос предельно просто – ликвидация одной из трех форм множественности уменьшает на одну треть возможности индивидуального подхода к преступнику. Критика неоднократности в науке основывалась, собственно, на технических недостатках прежней редакции Уголовного кодекса: бывшая форма множественности по логике представляла собой специализированную повторность, не связанную с судимостью, так как для следующей по очереди формы множественности – совокупности прямо отрицалась законом (ч. 1 ст. 17 УК РФ), но не для последней формы множественности – рецидива (ч. 1 ст. 18 УК РФ).

В прежней редакции Уголовного кодекса РФ логика регламентации множественности – это по большей части ситуативная повторность, именуемая неоднократностью. Но это и есть рецидив в самой дерзкой форме повторения преступного поведения, фактически означающий вызов преступника уголовной юстиции.

Нельзя не согласиться с высказыванием А. Бойко, что с точки зрения задач борьбы с преступностью оснований для сохранения в законе у «неоднократности» более, чем у «совокупности».

Наличие неоднократности и отсутствие реальной совокупности преступлений базируется на международно-правовом (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах), конституционном (ст. 50 Конституции РФ) и уголовно-правовом (ч. 2 ст. 6 УК РФ) принципах: никто не может дважды отвечать за одно и то же преступление.

Если, к примеру, квалифицировать два последовательно совершенных преступления не только по признаку неоднократности, но еще первое преступление – самостоятельно, то фактически за первое деяние лицо будет нести ответственность

дважды. Поскольку двойное вменение за совершение одного и того же деяния невозможно, то реальная совокупность в таких случаях недопустима [7].

При толковании неоднократности тождественных преступлений в юридической литературе можно встретить взаимоисключающие определения, а отдельные понятия даже входят в резкое противоречие друг с другом. Неоднозначность трактовки одного и того же понятия приводит к разным предложениям по квалификации преступлений как в теории, так и в судебной практике.

В прежней редакции Уголовного кодекса РФ неоднократность служила формой множественности преступлений и использовалась двояко: как квалифицирующий признак (статьи Особенной части) – сокращающий возможную многократную ответственность до одного приговора и как

отягчающее обстоятельство (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

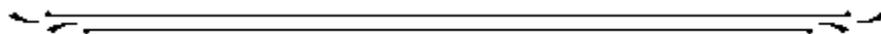
Но параллельное употребление двух свойств исключилось, так как в уголовном праве давно действует принцип запрета двойного учета одних и тех же обстоятельств (ч. 3 с. 61 и ч. 2 ст. 63 УК РФ).

Социально-политический, нравственный и юридический смысл этого норматива заключается в сокращении принуждения до минимума (одно квалифицированное преступление вместо нескольких с «простыми» составами). Следовательно, напрашивается вывод: вероятно, имело бы смысл вернуть неоднократность в закон и практику.

Очевидно, что было бы целесообразнее и экономичнее просчитать априори все плюсы и учесть все минусы предлагаемой реформы, нежели создавать искусственные проблемы и далее заниматься поисками путей их решения.

Литература

1. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т.1. Общ. часть. - М., 2007. -С. 179.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ/ под. ред. В.М. Лебедева. - 3-е издание.- М., 2008. - С. 896.
3. Кузнецова Н.Ф. Мнение ученых о реформе УК РФ// Уголовное право. 2004. №1.
4. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла//Государство и право.- 2007. - №5. - С. 51-52.
5. Бойко А.И. Верните неоднократность// Законность. - 2006. - № 1. - С. 12-13.
6. Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ// Законность. - 1998. - № 12. - С. 2-7.
7. Иногамова-Хегай Л.В. Неоднократность и конкуренция норм: некоторые спорные вопросы квалификации преступлений и назначения наказания//Уголовное право. – 2002. - № 2. - С. 30-33.

М.Ю. Колбеева,
адъюнкт
(Академия управления МВД России)

УВЕДОМЛЕНИЕ О ПОДОЗРЕНИИ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Статья посвящена вопросу перспектив реформирования института привлечения лица в качестве обвиняемого. Автором изложены доводы о снижении значения акта привлечения в качестве обвиняемого, а также представлены аргументы обоснования предложений о замене норм о привлечении лица в качестве обвиняемого на уведомление о подозрении в совершении преступления аналогично имеющемуся при производстве дознания.

Интенсивные преобразования в области гарантий и защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, являются характерной чертой развития российского законодательства на современном этапе. С учетом этого в рамках обновления всей правовой системы государства принятие УПК РФ, провозгласившего назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод, направлено на укрепление гарантий обеспечения прав личности.

Вместе с тем вполне очевидно, что до настоящего времени, несмотря на постоянные изменения и дополнения уголовно-процессуальных норм, правоприменители по-прежнему сталкиваются с рядом проблем обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого), обусловленных различными причинами.

Справедливо будет отметить, что нормы действующего уголовно-процессуального законодательства являются свидетельством состоявшегося перехода от инквизиционной уголовной юстиции к охранительной, что само по себе не могло не отразиться на восприятии и значении отдельных правовых институтов уголовного судопроизводства.

Надо полагать, что «репрессивная» роль акта привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях охранительного характера правовых норм уголовного судопроизводства нуждается в переосмыслении значения данного процессуального института.

В период действия УПК РСФСР предъявление обвинения ознаменовывало начало реализации функции обвинения и корреспондирующей ей функции защиты. Процессуальный статус обвиняемого предполагал принципиально иные по качеству и более широкие по объему права в отличие от подозреваемого.

По УПК РФ к моменту предъявления обвинения обвинительная деятельность уже имеет место быть, для защиты от нее подозреваемый наделен достаточно широким перечнем процессуальных прав. Необходимо понимать, что для реализации позиции защиты преследуемое лицо заинтересовано иметь информацию относительно формируемого против него обвинительного тезиса. Однако формулирование обвинения, с учетом выполнения требований обоснованности, достаточности собранных доказательств виновности лица в совершении преступления, а также предусмотренная законом процедура его предъявления и перепредъявления, с одной стороны, не способствует реализации прав гражданина, вовлеченного в уголовное су-

допроиз-водство, и лишает преследуемое лицо возможности своевременно быть уведомленным об имеющихся против него сведениях, а с другой, создает излишнюю заформализованность в работе следователя в угоду соблюдения его деятельности требованиям УПК РФ.

Таким образом, существующий в современном виде институт привлечения лица в качестве обвиняемого, сохранивший в себе основные черты аналога советского периода, явно диссонирует с системой обновившихся норм действующего уголовно-процессуального законодательства. В настоящее время самим законодателем создано достаточно предпосылок для реформирования института привлечения лица в качестве обвиняемого.

В качестве одной из приемлемых и вполне уместных мер по совершенствованию исследуемого правового института видится замена его на институт уведомления о подозрении по аналогии с существующим порядком уведомления лица о подозрении в совершении преступления по уголовным делам, возбужденным по факту совершения преступления при расследовании уголовных дел в форме дознания.

Однако для реализации столь радикального предложения при производстве предварительного следствия диссертанту представляется необходимым выяснить, что же подразумевается под понятием «подозрение» в современном уголовном процессе?

Указанные в УПК РФ основания позволяют определить момент начала деятельности следователя, дознавателя, органа дознания по выдвижению подозрения в отношении конкретного лица. В соответствии со ст. 46 УПК РФ возникновение подозрения увязывается с деятельностью должностных лиц по изобличению подозреваемого, в частности, с вынесением определенного процессуального акта. А следовательно, начальным моментом к этому служит получение определенной информации в отношении конкретного лица, которая и вызывает у следователя или дознавателя подозрение. Но оно будет оставать-

ся лишь субъективным внутренним убеждением правоприменителя до тех пор, пока не будет облечено в установленную УПК РФ форму.

Вместе с тем очевидно, что совершение действий и принятие решений, приводящих к появлению подозреваемого (например, о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, когда еще нельзя вести речь о доказывании и доказательствах), могут быть обусловлены не только доказательствами по уголовному делу, но и имеющейся непроцессуальной информацией.

Поэтому на основании действующих в настоящее время норм УПК РФ, можно заключить, что подозрение – это момент персонификации уголовного преследования, представляющий собой основывающееся на собранной процессуальной и непроцессуальной информации, выраженное вовне предположение лица, ведущего расследование по уголовному делу, о совершении лицом расследуемого преступления. Исходя из этого лицо в обязательном порядке должно быть своевременно уведомлено относительно имеющегося в отношении него подозрения, то есть получить статус подозреваемого – знать свои права и иметь реальную возможность реализовать их.

Действующим УПК РФ особый порядок уведомления лица о подозрении предусматривается только по уголовным делам, расследуемым в форме дознания. То есть, если по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, получены достаточные данные, позволяющие подозревать конкретное лицо в совершении преступления, то оно не может оставаться в неведении относительно осуществляемого в отношении него уголовного преследования.

Надо полагать, что введение данной нормы, в первую очередь, было направлено, на своевременное обеспечение лицу, подозреваемому в совершении преступления, права пользоваться помощью защитника, поскольку раньше в случае возбуждения уголовного дела по факту соверше-

ния преступления, если не производилось задержание в порядке, предусмотренном ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, и не избиралась мера пресечения в порядке, предусмотренном ст. 100 УПК РФ, лицо приобретало статус подозреваемого лишь после допроса в качестве подозреваемого. Такое положение не предоставляло подозреваемому гарантированной возможности иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого, что в свою очередь являлось нарушением права подозреваемого, установленного п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Необходимость уведомления о подозрении в совершении преступления при производстве дознания установлена ст. 223¹ УПК РФ, но его сущность логически следует из провозглашенных УПК РФ принципов состязательности и равноправия сторон. Данные принципы являются универсальными и распространяют свое действие на все стадии уголовного судопроизводства, в том числе, и на досудебные независимо от формы предварительного расследования.

На основании сказанного можно утверждать о возможности введения в УПК РФ идентичной нормы и для предварительного следствия.

Как следует из содержания требований ст. 223¹ УПК РФ, дознаватель должен составить два документа: уведомление и протокол о вручении лицу копии уведомления. Вручение копии уведомления должно сопровождаться разъяснением подозреваемому предоставленных законом прав. В течение трех суток с момента вручения лицу копии оно также должно быть допрошено по существу подозрения. Кроме того, копия уведомления должна быть направлена прокурору.

По своему содержанию и порядку доведения его до подозреваемого уведомление о подозрении отчасти напоминает институт привлечения лица в качестве обвиняемого. Вместе с тем закон в отличие от требований, предъявляемых к привлечению

лица в качестве обвиняемого, основываясь на достаточных доказательствах, указывает на необходимость вынесения уведомления о подозрении при получении в ходе дознания *достаточных данных* для этого.

На наш взгляд, так как уведомление о подозрении в соответствии со стоящими перед ним задачами должно произойти как можно раньше, вероятнее всего именно на начальном этапе расследования, то получение достаточных данных о причастности лица к совершению преступления возможно не только в ходе непосредственно дознания, но и на этапе возбуждения уголовного дела, при осуществлении доказывания. В основу подозрений могут быть положены сведения о причастности лица, полученные из самого сообщения о преступлении либо материалов его предварительной проверки. Вместе с тем объем данных, собранных при рассмотрении сообщения о преступлении, не всегда позволяет возбудить дело в отношении лица, поэтому оно возбуждается по факту.

Учитывая, что любое уголовно-процессуальное решение принимается на основе фактических данных, которые могут иметь различную природу, являясь либо доказательствами, т. е. сведениями, полученными из определенных законом источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), или иными данными, полученными, в том числе в результате оперативно-розыскной деятельности (ч. 1 ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]). Поэтому, исходя из общих теоретических положений доказательственного права, надо полагать, что в основу принятия решения об уведомлении лица о подозрении могут быть положены как доказательства, так и иная информация. Именно такой подход к вынесению данного решения позволяет, своевременно наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого и позволить ему противостоять подозрению.

Отдельные авторы весьма прагматично относятся к установленному УПК РФ порядку уведомления о подозрении, считая

его неоправданно сложным, и высказывают точку зрения, что дознавателю достаточно было бы объявить лицу о возникшем подозрении перед началом его допроса в качестве подозреваемого, как это было предусмотрено ст. 123 УПК РСФСР [2]. Это вполне приемлемо, если исходить из существующего в настоящее время порядка производства предварительного расследования, когда подозреваемый является временным участником уголовного процесса.

Однако с учетом сложившихся в современном уголовно-процессуальном законодательстве условий считаем возможным исключение из стадии предварительного расследования такого участника, как обвиняемый, и превращение подозреваемого в постоянного участника досудебных стадий уголовного судопроизводства, вплоть до момента вынесения обвинительного заключения.

В таком случае процедура уведомления лица об имеющемся в отношении него подозрении в совершении преступления, в том виде, в котором она сегодня установлена для дознания, при введении ее в правила производства предварительного следствия вполне могла выступить заменой института привлечения лица в качестве обвиняемого.

При этом подозреваемый становится постоянным участником стадии предварительного расследования и приобретает статус обвиняемого лишь с момента составления обвинительного заключения. Но за подозреваемым должно быть сохранено право по окончании предварительного следствия знакомиться со всеми материалами уголовного дела и обвинительным заключением.

Ознакомление же лица с обвинительным заключением, по аналогии с процедурой, предусмотренной для производства дознания, должно стать одновременно ознакомлением с итоговым решением по уголовному делу и обвинительным тезисом.

Думается, что действующим УПК РФ, а также складывающейся практикой реализации требований уголовно-

процессуального закона для этого создано достаточно предпосылок и предложения подобного реформирования являются оправданными и своевременными. Аргументами в защиту высказанных предложений может служить следующее.

1. Снижение значения акта привлечения лица в качестве обвиняемого с учетом расширения перечня прав подозреваемого (в том числе до момента предъявления обвинения), предусмотренного УПК РФ. На это также указали 65,8 % респондентов из числа следователей и дознавателей, 22,4 % не согласились с данным утверждением и лишь 11,8 % затруднились сформулировать свою позицию по данному вопросу.

2. Уменьшение разницы в правовых статусах подозреваемого и обвиняемого. Сравнивая процессуальные права данных участников уголовного судопроизводства, можно говорить об уточнении прав лица, занявшего положение обвиняемого, и наделении его полномочиями, присущими тем стадиям, в которых подозреваемый попросту не участвует – окончание предварительного следствия с направлением уголовного дела в суд, а также в качестве обвиняемого (подсудимого) в соответствующих стадиях судебного производства. Так, простое сравнение перечня прав, изложенных в ст. 46 (подозреваемый) и ст. 47 (обвиняемый) УПК РФ, внешне обнаруживает у обвиняемого большее количество прав. Однако их анализ показывает, что в ст. 47 УПК РФ детально отражены общие права лиц, подлежащих уголовному преследованию, а именно: пользоваться помощью защитника и иметь с ним свидание конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности; снимать копии с материалов уголовного дела; возражать против прекращения уголовного дела по определенным основаниям, а также ряд прав, реализуемых исключительно в судебных стадиях, – ознакомление с протоколом судебного заседания, обжалование приговора и других судебных решений, участие в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. Кроме того, в ст. 46 УПК РФ прямо не указаны отдель-

ные права подозреваемого, которые закреплены в других нормах. В частности, права при назначении и производстве судебной экспертизы у этих двух участников процесса идентичны. Таким образом, переход к новому качеству путем привлечения лица в качестве обвиняемого по действующему УПК не столь радикален. Данную точку зрения поддержало большинство практических сотрудников, 71,6 % из которых указали на несущественность различий в объеме процессуальных прав обвиняемого в сравнении с подозреваемым.

Кроме того, подавляющее большинство из опрошенных следователей и дознавателей - 93,9 % - утвердительно ответили на вопрос: позволяют ли существующие в УПК РФ правила, предусматривающие установление процессуального статуса подозреваемого с момента возбуждения уголовного дела, задержания, избрания меры пресечения и момента уведомления лица о подозрении, обеспечивать права данного лица в соответствии с правами обвиняемого.

3. Сегодня институт привлечения в качестве обвиняемого представляет весьма затратный финансовый механизм. Кроме того, на организацию и проведение предъявления обвинения органом расследования затрачивается значительное время.

Для составления одного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого даже по одно- или двухэпизодному делу следователю необходимо как минимум два часа рабочего времени. Не меньше времени занимает непосредственно и процедура предъявления обвинения и последующий допрос обвиняемого.

Как было установлено в результате изучения материалов архивных уголовных дел: по 33,4 % уголовных дел на предъявление обвинения было затрачено примерно около часа, по 51,5 % уголовных дел – от 1 до 2 часов рабочего времени, в 15,1 % случаев предъявление обвинения заняло более двух часов. При этом по 40,2 % уголовных дел предъявление обвинения осуществлялось два и более раз. Вместе с тем,

как правило, первичное предъявление обвинения (так называемое «дежурное» обвинение), предъявление которого обусловлено установленным УПК РФ ограничением, связанным с избранием меры пресечения, к моменту окончания расследования по уголовному делу обычно подлежит дополнению или изменению. Налицо необоснованные затраты на производство указанного следственного действия с учетом количества расследуемых ежегодно уголовных дел просто огромны.

Следует также отметить, что приведенные выше затраты не учитывают так называемых иных материальных расходов на бумагу, использование технических средств. Так, объем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого по изученным нами уголовным делам, рассмотренным районными судами, составляет в среднем 3-5 страниц по 82,1 % уголовных дел (по 7,9 % уголовных дел объем постановления о привлечении в качестве обвиняемого превышает 5 страниц), как и протокол допроса в качестве обвиняемого – 3-5 страниц по 86,3 % уголовных дел (по 13,7 % уголовных дел объем протокола допроса превышает 5 страниц).

При этом, как отмечают сами следователи, даже по «простым» уголовным делам постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, как правило, выносится не менее двух раз.

Таким образом, если учесть, что ежегодно предварительным следствием с обвинительным заключением в суд направляется около 600 тысяч уголовных дел, по каждому из которых объем постановления составляет в среднем около 5 листов бумаги формата А-4, то на производство только данного следственного действия расходуется около 6 млн листов, что составляет порядка 5 млн руб. ежегодно.

Кроме этого, значительные суммы расходуются на оплату услуг адвокатов при производстве данного следственного действия. Часть из них оплачивается непосредственно обвиняемыми, а по 80,4 % изученных уголовных дел – из средств

бюджета государством в порядке ст.51 УПК РФ (адвокаты по назначению).

Таким образом, полагаем, что замена института привлечения лица в качестве обвиняемого на уведомление о подозрении в совершении преступления будет способствовать не только унификации и упрощению досудебного производства по уголовному делу, но и позволит максимально снизить риск необоснованного предъявления обвинения и негативные последствия от этого, а также решить целый ряд задач.

В частности, с учетом предусмотренных УПК РФ оснований для уведомления о подозрении в совершении преступления, оно позволит поставить в известность лицо об осуществляющемся в отношении него уголовном преследовании на более ранних этапах расследования по уголовному делу и разъяснить ему правовой статус. При этом перечень прав подозреваемого свидетельствует о наличии реальной возможности полноценного противостояния стороне защиты стороне обвинения

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 года N 144-ФЗ // Российская газета. - 1995. - 18 августа.
2. Быков В.М. Дознание: новое в производстве. Комментарий к федеральным законам от 06.06.2007 № 90-ФЗ и от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Уголовный процесс. - 2007. - № 8. - С. 5.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Демидова Е.В.

Проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде: учебное пособие / Е.В. Демидова. — Казань: КЮИ МВД России, 2012. —127 с.

ISBN 978-5-901593-29-5

Допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

В учебном пособии раскрываются признаки, показатели, причины экстремизма в молодежной среде; предлагается криминологический анализ лиц – членов молодежного экстремизма; проанализированы особенности общего (общесоциального) и специального предупреждения экстремизма в молодежной среде.

Учебное пособие предназначено для слушателей и курсантов вузов МВД России

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ПОЛИЦИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

30 мая в Казанском юридическом институте МВД России в рамках итоговой научно-практической конференции «Социально-правовые проблемы борьбы с преступностью в современной России» состоялся круглый стол «Полиция: предварительные итоги реформирования и перспективы» с участием представителей государственной власти, ученых и практических работников правоохранительных органов Республики.

Почетными гостями и участниками круглого стола были:

Нугуманов Рафил Габтрафикович, заместитель председателя комитета по законности и правопорядку Государственного Совета Республики Татарстан;

Петрова Ирина Степановна, кандидат юридических наук - помощник Прокурора г. Казани;

Салахутдинов Динар Дамирович, старший помощник Прокурора г. Казани;

Сафиуллин Фарид Наилевич, начальник Управления по работе с личным составом МВД по РТ;

Павлов Олег Федорович, ведущий научный сотрудник группы по РТ филиала по ПФО ФГКУ «ВНИИ МВД России», кандидат юридических наук,

а также профессорско-преподавательский состав института.

На заседании круглого стола были обсуждены проблемы:

- кадрового обеспечения подразделений полиции и повышения личной ответственности сотрудников за нарушения законности;

- построения новой модели отношений органов внутренних дел и общества, усиления общественного контроля за деятельностью полиции;

- гуманизации форм и методов работы полиции;

- оптимизации функций и организационно-штатного построения системы ОВД;

- внедрения антикоррупционных стандартов и формирования квалификационных характеристик сотрудников полиции, повышения требований к их профессиональным и моральным качествам;

- оценки эффективности деятельности подразделений полиции.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратился **Нугуманов Рафил Габтрафикович**, заместитель председателя комитета по законности и правопорядку Государственного Совета Республики Татарстан. В своем выступлении он кратко обрисовал основные направления реформирования полиции, указал на противоречия и трудности этого процесса.

Об основных задачах вузов МВД России в процессе реформирования системы органов внутренних дел на примере нашего института рассказал заместитель начальника института по учебной работе кандидат юридических наук,

доцент **Хисамутдинов Фарид Раильевич**. В своем выступлении он отметил, что стратегическая цель реформы ве-

домственной системы образования – создать современные конкурентоспособные образовательные центры, в которых курсанты и слушатели могли бы вырастить в высококвалифицированных специалистов с профессиональным кодексом чести.

С докладом «Роль кадровых подразделений в реформировании системы ОВД Республики Татарстан» выступил начальник УРЛС МВД по РТ полковник внутренней службы **Фарид Наильевич Сафиуллин**. В выступлении были отмечены основные направления деятельности управления по работе с личным составом МВД по РТ, выделенные министром внутренних дел по Республике Татарстан генерал-майором полиции Артемом Валерьевичем Хохориным: первое место занимает работа по формированию и подготовке резерва руководящих кадров. Возобновление практики обучения руководителей и сотрудников, состоящих в резерве, на факультете повышения квалификации Казанского юридического института. Внесение изменений в действующие нормативные документы, регламентирующие это направление, исходя из требований современной кадровой ситуации;

второе: оказание помощи молодым сотрудникам в профессиональном становлении, обеспечение преемственности профессионального опыта между поколениями сотрудников, повышение роли наставничества в служебной деятельности органов внутренних дел;

и, третье, работа с сотрудниками, включенными в группы повышенного психолого-педагогического внимания, главной целью которой является очищение рядов от потенциальных нарушителей служебной дисциплины и оказание помощи заинтересованным сотрудникам в укреплении личной мотивации качественного выполнения служебного долга.

Докладчик отметил, что комплексное выполнение стоящих перед кадровой

службой задач обеспечит сохранение и укрепление профессионального ядра ведущих подразделений, послужит надежной опорой для совершенствования и повышения эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Республики Татарстан.

Проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания осветила в своем выступлении кандидат юридических наук **Петрова Ирина Степановна**, помощник прокурора г. Казани.

Актуальные вопросы прокурорского надзора за содержанием лиц, задержанных в административном порядке, рассмотрел в своем докладе старший помощник прокурора г. Казани **Салахутдинов Динар Дамирович**.

Различные аспекты оценки общественным мнением процесса реформирования полиции раскрыл в своем докладе «Полицейская реформа: дискурсивный анализ обсуждаемых проблем и решений» начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России, доктор социологических наук, профессор **Юрий Юрьевич Комлев**.

Краткие итоги обсуждения темы круглого стола, результаты первого этапа реформирования системы органов внутренних дел проанализировал в своем выступлении «Предварительные итоги реформирования ОВД» доктор юридических наук **Рашид Рахимуллович Алиуллов**, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД института.

По итогам работы круглого стола было решено подготовить сборник выступлений участников с практическими рекомендациями.

Начальник НИиРИО
полковник полиции
Д.Э. Кабиров

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЛУЧШИЙ ПУТЬ К ЗНАНИЮ

16 мая в стенах нашего института состоялась всероссийская научная конференция адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием «Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан на современном этапе».

Организаторами конференции выступили сотрудники научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, кафедры института, активисты слушательского научного общества.

На пленарном заседании присутствовали заместитель начальника института по научной работе полковник полиции **Сергей Николаевич Миронов**, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела полковник полиции **Дмитрий Эрнстович Кабиров**, профессорско-преподавательский состав института, адъюнкты, курсанты и студенты, в том числе из Казанского федерального университета, Казанского национального исследовательского технологического университета, Казанского юридического института Российской правовой академии Министерства юстиции России. Почетным гостем конференции был руководитель ассоциации иностранных студентов в г. Казани **Адени Адебайо** (Нигерия).

Для гостей конференции была организована экскурсия по музею, которую провели активисты слушательского научного общества.

В начале пленарного заседания, по уже сложившейся доброй традиции, дипло-

мами института были награждены победители общеинститутского конкурса на лучшую научную работу:

- за первое место:

младшие лейтенанты полиции Базуева Алена Алексеевна и Сухарева Оксана Сергеевна.

- за второе место:

сержант полиции Исмаилов Фархад Фаильевич.

- за третье место:

рядовые полиции Галимова Гульназ Ильдаровна, Закирова Гульнар Ильхамовна, Хабибуллина Рамиля Ильгизаровна.

Кроме того, за высокие достижения в конкурсе научных работ были награждены: младший лейтенант полиции Юнусов Айдар Лутович; рядовой полиции Кирюшина Екатерина Геннадьевна; Хасаншина Таслия Фаритовна; Шакирянов Булат Маратович.

От всей души поздравляем наших победителей и желаем дальнейших научных достижений!

На пленарном заседании обсуждались наиболее дискуссионные проблемы, волнующие студенчество, в их числе «Актуальные вопросы совершенствования процессуально-правовой регламентации института "досудебное соглашение о сотрудничестве"», «Причины проявлений религиозного экстремизма в современном обществе», «Особенности правовой природы принципа «разумного срока»: взгляд отечественного законодателя на международ-

ные стандарты», «Проблемы правового регулирования договорных отношений субъектов инновационного процесса в области нанотехнологий», «Внедрение инновационных технологий в деятельность государственных органов», «Проблемы участия защитника в уголовном процессе на стадии предварительного расследования».

На пленарном заседании обсуждались наиболее дискуссионные проблемы, волнующие студенчество. Председатель слушательского на-

учного общества КЮИ МВД России Исмаилов Ф.Ф. в своем докладе «Актуальные вопросы совершенствования процессуально-правовой регламентации института "досудебное соглашение о сотрудничестве"» отметил, что введенный 29 июня 2009 года Федеральным законом №141-ФЗ институт «досудебное соглашение о сотрудничестве» обусловил высокий резонанс не только среди ученых и правоприменителей, но и в широких общественных кругах. Так называемая за рубежом «сделка с правосудием», появившись в отечественном законодательстве, вызвала неподдельный научный интерес и инициировала активный научный поиск, направленный на изучение и всесторонний анализ этого феномена российской уголовно-правовой материи. В целом наметившуюся тенденцию к оптимизации и некоторому упрощению судопроизводства автор признает положительной, органически дополняющей диспозитивные начала в российском уголовном процессе. **Вместе с тем отмечает, что реализация этой экономически выгодной и практически целесообразной идеи не может не вызывать определенных нареканий как с точки зрения законодательной техники и сбалансированности норм рассматриваемого института, так и практической целесообразности правовой регламен-**

тации тех или иных правоотношений. Относительная новизна, малоизученность и беспрецедентный характер досудебного соглашения о сотрудничестве отразились на качестве и эффективности процессуально-правового регулирования данного института.

По мнению автора доклада, введение в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство института «досудебное соглашение о сотрудничестве» несомненно является шагом вперед, но необходимо надлежало урегулировать данное положение в законодательстве, устранить ряд пробелов и коллизий при его применении и реализации.

Доклад адъюнкта кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Абдулганеева Р.Р. был посвящен мерам противодействия религиозному экстремизму в ФРГ. В выступлении было отмечено, что болезнью религиозного экстремизма поражен практически весь мир, вне зависимости от географического положения страны или ее экономического развития. Все чаще страны с высокой долей эмигрантов среди коренного населения становятся базой для рекрутирования новых сторонников религиозных экстремистских организаций. Далее автор привел негативную динамику роста преступлений экстремистской направленности и проанализировал рейтинг антиэкстремистских программ, составленный специалистами института криминологии Университета Кёльна по итогам 2010 года, имеющих наибольший социальный эффект.

Председатель студенческого научного общества Казанского филиала Российской академии правосудия Чернов К.Н. в выступлении на тему «Особенности правовой природы принципа «разумного срока»: взгляд отечественного законодателя на международные стандарты» отметил, что одним из важнейших факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав национальными судами, согласно правовой позиции Европейского суда по правам человека, является свое-

временность судебной защиты. В практике ЕСПЧ не выработаны четкие пределы разумности срока судебного разбирательства. При решении вопроса о нарушении права на рассмотрение спора в разумный срок используются такие критерии, как сложность дела, поведение заявителя и действия компетентных властей, а также важность рассматриваемого вопроса для заявителя. Автор резюмирует, что принятие необходимых законов должно послужить эффективным средством правовой защиты от системных нарушений в деятельности государственных органов при осуществлении права на справедливое судебное разбирательство, соответствующее европейским стандартам осуществления правосудия.

В докладе «Проблемы правового регулирования договорных отношений субъектов инновационного процесса в области нанотехнологий» студент Казанского федерального университета Сергеев Р.С. обозначил в качестве центральной по своей значимости проблему обеспечения баланса интересов субъектов инновационного процесса в области нанотехнологий посредством разработки взаимно оптимальных и рентабельных условий договора НИОКТР. Для прогнозирования неблагоприятных последствий в связи с исполнением данного договора автор предлагает включить в него положения о проведении патентных исследований, детальном описании технического задания, контроле за исполнением обязательств контрагентов, сроках предоставления информации (отчётности), использовании результатов работ, в том числе и путем их передачи третьим лицам. Автор полагает, что устранение пробелов в гражданском законода-

тельстве, чёткая регламентация договорных отношений субъектов инновационного процесса в сфере нанотехнологий, определение прав и обязанностей при осуществлении баланса интересов сторон, а также выявление коррупционных проявлений при заключении и исполнении договоров на выполнение НИОКТР в наукоёмких сферах будет способствовать беспрепятственной коммерциализации нанопродукции и её доведения до потребителей.

Следующий участник пленарного заседания - слушатель Сухарева О.С. - представила для обсуждения доклад «Внедрение инновационных технологий в деятельность государственных органов». Автор рассмотрела особенности автоматизации практической работы сотрудников правоохранительных органов, органов прокуратуры и суда. В настоящее время министерства и ведомства республики с помощью единой межведомственной системы электронного документооборота обмениваются документами, подписанными электронной цифровой подписью, что избавляет их от необходимости подписывать и отправлять аналогичный документ в бумажном виде. Оператором единой межведомственной системы электронного документооборота является Центр информационных технологий Республики Татарстан. Автор пояснила, что в России можно использовать аналоги планшетных компьютеров, их выбор должен зависеть от функциональных возможностей необходимых для ведения уголовного судопроизводства. Новизна ведения уголовных дел предполагает замену протокола следственных действий на электронный протокол, а также переход в ближайшем будущем на безбумажное ведение уголовного процесса, как в зарубежных странах.

В докладе «Субъекты антикоррупционной экспертизы муниципального образования «Город Казань»: проблемы правового регулирования» студентка Казанского юридического института Российской правовой академии Министерства юстиции РФ Гайнутдинова Е.Н. отметила, что в ус-

ловиях модернизации российской государственности, правовой и экономической систем коррупция оказывает существенное противодействие не только реформаторским начинаниям власти, но и формирует негативный образ государства как для российских граждан, так и на международной арене. Одним из эффективных способов борьбы с коррупцией, позволяющим решить данную проблему, является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Данная экспертиза позволяет оценить проверяемый документ с точки зрения потенциально возможных проявлений коррупции в результате его применения. Главной целью антикоррупционной экспертизы является устранение коррупциогенных норм из текста нормативного правового акта или проекта, что ведет к снижению коррупционных проявлений при непосредственном правоприменении.

Для проведения более объективной экспертизы автор предлагает ввести новый субъект антикоррупционной экспертизы в дополнение к уже существующим - Экспертный комитет Совета по противодействию коррупции в городе Казани.

Слушатель Базуева А.А. достаточно подробно рассмотрела проблемы участия защитника в уголовном процессе на стадии предварительного расследования. Автор предприняла попытку обоснования необходимости активного участия защитника на стадии предварительного расследования, эффективности его участия при производстве следственных действий, которые требуют продолжения процесса совершенствования законодательства в направлении процессуальных прав защитника, предоставления ему более широких полномочий в процессе доказывания.

Следователь, прокурор не допускают участие одного адвоката по защите двух подозреваемых, обвиняемых, даже если в их показаниях нет противоречий, поскольку встречаются случаи, когда в суде подсудимые меняют свои показания, и участие одного защитника двух подзащитных по одному делу становится недопус-

тимым и может привести к отмене обвинительного приговора. Далее автор отмечает, что существует проблема формального участия адвоката – защитника по назначению дознавателя, следователя. Для решения некоторых противоречий между сторонами защиты и обвинения в вопросе об участии адвоката-защитника законодательство об оплате труда адвокатов нуждается в реформировании, поэтому автор предлагает внести изменения в действующее законодательство, касающееся установления единой ежемесячной заработной платы, чтобы не оценивать труд защитника по назначению в днях участия, а также предусмотреть дополнительные премии с учетом специфики и тяжести уголовного дела.

Доклад слушателя Маракулинов Е.В. был посвящен нравственно-правовым основам деятельности следователя. Деятельность правоохранительных органов, направленная на обеспечение безопасности личности, общества и государства, в той или иной мере затрагивает интересы всех членов общества. Поэтому нравственные проблемы, порождаемые спецификой этой деятельности, её целями, содержанием, формами, методами, всегда находятся под пристальным вниманием общества. Ввиду ограниченной гласности следствия, в его руках на определенный период сконцентрированы все основные процессуальные функции: уголовное преследование (обвинение), защита (поиск не только уличающих, но и оправдывающих доказательств); разрешение дела (обвинение или прекращение дела). Для реализации всех этих функций следователь наделен очень большими правами и широкими властными полномочиями, позволяющими ему единолично, как правило, разрешать все возникающие при расследовании вопросы и самостоятельно принимать решения. Именно поэтому к следователю предъявляются высокие нравственные требования. Принятие решения с позиции нравственности – всегда сложный процесс. Для лиц, осуществляющих расследование, он может быть осложнен в ситуациях, связанных с противо-

действием расследованию. При выборе средств достижения цели и их применении требуется анализ соответствия средства цели, законности, четкое представление о тактических рисках его применения, возможных негативных последствиях и моральной соразмерности позитивного и негативного в полученном результате. Буква закона должна находиться в разумном балансе с моралью и нравственностью при принятии решения следователем.

Руководитель ассоциации иностранных студентов в г. Казани Адени Адебайо (Нигерия) представил для обсуждения доклад «Проблемы социально-правовой адаптации иностранных студентов в современной России». Все участники пленарного заседания подготовили содержательные, глубокие выступления, вызвавшие оживленную дискуссию, и ответили на вопросы присутствующих.

Далее состоялись секционные заседания по следующим направлениям: «Актуальные проблемы правового регулирования

государственных и гражданско-правовых отношений на современном этапе»; «Преступность и ее тенденции в современной России, проблемы общей и специальной профилактики преступности»; «Социально-политическое и экономическое положение личности в российском обществе: проблемы девиантного поведения и социального контроля»; «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью»; «Вопросы укрепления правопорядка в современном обществе».

По результатам работы секций наиболее активным участникам конференции были вручены дипломы I, II и III степени.

По мнению участников конференции, проведение подобных научных мероприятий способствует развитию качеств, необходимых в работе профессионального юриста: красноречия, способности отстаивать свою точку зрения, уверенности в себе и умения выступать перед большой аудиторией.

Старший научный сотрудник НИиРИО
подполковник полиции Ю.Ю. Бурмистрова

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
3. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
4. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
5. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
6. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
7. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Кабириным Дмитрием Эрнстовичем (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)